

БЕЛАРУСЬ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

О НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЛАРУСКОЙ ИДЕЕ

**НЕИЗВЕСТНАЯ
ИСТОРИЯ**

**НЕИЗВЕСТНАЯ
ИСТОРИЯ**

БЕЛАРУСЬ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО!

О национальной белорусской идее

Составитель и редактор А.Е. Тарас

Смоленск
Книжный клуб «Посох»
2011

Серия основана в 2009 году

Автор серии «Неизвестная история» А. Е. Тарас

- Б57** **Беларусь** превыше всего! (О национальной белорусской идее)
/ Составление, перевод, научное редактирование А. Е. Тараса. —
Смоленск: Посох, 2011. — 240 с. — (Неизвестная история)

Идеология любого национального государства должна базироваться на четко сформулированной национальной идее. Этот тезис чрезвычайно актуален для Беларуси, где титульная нация составляет 83 % населения. Несмотря на обретение независимости около 20 лет назад, белорусская национальная идея еще не выработана. Причины — господство крестьянской психологии, популярность теорий социалистического толка, а также ряд других факторов.

Авторы статей, собранных в книге, рассматривают содержание национальной идеи под разными углами зрения и дают ответы на ключевые вопросы. В совокупности эти ответы конструируют национальную идею, адекватную современному периоду нашей истории.

*Редактор-составитель и авторы
благодарят Александра Степаненко
за помощь в издании книги*

Предисловие: суть проблемы

Летом 2009 года Дмитрий Образцов подарил мне свою брошюру «Нацыянальная ідэя: навошта, што, дзея чаго» (60 страниц), изданную двумя годами раньше и попросил высказать мнение относительно ее содержания.

Мнение мое таково. В брошюре хорошо изложена программа общедемократических и экономических реформ, необходимых нашей стране. Я согласен почти со всеми тезисами автора. Меня смущает лишь одно обстоятельство — несмотря на заглавие, брошюра не содержит ничего специфически белорусского. Под программой, изложенной Д. Образцовым, вполне могли бы подписаться и украинцы, и россияне, и казахи с узбеками...

В мае 2010 года мне довелось издать книгу известного исследователя белорусской культуры профессора Леонида Лыча «Беларуская нацыянальная ідэя: Тэарэтычны і практычны аспекты». Своим объемом (448 страниц) она превосходит брошюру Д. Образцова в 7,5 раз. Несмотря на это, и ее содержание не соответствует заглавию. Автор осуществил экскурс в историю развития белорусской культуры с конца XIX века до 1922 года. Но объяснения принципиальной сути белорусской идеи, а также описания внешних форм ее проявления в сочинении Л. Лыча нет.

Еще одно соображение из той же серии — наши политические партии. Не знаю, что думают на этот счет их лидеры и функционеры, но со стороны прекрасно видно: очень мало в их деятельности национального. Разве что некоторые ведут свою пропаганду исключительно на белорусском языке, что в политическом плане является глупостью (как можно добиться победы на выборах, обращаясь не более чем к 23 % избирателей?!).

Размышляя над фактами такого рода, я пришел к мысли, что надо познакомить нашу общественность с мнениями «неангажированных» авторов, попытавшихся разобраться в указанной проблеме. Может быть после этого «здешние» прекратят «изо-

бретать примус», а их рассуждения и практические действия по реализации национальной идеи станут более плодотворными. Так возникла идея этого сборника статей.

Конечно, он мог быть значительно толще. Однако я специально ограничил объем. В данном конкретном случае — чем короче, тем лучше. И цена книги на прилавке более приемлемая, и прочитать сможет любой человек со средним образованием.

Не хочу утомлять читателя длинными рассуждениями, прежде чем он доберется до конечного вывода. Предлагаю этот вывод сразу.

Суть национальной идеи фактически заключена в одной-единственной фразе: «Беларусь превыше всего» (на «мове» — «Беларусь перад усім»).

Тут мне могут задать «коварный» вопрос: выходит, вы предлагаете старый лозунг, только с другим географическим названием — «Belarus uber alles»? А вы знаете, кто его сформулировал?! Знаю. Ну и что? Как гласит народная мудрость, «золотая монета не перестанет быть золотой, если ее найдет подлец».

Убежден, что именно эта формула предельно кратко выражает суть ЛЮБОГО НАЦИОНАЛИЗМА. С какой такой стати, будучи беларусом, я должен кого-то считать выше своей нации? Ни за что! И так везде: русские и немцы, американцы и китайцы, итальянцы и японцы — все считают свою нацию «самой-самой». А что касается параллелей с германскими национал-социалистами, то я — националист, но отнюдь не социалист. Социализм, по моему разумению, это путь общества в тупик.

Национализм — в отличие от либерализма, коммунизма и политкорректности — не нуждается ни в каких обоснованиях. Моя страна и мой народ самые лучшие на свете потому, что они — мои! Для националистов этого тезиса более чем достаточно.

Кто всегда выступает против националистов? Представители национальных меньшинств, состоящих большей частью из иммигрантов. К чему приводит близорукая политика потакания пришельцам (ныне ее именуют политкорректностью), каждый может увидеть своими глазами, отправившись в автобусный тур по Европе. Например, Париж — красивый город. Вот только его улицы давно захватили толпы африканцев, арабов и сброда со

всего мира. Найти французов в столице Франции сегодня не просто. А в Лондоне вы можете встретить плакаты, изображающие Вестминстерский дворец с куполами в стиле мусульманской архитектуры и с лозунгом: «Ислам — светлое будущее Великобритании!» Это вовсе не шутка, а прогноз на будущее.

Меня могут спросить: как быть с тем фактом, что в Беларуси проживают не только беларусы, но и русские (8,3 % населения), поляки (3,1 %), украинцы (1,7 %), представители еще примерно 130 этнических групп (в сумме до 3 %).

По моему разумению, все они должны считать себя беларусами, независимо от своего этнического происхождения. У нас — унитарное государство, в нем не предусмотрена ни административная автономия для «нацменьшинств», ни культурная. Нам не нужны законы об «охране прав» меньшинств, не должно быть никаких национальных землячеств*. А кто из «меньшинств» с таким подходом не согласен, пусть возвращается на родину предков. Или уезжает на ПМЖ в какую-нибудь «политкорректную» страну вроде Франции.

И еще один «ма-а-а-ленький вопросик». Почему в нашей стране нет вразумительной национальной идеологии, несмотря на наличие специальных «идеологических отделов» в органах власти разных уровней?

А потому, что с точки зрения «начальства», роль национальной идеологии должна играть беспредельная преданность народа своему руководству. Постсоветские «кираўнікі» вполне в духе французского короля Людовика XIV думают, что «государство — это Я (или Мы)». Они хотят видеть со стороны всех слоев населения беспредельную преданность «первым лицам» и окружению («соратникам») этих «первых лиц». И еще, чтобы население проявляло эту преданность не рассуждая, в стиле призывов ЦК КПСС (имею в виду тезис о «беспредельной преданности родной коммунистической партии и ее ленинскому центральному комитету во главе с...»).

Иначе говоря, если находится у руля государства Бутылович — народ должен не жалеть своих сил, здоровья и даже жиз-

* Поэтому мне непонятно, с чего это вдруг беларуское руководство озаботилось правами цыган?

ни в борьбе за дело Бутыловича. Если сменил его, неважно каким способом, Стаканович — точно так же, «рьяно и с песней», народ обязан исполнять приказы и призывы Стакановича. Помер вдруг Стаканович или свергли его сподвижники, появился вместо него Стограмович — независимо от перемены персонажей и курса государственного корабля — массам следует проявлять все то же рвение, усердие, энтузиазм.

А патриоты-националисты служат Отчизне, не персонам. Более того, оценивают деяния всяких Бутыловичей-Стограмовичей с точки зрения пользы или вреда для Отчизны, а не для толпы начальников рангом пониже. И видят, что многих Стакановичей-Бутыловичей не только не за что любить, а давно пора сажать в тюрьму.

Вот за подобное вольнодумство власти их и гнобят. Нет, чтобы жить «как все» — ежедневно прибегая к мелким хитростям, унижаясь перед «начальством», воруя «по маленькой», так они о судьбе народа пекутся, о каких-то традициях вспоминают, о вере в Бога, даже о чести и совести. Не понимают, что государственным служащим честь, совесть, стыд и собственное достоинство не положено иметь по должности.

В разные времена в разных странах делали немало попыток выстраивать идеологию на основе принципа личной преданности «первому лицу» в государстве, будь то царь, генеральный секретарь правящей партии или президент. Но «первые лица», даже гениальные, приходят и уходят, а нация и страна остаются.

Предлагаемый сборник статей — не для «начальства». Он для патриотов Беларуси, независимо от их возраста, пола, этнического происхождения, вероисповедания, политической ориентации, уровня доходов. Но что могут сделать патриоты, если они — «просто народ», а не власть? — могут спросить у меня. Ответу: народ может всё. И то, кто находится у власти, и что эта власть собой представляет, зависит от воли народа. Если народу «без разницы», власть неизбежно распоясывается и творит все, что ей хочется. А если народ берет «обладателей власти» за горло, им приходит конец. Гнев народа — гнев Божий! Не я придумал.

Все, что сказано в этом сборнике — не манифест, не политическая программа. Это материал для размышления.

Анатолий Тарас, 3 января 2011 г.

ХРИСТИАНСТВО И БЕЛАРУСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Алексей Шейн,

сопредседатель партии

«Беларуская Христианская Демократия»

Начнем с самого начала. В начале было христианство. До христианства нас, как народа, не существовало. Были племена, князья и княжества, но только с приходом веры в Единого Бога стал формироваться единый народ.

Первый человек, о котором точно известно, что он распространял христианство на нашей земле — Торвальд Путешественник из Скандинавии. В 986 году он пришел в Полоцк, где основал первый монастырь — святого Иоанна Крестителя. Но зерна христианской веры были брошены намного раньше, — еще во второй половине VIII века. И, как показала история — брошены на плодородную почву.

Важно, что у нас не было того «крещения Руси», через которое прошли соседние народы, среди которых огнём и мечом распространялась даже не вера (с главными заповедями «полюби Господа Бога твоего всем сердцем своим, и ближнего, как самого себя»), а скорее «христианство» как геополитическая доктрина. Благодаря Богу, на наших землях распространение веры в Христа происходило по-другому: не столько через политику, сколько через просвещение и культуру.

Памятники христианской «революции» X — XII веков по сию пору очаровывают нас: Софийский собор в Полоцке, Борисоглебская (Коложская) церковь в Гродно, произведения писателя и философа Клима Смолятича, деятельность выдающегося христианина, епископа Кирилла Туровского, просветительская работа княжны Ефросинии Полоцкой.

Христианство в то время не только ввело наших предков в контекст европейской культуры. Оно не только влияло на формы и методы политической деятельности. По сути, христианская вера дала понимание того, как должны выглядеть отношения человека с Богом, и человека с человеком, стала основополагающим фактором в процессе формирования белорусского народа.

Благодаря христианской вере пришло понимание того, что народ должен осмысливать пройденный им путь. По примеру Библии, содержащей в себе несколько летописных книг, показывающих в назидание потомкам исторический путь еврейского народа и государства, начали создаваться первые белорусские летописи. Таким образом, с приходом христианства началась наша письменная история.

Существует интересная закономерность, подтвержденная историей — там, где есть Вера, там есть и Независимость. А где безверие — там рабство.

Иными словами: вера — условие независимости.

Когда страна и народ теряют веру в Бога, тогда они теряют и независимость. Этот непреременный закон действует в любые эпохи и в самых разных цивилизациях. Библия полна примеров того, насколько тесно взаимосвязаны вера народа в Бога и независимость страны. История Беларуси (Литвы) только подтверждает этот Библейский закон. Духовное пробуждение стало предпосылкой расцвета страны: сначала во времена Ефросинии Полоцкой и Кирилла Туровского, затем в эпоху Франциска Скорины, Василия Тяпинского, Астафия Валовича, Льва Сапегы*.

Этот закономерность действует не только на уровне народов и государств. Еще более очевидно она проявляется в жизни отдельного человека. Люди веры — люди независимые. Независимые в плане убеждений, которые не подпадают под идейно-философский «мейнстрим» /господствующее течение — *Ред./*, существующий в каждую эпоху. (К примеру, популярной общественной идеей около сотни лет тому назад был социализм; сей-

* Годы жизни: Ефросиния Полоцкая (1104 — 1167), Кирилл Туровский (ок. 1113 — после 1190), Франциск Скорина (ок. 1490 — ок. 1551), Астафий Валович (1520—1587), Василий Тяпинский (ок. 1530 — ок. 1600), Лев Сапега (1557—1633). — *Прим. ред.*

час ею стал либерализм: оба они отрицают единую вечную Истину). Очень часто люди веры — независимые и в материальном плане, ибо обладают целеустремленностью, внутренней дисциплиной, трудолюбием, и через это добиваются достатка. Кроме того, они свободны от многих зависимостей. И наоборот, люди зависимые (от алкоголя, наркотиков, сексуальных желаний и прочего) не имеют веры.

Поэтому вера в Бога — главное условие личной независимости и Независимости государства. Была, есть и будет.

Давайте посмотрим, например, на XVI столетие. В ту эпоху происходили поистине тектонические сдвиги в европейской политике, экономике, культуре. То был «Золотой век» Беларуси (Литвы). А в фундаменте всего этого — великое духовное Пробуждение, ставшее предпосылкой расцвета государства.

Развитие тогдашней культуры, экономики, политических институтов было непосредственно связано с феноменальным распространением не формального, а живого христианства. Благодаря развитию книгопечатания сотни тысяч европейцев стали сами читать Библию. Пример деяний Христа мотивировал людей к служению обществу, вдохновлял на благородные поступки, давал силы для самоотверженной работы.

Примеров такого рода можно найти немало. Так, проект Скорины по изданию Библии не был бизнес-проектом (ему, выходящему из семьи богатых торговцев, было хорошо известно, какие товары приносят прибыль). Перевод и издание Священного Писания требовали от него определенного идеализма, жертвенности, смелой веры первопроходцев.

В 1563 году Николай Радзивилл Черный ради распространения христианского просвещения среди современников израсходовал сумму, равную годовой прибыли со всех своих имений. На эти деньги в Бресте большим тиражом была издана так называемая «Берестейская Библия».

В то время христианская идея формировала нашу нацию через книги прогрессивного политического мыслителя Андрея Воляна, через произведения Василия Тяпинского, Симона Будного, через государственную деятельность Астафия Валовича, Льва Сапеги и других людей, умевших рассуждать не только категориями материальными.

История доказывает, что вслед за духовным возрождением идет возрождение в других сферах общественной жизни.

Невозможно оспорить тот факт, что причиной расцвета общества является твердая приверженность духовным ценностям.

Если в обществе преобладают такие граждане, которые ведут себя справедливо, не воруют, не совершают других преступлений, то через какое-то время это общество обязательно достигает более высокого уровня развития и достатка.

Так что же дало христианство всем нам, и верующим и неверующим?

Давайте начнем с того, что сейчас на слуху — с демократии.

Современная демократия, родившаяся в Европе и США, и давшая миру множество благ — это продукт Нового Времени, когда Европа пережила самое сильное за всю ее историю христианское возрождение.

Идея четкого разделения ветвей власти тоже вышла из христианского мировоззрения. Она основана на постулате, что все люди грешные. Поэтому всякого человека (даже если он хороший правитель) должны контролировать другие люди и институты, ибо власть имеет свойство развращать.

Та демократия, которой мы пользуемся сейчас, и которая вывела в свое время Европу в мировые лидеры — была создана именно христианством, живым христианским духом. Именно это достижение, и все что из него последовало позже — стало настоящей европейской идентичностью. Оно возвысило Европу над остальными...

«Если ты будешь слушаться голоса Господа Бога твоего, старательно исполнять все заповеди Его, которые заповедают тебе сегодня, то Господь, Бог твой, поставит тебя выше всех народов земли» (Библия, Второзаконие, раздел 28, стих 1).

Верить или не верить — это уже наш выбор.

Следующее благо — права человека. Это понятие, и вообще понимание важности прав человека, а не только государства или идеологии, является наследием христианской цивилизации. Первые борцы против рабства, такие как Уильям Уилберфорс в Великобритании, представители движения аболиционистов в США, были искренне верующими христианами. Они знали,

что Бог создал всех людей равными. Понятие ценности каждой человеческой жизни и уважение к правам каждого человека были выращены именно христианской моралью.

Христиане понимают, что значит «неотъемлемое право»: оно неотъемлемое потому, что дается человеку Богом, а не властью государства или какой-то партии, поэтому никакой человек или структура не уполномочены отнимать это право.

Следует отметить и такие сферы человеческого существования, как наука и культура. Если мы посмотрим на историю последних 400 лет, то должны признать, что наибольшего расцвета и наибольших высот наука, техника и культура достигли в обществах не мусульманских, не буддийских, не языческих, а в тех, которые принадлежат к христианской цивилизации.

Устойчивая в своем развитии экономика — это тоже результат христианского менталитета и христианского отношения к труду.

Непредвзятое рассмотрение фактов такого рода говорит нам об исключительной роли христианства не только в формировании цивилизации, но и в становлении нашей страны и формировании нашего народа. Во все ключевые моменты подъем христианства шел рядом с национальным подъемом.

Тем не менее, до сего времени люди неверующие часто рассматривают религию просто как «бонус» к культуре, и не более того. Однако вера не может быть «бонусом», ибо на самом деле она — фундамент. Религия, вера — они рождают культуру.

Христианская вера продуцирует культуру. Понятно, что вера в то, что Бога нет, тоже продуцирует свою культуру. В том числе культуру политическую.

Однажды, перед президентскими выборами 2006 года, происходило заседание избирательного штаба Александра Милинкевича. Дорабатывалась избирательная программа Единого кандидата от демократических сил. На заседании присутствовали в основном руководители демократических партий. Разговор зашел о том, что в программу надо включить пункт о том, что кандидат в президенты выступает за создание равных условий для деятельности всех религиозных конфессий и за духовное возрождение Беларуси. Предложение было принято, но вызвало у части партийных лидеров вопрос: «что общего имеют духовность и религия?»

Проблема в том, что «развитие духовности» наши люди часто понимают как концерты народной самодеятельности, фестивали, всевозможные выставки, спектакли, наконец — как «интеллектуальное кино». А на самом деле это распространение христианских ценностей в различных сферах общественной жизни.

Кстати, если говорить о «ценностях», то христианские ценности — понятие универсальное для Запада и Востока, Севера и Юга. За ним стоит четкий набор идей и целостное мировоззрение.

В то же время практика показывает, что если мы говорим о ценностях «европейских» или «общечеловеческих», то уже не может быть речи о каком-либо мировоззренческом единстве. Часть людей понимает под «европейскими ценностями» ценности именно христианские, другая часть — либеральные (например такие, как толерантность, политкорректность). Еще часть имеет свой набор идей, на который клеится ярлык «сделано в Европе».

Вот несколько примеров того, что определенные группы людей считают «истинными» европейскими ценностями: философию Жан-Жака Руссо и кровавую Французскую революцию с ее террором; концепцию «сверхчеловека» Ницше; социализм и коммунизм, выросшие на идеях европейских интеллектуалов, таких как Вольтер или Маркс.

Тоталитарные идеологии, унесшие десятки миллионов жизней в XX веке, были выработаны в Европе и насаждали их по всему миру прежде всего европейцы. Китайский и другие коммунистические режимы в Азии (а также похожие на них в Африке и Латинской Америке) были экспортированы из Европы, а не изобретены там, где они причинили огромный вред.

Социализм в Российской империи конца XIX — начала XX века (а за ним и советский коммунизм) — это несомненно «европейский проект». Идея социализма восхищала российскую интеллигенцию, студенчество, была модной именно потому, что была «европейской», «цивилизованной», считалась даже способом европеизации России. То есть, идея социализма преподносилась как продукт «европейских ценностей». Но социализм отбрасывал тот фундамент, который сделал Европу Европой — христианскую веру в Бога. Ту веру, которая у европейцев была не

отвлеченной философской концепцией, а являлась повседневной и прикладной — определяющим образом воздействовала на все сферы их жизни: семью, воспитание детей, профессиональную деятельность, политику...

На свете существуют несколько тысяч народов, и только около 200 государств. Мы, беларусы, должны быть благодарны Богу за то, что находимся в числе этих немногих избранных, имеющих свое государство. Разве же это не чудо?

Давайте вспомним, что пережили беларусы за последние 150 лет:

- Восстание 1863 года и репрессии после него;
- Первую мировую войну;
- Две революции 1917 года;
- Гражданскую и советско-польскую войны (1918–1920 гг.);
- Репрессии 1920 — 1930-х и начала 40-х годов;
- Вторую Мировую войну;
- Продолжение сталинских репрессий;
- Авторитарное правление КПСС после Сталина (до конца 1980-х гг.);
- Чернобыль — крупнейшую техногенную катастрофу в истории человечества.

Восстания, репрессии и войны стали причиной гибели беларуских элит. Каждый раз, когда поднималось новое поколение смело мыслящих, свободолюбивых, его безжалостно уничтожали враги беларуской независимости.

Потому часть беларусов приобрела специфическую черту характера: умение приспособиться к любой ситуации. Существует мнение, что, в отличие от других республик бывшего Советского Союза, беларусы были не только самыми русифицированными, но не имели даже своего диссидентского движения.

Однако диссиденты были, и не только при Хрущеве. В те времена, когда в Минске стоял самый высокий в СССР памятник Сталину, и тысячи людей собирались для поклонения статуе «отца народов», в нашей стране находились и те, кто, согласно с христианским учением, не создавал себе кумиров, верил Богу, и остался верующим. Эти люди собирались на подпольные молитвенные встречи, несмотря на то, что им противостояла ужас-

ная машина советских карательных органов. Их бросали в тюрьмы и лагеря, отправляли на каторгу, убивали — но они не отрекались от веры в Бога и не шли ни на какие компромиссы со слугами сатанинского режима.

Это значит, что диссидентское движение в Беларуси было. Причем «диссидентское» в изначальном смысле этого слова. Люди, которых впервые стали называть «диссидентами», появились в Англии еще в XVII — XVIII столетиях. Это были члены некоторых протестантских общин, не согласных с системой религиозного и общественного устройства тогдашней Англии.

В Великом Княжестве Литовском и Речи Посполитой во времена Реформации диссидентами стали называть последователей разных христианских конфессий.

Беларуское движение ненасильственного сопротивления гонениям со стороны безбожников-сатанистов (атеистов) в советские времена было диссидентским в точном смысле этого слова. Это движение не только резко и категорически отрицало коммунизм, но, что интересно, шло дальше, предлагая свою альтернативу: в основе жизни каждого человека и жизни всего общества должны лежать моральные стандарты, основанные на Десяти Заповедях, а также проверенные временем христианские ценности. Можно сказать, что это была отчаянная попытка белорусских христиан, принадлежавших к разным конфессиям, не только сформулировать, но и реализовать Национальную Идею в самое неблагоприятное для этого время.

Сегодня Беларусь занимает ряд высоких позиций в мире совсем не там, где хотелось бы.

Она входит в «первую десятку» стран мира по количеству выпитого алкоголя на душу населения.

То же самое — по числу заключенных на 100 тысяч населения.

То же самое — по числу самоубийств на каждые 10 тысяч жителей.

То же самое — по числу аборт относительно числа зачатий.

С 1994 года в Беларуси происходит постоянная «депопуляция», или, говоря проще — вымирание населения. По данным середины 2010 года белорусов насчитывается 9 млн 467,7 тысяч. Значит, за последние 16 лет нас стало меньше на 850 тысяч чело-

век. Это то же самое, что целиком вымерли восемь таких городов как Солигорск или Молодечно. И это без войн, без эпидемий, без катастроф!

Вот еще немного статистики:

— Около 25 % белорусских мужчин больны алкоголизмом.

— В Беларуси из каждых двух зачатых детей женщины одно рожают, второго убивают посредством аборта.

— В Минске на каждые 1000 браков приходится 600 разводов (министерство статистики отмечает, что только за 2007 год число зарегистрированных браков снизилось на 9,8%, число разводов возросло на 15,2%).

— Значительная часть детей растет без опеки отцов и страдает хроническими патологиями. В сравнении с 70-ми годами XX века число детей, рожденных вне брака, возросло в 3 раза и ежегодно составляет около 20 тысяч.

— Каждый пятый житель нашей страны находится в пенсионном возрасте, более 20 лет поколение детей численно не восполняет поколение родителей, при этом средний размер современной белорусской семьи составляет 3,2 человека.

Современное положение нашего общества свидетельствует об очевидном духовном и демографическом кризисе. Он наглядно проявляется в снижении рождаемости и росте смертности. Одна из главных проблем здесь — огромное число абортов. Отмена запрета на аборты в 1954—55 гг. значительно сократила рождаемость: с 222 тысяч в 1960 году до 89 тысяч в 2003. Всего в Беларуси за послевоенный период (с 1945 по 2007 год) было абортировано около 8 млн. 500 тыс. детей. Целая страна!

Отчего вымирают белорусы? Что забирает их жизни, разрушает семьи, уничтожает народ?

Главные причины сокращения рождаемости и повышения смертности — невысокий уровень жизни населения, экологические последствия катастрофы на Чернобыльской АЭС, разрушение института семьи, деградация общественной морали. Разрушение традиционной морали приводит к тому, что многие люди стремятся жить не для Бога (практически это значит — не для общества), а «для себя». Но эту жизнь «для себя» они понимают весьма примитивно — как приоритет физических «удовольствий» и безделья («отдыха») над упорным целеустремлен-

ным трудом, над рождением и воспитанием детей, над заботой о семье, о родителях, о престарелых и беспомощных гражданах.

Алкоголизм остается основным изъяном белорусского общества. Только по официальной статистике, продажа алкогольных напитков в Беларуси составляет около 10,6 литров чистого алкоголя на душу населения. Это один из самых высоких показателей в мире. Алкоголизм — страшное зло, разрушающее личность человека и уничтожающее семью: он является причиной 50% разводов и абсолютного числа сиротств.

В связи с этим приведу показательный список, который очень наглядно иллюстрирует ситуацию в Беларуси. Это ТОП-20 налогоплательщиков:

1. Беларуськалий
2. Нафтан
3. Мозырский НПЗ
4. Белтрансгаз
5. Лукойл
6. Белорусский металлургический завод
7. «Минск-Кристалл»
8. Минскэнерго
9. Белоруснефть
10. Юнис Ойл
11. Гомельэнерго
12. Славнефть Старт
13. ИП «Велком»
14. «Мобильные ТелеСистемы»
15. Табачная фабрика «Неман»
16. Климовичский ликероводочный завод
17. Белтелеком
18. Табак-Инвест
19. Витебскэнерго
20. «Гомельтранснефть «Дружба»

Впечатляет даже не то, что четыре структуры предоставляют водочную и табачную промышленность, а то, что они своей прибылью обошли такие, казалось бы, «исконно белорусские» бренды, как МАЗ и МТЗ, которые в этот список вообще не попали.

Перечисленные выше проблемы не искоренить никакой социальной рекламой. Их не победить принятием жестоких зако-

нов. Главное и единственное, что может помочь беларусам — правильные законы в сердце человека. А это сфера веры в Бога.

Каждый человек должен знать, ради чего он живет. Незнание смысла своей личной жизни, как правило, ведет человека сначала к моральной деградации, а затем к преждевременной смерти. Подобная схема действует и в масштабе народов. Народы, утратившие свою цель, которая мотивировала их к самоотверженному движению вперед, теряют волю к жизни и, в конце концов, исчезают.

Как существует призвание у каждого человека, в отдельной семье, так есть свое призвание и у народов. Этим призванием не может быть «стабильность» или «достаток». Хорошо кушать — не призвание, а благоприятный фактор.

Миссия — это сверхцель, высокая идея, за которой люди идут как за звездой, указывающей направление пути. Понимание и осознание этой идеи дает народу возможность ощутить себя настоящей, полноценной нацией. Национальная идея — это сформулированная миссия народа.

У нас еще сохраняется уникальная историческая возможность заложить правильный национальный фундамент. Мы — молодая, не до конца сформированная нация, у которой до сего времени не оформлен национальный типаж. Мы все еще спорим, какой должна быть национальная символика (красно-зеленая или бело-красно-белая), каким должен быть национальный гимн («Мы — беларусы» или «Магутны Божа»), как должны называться в будущем мы сами (беларусы или литвины). А это значит, что процесс формирования нации еще продолжается, на формирование облика нашей страны активно влияют правильные и ошибочные идеи, принципы, концепции.

Если подавляющее большинство наших граждан будет следовать проверенным временем и историей Десяти Заповедям («не кради», «не убивай», «не желай чужого», и т.д.), все общество станет более успешным. Идеальный вариант — иметь таких политических руководителей, которые на первое место ставят заботу о народе; таких судей, которые судят по закону и по совести; таких чиновников, которые руководствуются чувством долга и не берут взятку. Если во власти будут преобладать люди,

верящие в Бога и доверяющие Ему, в чьих сердцах прописан моральный закон, удерживающий их от греха, от этого будет хорошо всей стране.

Десять Заповедей и Заветы Христа — вот самый надежный фундамент общества, стабильного в своем развитии. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на самые успешные страны мира. Соединенные Штаты и Бразилия, Германия и Великобритания, Швейцария и Франция, Южноафриканская республика и Австралия... В этих и многих других процветающих государствах в основу устройства общества, экономики и культуры положены христианские принципы. Поэтому логика подсказывает, что построить успешную Беларусь можно только на христианском мировоззрении.

Коммунистический эксперимент полностью провалился, мы все это видели. Сегодня мы стоим на пересечении нескольких путей, по одному из которых пойдет Беларусь. Национальная идея, достойная того, чтобы ради нее жить и работать — это строительство новой Беларуси на прочном фундаменте учения Христа. Такой фундамент не развалится, не пошатнется во времена трудностей, он даст людям и уважение друг к другу, и сильную экономику, и качественное образование, и красивую культуру, а также душевное и физическое здоровье.

Миссия беларусов — показать остальным, как может измениться действительность, когда народ начинает жить по-христиански. И если у Бога действительно есть такой замысел насчет беларусов, важно не стоять у Него на пути.

Беларуская национальная идея — это сверхзадача, которую Бог доверил исполнять беларусам. Именно ради нее Он дал нам возможность быть народом и обладать своим государством.

КОНЦЕПЦИЯ БЕЛАРУСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Олег Кравцов,
предприниматель

Беларуский народ, несмотря на 19 лет жизни в суверенном Государстве, продолжает находиться в идеологической и культурной зависимости от России. Эта зависимость удерживает Беларусь в орбите политико-экономических интересов соседнего государства — в ущерб интересам белорусского народа, мешает ему развиваться как самодостаточной нации.

До сих пор ни официальные идеологи, ни общественные деятели не предложили нашему народу национальную идею, способную консолидировать белорусов в нацию и четко выделить себя среди других современных наций.

Все официальные идеологические концепции — от происхождения белорусов до модели «социального государства» — заимствованы из российско-советского контекста, научно несостоятельны, служат в первую очередь интересам России. Беларусам необходим переход от пророссийских концепций к своим собственным, требуется новое понимание самих себя, своей истории.

1. Происхождение белорусов

Первый необходимый шаг — выход из сферы идеологического влияния России. Это влияние, в свою очередь, связано с навязанными беларусам тремя базовыми мифами:

- мифом славянства (восточного славянства);
- мифом триединого русского народа;
- мифом преемственности Москвой государственности от Киевской Руси.

Российская концепция происхождения беларусов

Согласно ей, беларусы появились в результате деления некогда единого древнерусского народа. Славянские предки беларусов в VI—VIII вв. заселили Беларусь, вытеснив либо ассимилировав аборигенов-балтов, живших здесь до них. В XIII—XIV вв.

эти славянские предки попали под гнёт литовцев (летувисов), а затем поляков, благодаря чему и сформировались в качестве своеобразного этноса. Но, изнывая под гнетом литовско-польских феодалов, беларусы всегда тяготели к России. В конце XVIII века войска Российской империи освободили их от иностранного угнетения, произошло воссоединение со «старшим братом» — великим русским народом. Свою государственность беларусы впервые обрели только в 1919 году, в связи с учреждением БССР.

Ненаучность идеи этнического единства восточных славян

У беларусов, украинцев и русских никогда не было общих предков. Беларусы — потомки балтских племен (ятвягов, кривичей, пруссов и др.); украинцы — потомки скифо-сарматских племен (печенегов, половцев и др.); русские — потомки финно-угорских племен (мордвы, чуди, печеры, муромы, мешеры, веси...), испытавшие вдобавок мощное влияние тюрков.

Люди, проживавшие на территории будущей Беларуси, Украины и России до принятия христианства говорили на собственных неславянских языках. Славянский язык — это язык христианской миссии в Восточной Европе, его принесли сюда сначала миссионеры из Великой Моравии (в VIII веке), а затем завоеватели-варяги (русы).

Постепенно (за 500—700 лет) местное население перешло на язык княжеской администрации и христианской церкви. Однако каждый народ по-своему сочетал славянский язык князей, бояр и христианских книг с языком своего этноса. В результате возникли сначала десятки местных диалектов, а потом на их базе — современные беларуский, украинский и русский языки. Но в этническом, культурном, ментальном отношении каждый народ остался самим собой.

Единого русского народа никогда не было

Согласно мифу о «едином русском народе», на территории современных Беларуси, Украины и России в древние времена жил единый славянский народ — русы (русичи). Основными доводами в пользу данной теории являются так называемый древ-

нерусский язык летописей и тот факт, что в летописях князя называются «русскими».

— Но в контексте летописей *славянин* и *рус* — разные понятия: славяне — это народ, подчинённый русам, тогда как русы — правящая каста.

Летописные «руссы» — это варяги, иноземные воинские дружины (вероятно, скандинавского происхождения), взявшие под свой контроль водные торговые пути «из варяг в греки», пролежавшие по территории Беларуси, Украины и западных областей России. Славяне — общее название тех туземцев на подконтрольных варягам землях, которые научились «словить» — понимать язык русов.

Пресловутые «восточнославянские племена» — кривичи, дреговичи, радимичи, вятичи, древляне, север и прочие — это названия подконтрольных областей, придуманные администрацией «русских» (варяжских) князей, не имеющие ничего общего с самоназваниями племен.

По мере распространения христианства понятия «русские» и «русины» стали обозначать население, принявшее христианство — независимо от его этнического происхождения. Иными словами, «единого древнерусского народа» никогда не было. Была небольшая прослойка варяжской администрации и военных дружин, контролировавшая земли современных беларусов, украинцев и русских.

Киевская Русь — государство варягов

Киевская Русь — колониальное раннефеодальное государство варягов-русов, созданное с целью контроля водных торговых путей. История Киевской Руси — это история варяжских династий и варяжских городов, полиэтничное население которых составляло не более 1 % населения всей колонизованной территории.

История Руси начинается с прихода в будущую Новгородскую и Псковскую земли варягов-русов во главе с Рюриком*. Именно варяги принесли свою «русскую» цивилизацию и понятие «русь». До варягов на этих землях ни русов, ни Руси не существовало.

* В Швеции установлен памятник конунгу Рюрику как основателю и цивилизатору Руси.

В процессе продвижения варяжских дружин по рекам в южном направлении возникло относительно единое государство — Киевская Русь. Оно представляло собой сеть небольших варяжских опорных пунктов (градов) на огромном туземном пространстве. Новгородские и киевские летописи называют «русскими» всех князей варяжского происхождения («поколения русского»).

Для усиления власти князей (конунгов) и под культурным влиянием Византии, варяги стремились обратить туземное население в единую христианскую веру. Варяжская верхушка первой приняла ее. Язык христианской миссии — славянский, был принят в качестве государственного. С того времени понятие «русский» стало синонимом христианина и относилось ко всем людям, принимавшим христианство, независимо от этнической принадлежности. А «русским языком» назывался канцелярский вариант церковнославянского языка.

Россия — наследница Золотой Орды

Единый варяжский (русский) цивилизационный ареал нарушился в 1237–1240 гг. — с приходом татаро-монголов. Значительная часть территории будущей России и Украины оказалась под их властью*.

Татаро-монголы принесли в русскую (варяжскую) — относительно европейскую цивилизацию — другие принципы государственного устройства и управления. Они были основаны на азиатской деспотии: всякий человек в государстве — раб и личная собственность верховного правителя.

Данный принцип проводился в жизнь руками местных князей (потомков варягов). Опорной базой ордынской политики стала Владимиро-Суздальская земля — будущая Московия. Ярослав Всеволодович, великий князь Владимирский в 1238–1246 гг., основал проордынскую династию. Его потомки — Александр «Невский», Иван «Калита», Дмитрий «Донской», Василий «Темный», Иван «Грозный» и прочие — укрепляли монгольский принцип власти на подконтрольных им землях.

* На белорусских землях монгольская агрессия была отражена. Общая угроза ускорила интеграционные процессы. В начале XIV века балтский этнический ареал сомкнулся в единый организм: Полоцкая Кривия, Полесье, а вслед за ними и Смоленщина по своей инициативе вошли в состав Литвы.

Московия при поддержке Орды поглощала окрестные земли, кровью насаждала ордынский принцип управления, искореняла варяжскую вечевую демократию. Прежняя варяжская элита постепенно заменялась татарской, принявшей крещение.

С ослаблением власти чингизидов — потомственных правителей Золотой Орды, Московия в XV веке заняла лидирующее место среди бывших монгольских улусов (вассальных автономий) и продолжила ордынскую политику уже в своих интересах.

Последние островки варяжской Руси — Новгород и Псков — ликвидировали, соответственно, Иван III (в 1477 г.) и Василий III (в 1510 г.). После этого Русь как таковая перестала существовать. Наименование «Русь» в титуле московских великих князей утратило первоначальный смысл, стало использоваться как предлог для политических претензий на земли соседей.

Современная Россия — преемница и продолжательница Золотой Орды.

Беларусы – потомки людей, тысячи лет живущих на родной земле

Современное коренное население Беларуси генетически и антропологически идентично населению, проживавшему на этой земле три с половиной тысячи лет назад. Здесь менялись культуры и языки, но народ оставался тем же.

Здесь в XIII веке образовалось Великое Княжество Литовское (ВКЛ) — языческое государство, противостоявшее экспансии и насильственной христианизации со стороны Тевтонского Ордена, Галицкой Руси и Польши. Государственную традицию принесли сюда выходцы из Пруссии и Полабья, бежавшие от германской (тевтонской) экспансии в земли ятвягов. Они представляли собой воинскую касту «литва» (от слова «лют», обозначающего волка — тотемное животное воинов-язычников). Этот термин позже стал самоназванием народа (его этнонимом).

Полоцкая Кривия добровольно вошла в состав ВКЛ.

Как уже сказано, старорусский (древнерусский) язык — это канцелярский вариант церковнославянского языка, заимствованного варяжской администрацией в Византии и Моравии вместе с христианством. Он был избран в качестве языка делопроизводства в ВКЛ потому, что уже получил распространение на территории государства благодаря пропаганде христианства.

Со временем древнерусский язык полностью вытеснил балтские языки местного населения, однако под их воздействием преобразовался в крестьянской среде в местные диалекты. На их основе в конце XIX — начале XX века был создан литературный белорусский язык.

В XX веке в Беларуси широко распространился принесенный из России русский язык под названием «русский». Этот русский «русский» язык под воздействием местных говоров приобрел в Беларуси специфическую форму, известную под названием «трасянка».

2. Духовные и геополитические бренды Беларуси

Что такое духовные и геополитические бренды?

Это уникальные символы (названия, образы), олицетворяющие важные идеи*. Например, крест — символ христианства, олицетворяет христианские ценности. Бело-красно-белый флаг — символизирует национальное возрождение Беларуси.

Духовными брендами могут быть названия наций и государств, национальные символы, имена богов, мифические и реальные герои и т.д. Духовные бренды символизируют ценности и потребности, относящиеся к смыслу жизни и самоидентификации (самосознанию). Их трудно заменить чем-то другим, ибо они являются частью самосознания личности. Нация в этом смысле — совокупность личностей, связанных общими духовными брендами.

Чаще всего в основе духовного бренда лежит миф, либо мифологизированное историческое событие. Как правило, духовный бренд монополизирован олицетворяемую идею, определенный участок культурного или культурно-исторического пространства.

Духовные бренды играют одновременно две роли. Внутренняя роль — быть частью духовной основы нации. Народу необходимы маяки-ориентиры в виде национальных брендов, которые принимаются народом как «свои», являются предметом национальной гордости, способствуют консолидации нации.

* Английское слово «brand» переводится как фабричное клеймо или тавро, заводская марка, сорт, качество. — *Прим. ред.*

Внешняя роль — духовные бренды регионального и геополитического масштаба помогают государствам позиционировать себя на мировой арене.

Например, исторический бренд «Речь Посполитая», принятый Польской республикой, монополизировал в пользу Польши культурно-историческое наследие всей Речи Посполитой. Прибалтийскую республику Летува мировое сообщество воспринимает как наследницу Великого Княжества Литовского. Бренд «татары» закрепился за потомками волжских булгар, которых сегодня в России воспринимают как потомков татаро-монголов, завоевавших варяжскую Русь.

Исторические примеры геополитических брендов — Римская империя, Золотая Орда, Русь, ВКЛ, то есть, политические образования, оставившие заметный след в мировой истории. Их названия несут мощную эмоциональную и смысловую нагрузку.

К региональным геополитическим брендам можно отнести такие, как Венецианская республика, Запорожская сечь, Новгородская Русь...

Исторически ряд геополитических брендов связан с Беларусью — это «славянство», «Русь», «Литва» (ВКЛ), «Речь Посполитая». Отметим, что не всегда субъекты политики — держатели брендов имеют достаточные исторические основания на то, чтобы использовать их.

Славянство

Термин объединяет народы разного этнического происхождения (балканские, балтские, угро-финские и другие), говорящие на славянских языках, точнее, на вариациях славянского языка. Видоизменённый язык моравов (чехов), лужицких сербов и поляков-ляхов, названный впоследствии славянским, получил широкое распространение ввиду использования его Византией в качестве языка крещения. Бренд «славяне» использовался Российской империей для обоснования притязаний на славяноязычные территории, крещённые Византией. При этом активно пропагандировался ненаучный тезис о едином происхождении всех славяноязычных народов и необходимости их объединения под главенством России.

Бренд «славянство» научно и морально себя исчерпал. Отсутствие у славян (славяноязычных народов) чувства единства и не-

возможность добровольного сосуществования в одном государстве наглядно показали они сами на примере Российской империи, Речи Посполитой, СССР, Югославии, Чехословакии. Культурно-этническая разность «славян» очевидна (сравните болгар и белорусов, хорватов и русских, поляков и украинцев). Дальнейшее использование этого бренда идёт вразрез с нашими национальными интересами.

Русь

Термин принесен варягами-русами, реализован в Украине, сросся с православием. Сегодня по праву сильного он принадлежит Московскому государству (России), которое своей географической конфигурацией и политическими традициями соответствует Монгольской империи — без Китая. Исторический преемник бренда «Русь» на мировой арене выступает под новым именем — Украина.

Мы не можем претендовать на бренд «Русь». Более того, в наших интересах как можно дальше дистанцироваться от него. Надо освободить нашу ментальность от этого символа духовного рабства.

Литва

Этот бренд возник в белорусских этнических землях и был реализован белорусской национальной элитой во времена Велико-го Княжества Литовского. Но после захвата ВКЛ Россией сознательно предан забвению в рамках политики русификации. В 1918 году его приняла в качестве самоназвания республика Летува (Lietuva). А мы — истинные правообладатели бренда — выступаем под новым именем («Беларусь»), которое, как и в случае с Украиной, ещё не стало брендом.

Речь Посполитая

Термин Rzeczpospolita Obojga Narodow (Республика Обоих Народов) был принят в конце XVI века для обозначения военно-политической конфедерации Великого Княжества Литовского (Беларуси) с Королевством Польским. Сегодня он незаслуженно считается синонимом названия Польша.

В действительности это общий бренд белорусов и поляков, ясный и недвусмысленный ввиду огромного количества фактов. Исторически, это сравнительно удачный пример сосуществова-

ния и военного сотрудничества двух этнически близких народов — поляков (ляхов, мазуров) и беларусов (ятвягов-литвинов).

Инициатором создания Речи Посполитой выступила беларуская правящая элита. Причиной послужила военная угроза со стороны Московии. Мы имеем полное историческое право на паритетное использование данного бренда с поляками. В какой форме и каким образом — задача беларуским учёным и дипломатам. В любом случае, наше государство должно изменить устоявшееся у беларусов и у поляков мнение, что Речь Посполитая — это исключительно Польша, подчинившая себе Беларусь.

Современное название страны и народа

Народы, недавно получившие независимость, обычно малоизвестны на международной арене. Вполне возможно, что их названиям (этнонимам) не суждено стать брендами. Близки к ним так называемые «обездоленные» народы, чьи исторические бренды по разным причинам преданы забвению либо используются другими субъектами.

Мы относимся к числу таких народов. Название «Беларусь» не вызывает ни уважения, ни трепета у соседей. Не испытывают особой приязни к нему и сами беларусы. За пределами Восточной Европы его вообще с трудом узнают, зачастую называют «White Russia», «Weissrussland», воспринимают Беларусь как историческую часть России. Почему же название «Беларусь» не является брендом?

(1) У названия «Беларусь» нет исторических корней. Его придумали в XVIII веке в России для замены названия «Литва». Попытка искусственного «удревнения» названия «Беларусь», а тем более поиск зацепок в древней истории вызывает у соседей в лучшем случае недоумение, в худшем — издевки в отношении «искусственного» народа, «ранее не существовавшего».

(2) Беларусь не имеет исторических оснований для претензий на бренд «Русь». В состав Киевской Руси наши земли вошли насильственно и вскоре либо откололись от неё в самостоятельные княжества, либо интегрировались в состав более крупных этнических образований.

Бренд «Русь» давно и прочно закрепился за Россией, поэтому любые вариации на эту тему рассматриваются через призму сложившейся традиции, где любая «Русь» — производное от России.

(3) Приставка «бело-» в названии указывает на его вторичность по отношению к первооснове. Это очевидно при сравнении с самоназванием «великоросс», относящемуся к коренному населению России. Украинцы поступили более грамотно, приняв в качестве самоназвания не навязанный Россией термин «Малороссия», а относительно нейтральный «Украина».

(4) Самоназвание «белорус» не вызывает ассоциаций героического или благородного свойства. Традиционная характеристика народа под названием «белорусы» — слабая, постоянно кем-нибудь угнетаемая нация, с отсталой и примитивной крестьянской культурой. В ряду ассоциаций к термину «белорус» преобладают уничижительные или негативные образы: батрак, бульбаш, деревенщина, колхозник, покорный, страдалец...

Нет ничего зазорного в том, что белорусы — «нация сялянскага паходжанья» — ведь это показатель аутентичности. Но возведение лаптя в культ — явный перебор. Такой подход вызывает негативное отношение к собственному самоназванию и ко всему, что с ним связано.

(5) Государство под названием «Беларусь» было реализовано не как национальное государство белорусов, а как интернациональное государство «советской традиции». Термин «Беларусь» вызывает такие ассоциации как «заповедник социализма», «этнографический округ», подавление национальной культуры, отрицание национальной истории и подобные им.

Сохраняя название «Беларусь», мы тем самым символизируем свою историческую принадлежность России. По мере укрепления финансовой и военно-политической мощи России, усиления в ней имперских настроений, вполне возможна попытка аннексии Беларуси. В этом случае бренд «бела-РУСЬ» сыграет роль «исторического» и морального обоснования.

После аннексии Беларусь исчезнет как государство, а бренд «Беларусь» попадёт в архив. Шесть областей станут шестью губерниями (Северо-Западного административного округа России), а белорусы станут «русскими» со смешным «белорусским» акцентом. Остатки белорусской культуры будут считаться «проявлениями регионального разнообразия великого русского народа».

Исторически молодые термины «Беларусь» и «белорусы» сыграли важную роль в нашей судьбе — они адсорбировали и олицетворяли самые неприятные моменты истории (утрату свобо-

ды, крепостную зависимость, моральный и культурный упадок) и самые непривлекательные качества беларусов (равнодушие, слабоволие, покорность судьбе). Но это искусственное имя, хотя оно и стало неотъемлемой частью нашей истории.

Как известно, нынешний правящий режим не ассоциирует историю Беларуси с историей ВКЛ, Речи Посполитой и БНР. Смена названия покажет момент перехода к политической и духовной свободе. Наша задача — начать новую эру под своим истинным названием, а не навязанным извне. Несомненно, что в процессе критического переосмысления исторического пути предков, новое поколение беларусов отбросит термины «Беларусь» и «беларусы» в пользу предыдущих брендов «Литва» и «литвины».

Перспективы бренда «Литва»

В отличие от Речи Посполитой, где всё ясно и понятно, название «Литва» — «терра инкогнито» для основной части беларуского общества. И это вопреки тому, что для нашего народа оно имеет сакральное значение. Его правильная расшифровка — ключ к вековым тайнам и, в конечном итоге — к новому дыханию нации.

В первую очередь надо покончить с ассоциацией в нашем обществе названия «Литва» с современной республикой Летувой. Балтская Жамойтия, родственная соседним ливам и куршам, долгое время являлась зоной прусско-ятвяжского влияния — колонией Пруссии, а после — Литвы, переняв язык и частично культуру хозяев (так же, как современная Беларусь переняла язык россиян). При этом жители Виленского края и других областей Беларуси — этнически один и тот же народ, но говоривший на разных языках: крещеные ятвяги — на славянском, виленцы — на дохристианском ятвяжском.

Надо отбросить российскую трактовку возникновения термина от мифического народа-племени под названием «литва» (читай — «жамойты»), которое якобы покорило «ослабленных междуусобицами и татарами (!) славян-белорусов». Наиболее аргументированной является версия о происхождении термина от местного названия воинской касты — «литва» или «лютва», связанного с тотемом воинов-язычников — волком («лютом»). В контексте православных летописей слово «литва» использует-

ся как синоним слов «войско», «дружина» применительно к языческой Беларуси («литве поганой»).

Бренд «Литва» является историческим и духовным наследием белорусов. Несомненно, его возвращение вызовет недовольство в России и Летуве. Однако ничто действительно ценное не падает в руки само, без борьбы. Нам придётся доказывать делом, что времена нашего упадка кончились. Мы переходим из фазы пассивного созерцания в режим активного национального созидания: чужие кандалы мы отдадим прежним владельцам, а свое историко-культурное наследие вернем себе.

Названия «Літва» («Вялікалітва») и «літвін» имеют наиболее мощную историко-политическую основу для того, чтобы стать «новыми старыми» названиями государства и народа.

Крыўя

Неиспользуемым и относительно затенённым является белорусский бренд «Крыўя» или «Кривия» (страна кривичей). В рамках «общерусской концепции», Кривию обезличенно именуют «Полоцким княжеством» и объявляют неотъемлемой частью «Древней Руси». Но в рамках белорусской концепции Кривия — это варяжское государство со смешанной кривско-варяжской (балтско-скандинавской) правящей элитой. Его коренное население — балты-крывы (по славянски — кривичи) — «кривская» ветвь ятвягов. Народный язык — местный балтский диалект, после крещения постепенно вытесненный славянским*.

Варяжская правящая элита со временем растворилась среди кривичей. Ее потомки (Рогволодовичи) именовали себя кривскими князьями. Правящая династия не отождествляла себя с Киевской Русью и на протяжении всей своей истории противостояла ее экспансии.

Название страны — «Кривия» и народа «кривичи» — происходит от «крэва», «кыва», «кывис» — «святарь» на дохристианском местном (балтском) языке. Жрецы-крывы до прихода варягов являлись правящей кастой и остались важной политической силой в варяжский период. Таким образом, слово «Крыўя» можно переводить как «Священная Земля». Под воздействием внешнеполитических причин (в первую очередь — варяжской, т.е.

* По мнению московского историка А.А. Бычкова, кривичи-балты перешли на славянский язык в XIII–XIV вв. — *Прим. ред.*

русской экспансии), с X века официальной религией Кривии стало христианство, при фактическом сохранении местной дохристианской традиции, общей для всего балтского ареала.

Вполне возможно и то, что «кривичи» — название канцелярское, которое дали местному балтскому населению варяжские князья или церковно-славянские писари. Причиной такого названия могла послужить приверженность местного населения своим богам и священникам — отсюда «кривичи» — «люди кривов». Иначе говоря, кривичи — это ятвяги, принявшие крещение и постепенно воспринявшие русский (славянский) язык.

Крыўя-Кривия являлась мощным культурно-политическим центром балтского мира. Зона ее культурно-политического влияния включала этнические финские народы Псковщины (территория так называемых «псковских кривичей»), всю Латвию и часть Летувы.

Таким образом, термин «Крыўя» является чрезвычайно значимым духовным брендом беларусов. Он помогает осознанию нашей этнической истории.

Балтская концепция Кривии объясняет её региональное лидерство и центральную роль в балтских землях Поднепровья и Подвинья. Она также объясняет тесное сосуществование Кривии с летописной «литвой» и последующую её интеграцию в состав ВКЛ. Как ятвяги (летописная «литва»), так и смоленско-полоцкие кривичи являются одним этносом с общей дохристианской культурой и языком. Именно поэтому от Подляшья до Смоленщины существует этнически единый беларуский народ с единой народной культурой и традициями.

Нашей историографии в отношении Полоцкого княжества следует чётко придерживаться термина «Крыўя» или «Полоцкая Крыўя». Это будет выделять ее из «общерусского» контекста. Одновременно, Киевская Русь должна преподноситься как государственное образование пришельцев-варягов, а не мифических «местных славян-русичей». Крыўя в историческом и религиозном контексте — это этнически балтская земля, уже принявшая православие, в противовес Литве (Явятии), еще сохранявшей язычество.

Необходимо ввести этот термин в современный обиход с определённой смысловой нагрузкой. Так как жрецы-кривы имели духовную власть на территории всего балтского ареала — от Пруссии

до Смоленщины, термин Крыўя можно распространить на всю территорию обитания предков белорусов, включая Смоленщину, Брянщину, Латгалию, Виленщину, Белосточчину и Прусскую Прибалтику. В то же время «Крыўя» — это «Священная Земля», следовательно, этот термин обладает возвышенным духовным содержанием. Термин включает в себя следующие смыслы:

1. Крыўя — совокупность этнических балтских земель без привязки к современной политической, религиозной, национально-гражданской принадлежности населения;

2. Крыўя — «Зямля Продакаў», «Духоўная Спадчына»;

3. Крыўя — совокупность мирового белорусского культурного наследия и его носителей, синоним слову «Беларушчына»;

4. Крыўя — белорусская диаспора, аналогично понятию «Полония» у поляков.

Как производное от Крыўя возникает термин крывец, синоним словам «единокровец», «земляк» в отношении духовно и этнически родственных людей и народов (например — русские Смоленщины, литовцы Виленщины — наши крывцы, все белорусы — крывцы друг другу).

Ятвяги

Брендом белорусов является также практически неизвестный сегодня термин «ятвяги». Именно так назывались жители Западной и Центральной Беларуси, основавшие ВКЛ.

Ятвяги — мужественный, воинственный и гордый народ, настоящий хозяин и защитник своей земли. Этот народ противостоял тройной агрессии — Польской, Тевтонской и Русской (варяжской). Результатом такого противостояния стало образование ВКЛ — мощного, последнего в Европе языческого государства, где свободно жили представители других религий.

Согласно официальной версии — ятвяги, населявшие Беларусь, бесследно исчезли, остатки «вошли в состав» белорусской, польской и летуvisкой наций. Такая версия разрывает историческую связь между ятвягами и современными белорусами. Современные белорусы — прямые потомки ятвягов, точнее белорусы — это и есть славянизированные ятвяги, утратившие ментальную связь с предками.

Где были ятвяги — там теперь беларусы, либо исторические беларуские территории (Виленщина, Белосточчина) в составе других государств.

Применительно к «дославянскому» населению Беларуси уместно отказаться от термина «балты» — чтобы уйти от прибалтийских ассоциаций. Вместо него целесообразно использовать термин «ятвяги» («ятвяжские народы», «народы ятвяжского корня» и т.д.). Ятвяг и беларус в современной историографии должны стать словами-синонимами, в смысле: «ятвяги — это беларусы до крещения», «беларусы — балтский народ ятвяжского корня».

Историческая трансформация названий такова: ятвяг — литвин — беларус. Здесь ятвяг — название этническое, литвин — название государственное, беларус — название колониальное (российское).

Ятвяжская территория представляла собой единый этнический ареал от Мазурских озёр до верховьев Оки (летописная «голядь»), от Жамойтии и Ливонии до лесостепного пограничья Украины. На северо-западе ятвяжский ареал включал Пруссию и выходил к Балтийскому морю. На север ятвяжского ареала христианское просвещение пришло позже. Поэтому в Латгалии (Латыголь) и Виленщине (Дайнова, Нальшаны, Дзяволтва) народ долго сохранял дохристианские ятвяжские диалекты.

Различные регионы обитания ятвягов имели свои названия (Голядь, Дайнова, Земгола, Латыгола, Мазова, Нальшаны, Судова, Ятва и т.д.), каждое из которых несло свою смысловую нагрузку.

Обществом управляли духовные лидеры — кривы. Главным религиозным центром был Ромов (в современной Калининградской области), там находился верховный жрец — Крива-Кривайта. В случае военной угрозы жрецы-кривы назначали военных предводителей — кунигасов.

Народная традиция беларусов: праздники (Каляды, Купалле, Юр'я, Дзяды, Радуніца, Дажынкi), национальные орнаменты, почитание дубов, каменных валунов, ужей, родников (криниц) — все это имеет дохристианские ятвяжские истоки.

В IX веке целостность ятвяжского региона нарушило вторжение варягов, взявших под контроль торговый путь «из варяг в греки». По Днепру, Двине и Припяти появились «русские» (варяжские) крепости — опорные пункты для дальнейшей экспан-

сии. Варяги проводили крещение, вводили в оборот «древнерусский» (славянский) язык. В результате население постепенно стало забывать ятвяжский язык предков, не имевший письменной формы. Кстати говоря, «дзеканье» и мягкое «ц» у современных беларусов — ятвяжское наследие.

Варяги разделили территории на зоны влияния. Местному населению в каждой из них присвоили свои названия. Так появились «кривичи» (Смоленская, Полоцкая зоны), «радимичи» (Черниговская зона), «дреговичи» (Киевско-Волынская зона).

Ятвяжские самоназвания восточных регионов Беларуси были утрачены, остались только на западе будущей Беларуси. Церковники-летописцы использовали лишь славянские названия, не употреблявшиеся населением. Среди местного населения самоназвания «радимичи» и «дреговичи» не фиксируются, в то время, как самоназвание «ятвяг» сохранялось в некоторых деревнях до конца XIX века.

В Полоцкой Кривии произошла интеграция варяжской и местной ятвяжской элиты, что позволило консолидировать общество и успешно противостоять агрессии общеваряжского конгломерата (Киевской Руси). Правящая верхушка Кривии приняла христианство и распространяла его ненасильственным путём, не преследуя местную дохристианскую традицию. С языческой Ятвязью («литвой») поддерживались тесные военно-политические отношения.

Ятвязь (западная часть Беларуси) вела непрерывную борьбу с Галицко-Волынской Русью, Польшей и Тевтонским Орденом. Часть правящей элиты южных ятвяжских (полесских) земель, а за ними и простое население приняло христианство, превратившись в местных «славян». Так по преданию возник город Петриков, названный в честь ятвяжского князя, принявшего при крещении имя Пётр.

В ответ на агрессию в ятвяжском обществе возникло массовое движение непримиримых — своя воинская каста («литва»), ставшая мощной военно-политической силой. Летописи часто не делают различий между литвой и ятвягами. Однако из контекста летописей следует, что термин «ятвяги» — это самоназвание народа, а «литва» — название его воинского контингента.

«Литва» переняла от врагов военные и организационные технологии и образовала на коренных ятвяжских землях свое госу-

дарство — Великое Княжество Литовское с центром в Новогрудке. С этого момента самоназвание «ятвяги» постепенно стало вытесняться новым государственным — «литвины». Власть в ВКЛ находилась в руках местной элиты, официальной религией был местный вариант язычества. Другие ятвяжские земли охотно интегрировались в новое государство, общее по «крови», культуре и менталитету. Мощь Литвы росла. Вскоре она присоединила неятвяжские земли бывших захватчиков — Галицко-Волынскую Русь, что отразилось в названии государства — Великое Княжество Литовское и Русское.

ВКЛ устремилось и на восток — к своим этническим границам. Ятвяжская «голядь» — самая восточная этническая территория в верховьях Оки находилась тогда под властью Московии — одного из улусов Золотой Орды. Продвижение Литвы на Восток (вечная война Литвы с Московией) являлось стремлением совместить свои государственные границы с этническими. Новое название государства постепенно перенимало население в качестве самоназвания, региональные самоназвания постепенно забывались. И лишь общий термин «ятвяги» сохранялся в глухих районах Полесья, Гродненщины и Белосточчины до конца XIX века.

Вот почему харизматический бренд «ятвяги», «Ятвягия» («Ятвязь», «Ятва») должен вернуться в историографию и в духовную жизнь современных белорусов.

Пруссия

Из контекста белоруской истории вырван мощный геополитический бренд — «Пруссия». Сегодня почти никто не знает, что языческая балтская земля Пруссия, была прародителем ВКЛ. Прусы, имевшие зачатки государственности, это западная ветвь ятвягов.

После вторжения тевтонов часть населения Пруссии ушла на территорию современной Беларуси. Там государственная традиция Пруссии возродилась на новом уровне, в форме ятвяжского государства — ВКЛ. Местные и пришлые ятвяги, консолидировавшись в единую Литву, очистили свои этнические земли — Полесье и Подляшье (Белосточчину) от оккупационной власти волынских, киевских и польско-мазовецких феодалов, объединились с балтской Полотчиной и Смоленщиной.

Сталин вполне обдуманно отдал Польше Белосточчину, Летуве — Виленский край и город Друскеники (ныне Друскеникай). Тем самым Беларусь оказалась не только ментально, но и географически отрезанной от Пруссии и других исконно ятвяжских земель.

Антибренды беларусов

У беларусов есть множество антибрендов, негативно влияющих на развитие нации. По сути, антибрендами можно назвать всю государственную символику, одобренную нынешним режимом, начиная с советского флага, герба и гимна, заканчивая трафаретным образом беларуса — терпеливого до трусости крестьянина-колхозника. Антибрендом является современное самоназвание, а также выдуманные названия «предков-славян» — дреговичей и радимичей.

Все эти антибренды надо научно и идеологически нейтрализовать и постепенно вывести из оборота.

Новые бренды беларусов

Сегодня нам необходимы новые национальные бренды. Они должны иметь реальную историческую и культурную базу, ментально связывать беларусов со своей историей, подчёркивать самобытность народа, являться предметом гордости.

Главным брендом беларусов, несомненно, должно стать самоназвание, которое беларусы должны выбрать из нескольких вариантов, имевших место в истории (Литва, Ятвязь, Крыўя).

Вместе с этим в национальную жизнь должны вернуться:

1. Погоня — государственный герб, символ всеобщей мобилизации в случае опасности.

2. Бело-красно-белый стяг — национальный флаг беларуского государства, символ мужества и национальной независимости.

3. Литва — название государства, либо его вооружённых сил.

4. БНР — сегодня это более значимый бренд, чем БССР или Республика Беларусь. БНР — эпохальный момент национальной истории, точка разворота от национального упадка к суверенному государству. БССР, которую не планировала большевистская власть, возникла в противовес БНР — как политический компромисс. Республика Беларусь возникла в результате распада

СССР, явилась преемницей коммунистической денационализированной БССР.

5. Статут — главный закон страны. Конституция в Беларуси должна называться Статутом, подчёркивая историческую преемственность нынешнего государства с ВКЛ.

6. Шляхта — общее название наиболее образованной части населения. Это люди с высшим и средним специальным образованием, исповедующие христианство, обладающие активной гражданской позицией.

7. Рада, сойм — названия выборных органов государственного управления.

8. Талер — название национальной валюты.

9. Гетман — министр обороны.

10. Пан, пани, панове — уважительное обращение к гражданам.

11. Калюмны — название резиденции главы государства, либо здания одного из силовых ведомств, аналог Белого Дома и Пентагона в США, Кремля в Москве. Знак «Калюмны» должен стать одним из символов государственной власти.

12. Дуб — дерево жизни, с древности почитаемое беларусами. Дуб должен стать символом жизненных сил нации. Снова должно стать обычаем почитание дубов, находящихся в знаковых местах городов, поселков, деревень.

14. Зброя — оружие предков. Беларусы — шляхетская нация, оружие предков должно быть особым символом и предметом гордости беларусов. Наряду с орденами и медалями, шляхетская сабля должна войти в реестр государственных наград. Торжественную церемонию награждения саблей надо транслировать по телевидению, а элементы этой церемонии следует максимально приблизить к историческим реалиям.

15. Булава — атрибут власти. Забытый символ, который надо ввести в государственный и культурный оборот. Президент (или министр обороны) при передаче власти преемнику передаёт ему булаву — символ этой власти. Соответственно, необходимо вернуть из зарубежных хранилищ украденные у нас оригиналы, либо сделать копии булав великих князей и гетманов ВКЛ.

16. Паны-рада — магнаты, то есть лица, обладавшие реальной властью на наших землях во времена ВКЛ и Речи Посполитой.

Термин «Паны-рада» может заменить выражение «депутаты Верховного Совета».

17. Национальные герои — великие люди, являющиеся гордостью нации. Это политики, полководцы, мыслители, литераторы, ученые, борцы за свободу и другие персоны, значение которых сегодня замалчивается.

18. Исторические знаковые события — образование ВКЛ и БНР, великие битвы (Грюнвальдская, Клецкая, Оршанская и другие).

19. Исторические места, где происходили ключевые события нашей истории: Полоцк, Вильня, Гродно, Новогрудок, Смоленск, Кревский, Несвижский, Мирский и другие замки.

3. Основные реформы, необходимые беларускому национальному государству

Современное государство Республика Беларусь пока не является национальным государством беларуского народа, а играет роль буфера между Россией и Западной Европой. В нём еще не исчезла антинациональная традиция «зачистки» исторической памяти, пропаганды обезличенных «совковых» ценностей.

Вместо национальных символов используется коммунистическая символика БССР; «белорусский экзархат» российской православной церкви ведёт активную пророссийскую деятельность; информационное пространство страны замкнуто на Россию; система школьного образования не формирует национальное самосознание; памятники и городская топонимика денационализированы, унаследованы от советской эпохи. Само название страны (Бела — Русь) подразумевает ментальную связь с Россией и как бы обосновывает существующую ситуацию. Такой курс государственного корабля неприемлем для большей части беларуского общества, ведёт к его поляризации и расколу.

Для реализации себя в качестве полноценного независимого государства и самодостаточной нации, Беларуси необходима концептуальная смена государственной идеологии. Нужна РЕВОЛЮЦИЯ ДУХА на основе национальной идеи, способной сплотить нацию. Неважно, кто предложит ее — существующая власть, оппозиция, или какая-то «третья сила».

На государственном уровне внешние проявления этой революции должны начаться с переосмысления истоков происхождения белорусской нации и уточнения смысла национальных ценностей. В русле этих перемен необходимо осуществить следующие концептуальные реформы в обществе и государстве.

1. Изменить концепцию происхождения белорусов со славянской на балтскую. Это вырвет белорусов из российского контекста, утвердит как самостоятельную нацию, имеющую собственную этническую основу. Это лишит идеологической базы претензии России, считающей Беларусь частью своей территории (Северо-Западным краем), а белорусов — ветвью русского народа. Белорусы — балтский народ, в силу исторических причин перешедший на славянский язык восточного христианства.

2. Изменить концепцию государственной преемственности от Киевской Руси на традицию Великого Княжества Литовского. Это утвердит белорусов как народ, имеющий собственную традицию государственности.

3. Изменить ключевую характеристику нации. Советская характеристика утверждала, что белорусы — нация исключительно крестьянская. Надо ввести принципиально иной тезис: белорусы — нация крестьянско-шляхетская. Этот шаг позволит реализовать аристократическую составную белорусского народа, искусственно подавлявшуюся в течение двух последних столетий.

Нацию формирует национальная элита. Долгое время и в Речи Посполитой, и в Российской Империи наша элита была денационализирована. Дети нашей земли отдавали свои таланты служению чужим интересам, в ущерб своему народу.

Работу по превращению белорусского народа в нацию начали наши пророки Константин Калиновский, Янка Купала и Вацлав Ластовский. Они обратились к крестьянскому сословию, так как оно было наиболее многочисленным и наименее затронуто чужеродным (польским и российским) влиянием. Возник своего рода культ крестьянства, получивший поддержку широких масс. Белорусская нация впервые позиционировала себя в облике «крестьянского народа», «тутэйшых». Это был первый и необходимый этап в формировании нации.

Советская историография всегда скрывала тот факт, что герои и пророки «крестьянской нации» — поэты, революционеры, политики, лидеры национального движения, основатели БНР —

были шляхетского происхождения. Большинство их получило воспитание в традициях российской или польской культуры, но сознательно перешло на сторону своего народа.

Надо официально признать, что возрождение белорусской нации начала беларуская шляхта, являвшаяся единственной просвещенной силой и элитой нашего народа в XIX веке и в начале XX столетия. Шляхетство, как общественно-культурная сила, должно быть полностью реабилитировано и возвращено беларускому обществу, его культуре и истории.

Однако не только это определяет шляхетскую составную беларуского народа. Шляхетское сословие в ВКЛ, а затем в беларуско-литовских губерниях России было по европейским и российским меркам массовым. Шляхта в начале XIX века составляла около 15 % населения края (для сравнения — в России чуть более 1 %). Именно поэтому царский режим приложил огромные усилия к тому, чтобы превратить основную часть шляхты в «однородцев» или в горожан, вследствие чего она слилась с крестьянским и городским населением.

4. Изменить название страны и народа. Беларусы должны осознать, что названия «Белоруссия» и «белорусы» являются колониальными. Их придумали для наших предков в конце XVIII века власти царской России для замены терминов «Литва» и «литвины».

Согласно фальшивой российской трактовке, наши земли будто бы «исстари» назывались Белой Русью. Беларусам настойчиво предлагали (и до сих пор продолжают предлагать) версии происхождения термина «Белая Русь» от белых одежд крестьян, от преобладания светлых волос у населения, вследствие независимости от татар и т.д. Однако всё это — выдумки для необразованных «тутэйшых». Белая, Чёрная, Червонная и другие цветные «Руси» — понятия московские, обозначающие те земли соседей, на которые претендовала Московская держава (затем Российская империя). Никогда наш народ не называл себя бело-, чёрно-, красно- или какими-то другими цветными русами.

Современное название «белорусы» произошло от московского термина «белорусец» — общего названия православного населения Речи Посполитой во времена «хмельничины» (середина XVII века). Оно относилось, прежде всего, к крестьянам, так как шляхта и горожане Беларуси к тому времени практически все

были католиками или униатами. Таким образом, слово «белорус» — это термин, указывающий на крестьянское происхождение и православное вероисповедание московского (а не греческого) образца.

Благодаря термину «белорусы», москвиты тем самым «зачислили в народ» только православных крестьян, без аристократии (шляхты) и без горожан (мещан). Так народ лишили национальной элиты. Всех католиков приравнивали к «полякам» и противопоставили крестьянам как якобы «чуждый элемент», «иноземных завоевателей».

Исходя из смысла названия, белорус — это православный крестьянин, в современной интерпретации — советский колхозник, покорный трудяга, для которого главная ценность — алкоголь.

Названия «белорус» и «Белоруссия» семантически означают привязку к России. Белорус вроде как русский, но только белый — то ли «улучшенный», то ли «подпорченный», в любом случае — оторванный от «старшего брата». Такое название стирает национальное самосознание, подразумевает, что наша земля — часть России, которую следует обязательно воссоединить с «матерью-Родиной».

У белорусов не должно быть ни русских, ни польских названий, а лишь такие, которые отражают наше самобытное этническое и культурное содержание, нашу великую историю. Смена названия страны и народа выведет белорусов из российского контекста, подтвердит зрелость, независимость и самодостаточность белорусской нации, подчеркнёт её самобытность.

Новые названия должны предложить учёные, а выбрать — белорусский народ на всенародном референдуме после широкого обсуждения в средствах массовой информации. Например: название страны — Литва (Вялікалітва), название народа — литвины (ліцьвіны).

5. Заменить советскую государственную символику на национальную. Этот шаг — первый на пути к возрождению белорусской нации, самосознания и национального государства. «Погоня» — древний общенациональный символ, означающий консолидацию нации перед лицом опасности. Бело-красно-белый флаг — древний флаг белорусского государства, соответствующий основным национальным цветам белорусов.

6. Переименовать улицы и площади во всех населённых пунктах.

Вместо российских и советских названий ввести национально ориентированные. Надо уничтожить все без исключения памятники и мемориальные доски, посвященные «героям» революции и гражданской войны, «выдающимся деятелям» СССР*.

7. Изменить состав государственных и национальных праздников. Несмотря на то, что советский период для Беларуси, как и для других колоний советской России, был периодом национальной стагнации, белорусское государство до сих пор удерживает граждан в ментальных рамках советского прошлого. В нашей стране по-прежнему отмечают праздники советской эпохи, политически давно изжившие себя, враждебные по отношению к белорусскому народу. Это 23 февраля (день Красной армии, оккупировавшей БНР и упразднившей её суверенитет), 7 ноября (день большевистского государственного переворота 1917 года, уничтожившего Российскую демократическую республику); день единения народов Беларуси и России (символ обмана нашего народа) и другие.

Забыта эпохальная дата — 27 июля, день Независимости Республики Беларусь. Это тот день, когда Беларусь в связи с развалом СССР стала независимым государством, а белорусы — субъектом мировой истории. Но эту дату в государстве Беларусь вообще не отмечают! Ее подменили абсолютно другим по своему содержанию праздником — Днём освобождения от германцев.

Не празднуется официально День основания БНР (25 марта), замалчивается или негативно преподносится сам факт существования белорусского государства до захвата его большевиками. А ведь только благодаря воле белорусской национальной элиты,

* К вопросу о том, что война с памятниками — это якобы «война с историей». В Испании 30 лет существовала диктатура генералиссимуса Франсиско Франко, пришедшего к власти в результате кровавой гражданской войны. Иными словами, эта страна вдоволь нахлебалась тоталитаризма и «культы личности».

В 2007 году испанский парламент принял специальный закон «Об исторической памяти!» В соответствии с ним в стране демонтировали ВСЕ памятники диктатору, запретили ВСЕ символы, ритуалы, памятные даты, связанные с «победоносным шествием» франкистского режима. Отныне Франко и его сподвижников нельзя называть «верными сынами народа» или «великими гражданами Испании», нельзя гордиться тем, что они были когда-то объявлены «почетными академиками» или «почетными железнодорожниками».

Сравните с Беларусью. Здесь память о «выдающихся» партийно-политических деятелях периода СССР заботливо поддерживается до сих пор. — *Прим. ред.*

провозгласившей БНР, большевистскому правительству России пришлось пойти на создание БССР вместо упразднённой республики.

День защитников Отечества и Вооружённых Сил Республики Беларусь надо праздновать 8 сентября. В этот день в 1514 году под Оршей белорусское войско ВКЛ одержало героическую победу над втрое превышающим по численности войском московского царя, оккупировавшего Беларусь.

Общенациональными праздниками должны быть все народные — Каляды, Масленіца, Ярыла, Сёмуха, Купалле, Жніво, Багач, Дзяды.

6. Чёткое указать этнические границы. Территорией расселения белорусского этноса надо признать весь ареал балтских племен, невзирая на современную государственную и языковую принадлежность этих земель.

Беларусь должна ясно заявить о своей культурно-исторической преемственности в отношении белорусских этнических земель, находящихся за пределами нашего государства. Население этих земель в той или иной мере сохраняет белорусскую культуру, язык, самосознание, историческую память. Границы расселения белорусского этноса соответствуют границам БНР 1918 года.

На северо-западе это Виленский край в Летуве и Латгалия в Латвии.

На северо-востоке, востоке и юго-востоке этнический ареал белорусов включает многие районы Псковской, Новгородской, Калининской (Тверской), Смоленской и Брянской областей Российской Федерации.

На юге — это вся украинская часть Полесья.

На западе — Подляшье. Ныне это Белостокское воеводство Польши, ряд поватов других воеводств.

Государство Беларусь и белорусский народ помнят о своих этнических родственниках, поддерживают и развивают культурные связи с ними, поддерживают культурно-лингвистическое разнообразие этнического ареала.

7. Языковая реформа. Необходимо принять Закон о защите белорусского языка, который бы обеспечил белорусскому языку приоритетное положение в государстве и обществе по сравнению с русским.

Беларуский язык желательно перевести на латинский шрифт. Именно на латинице начиналось белорусское Возрождение. Его заменили кириллицей сначала царские власти, а затем и советские.

Беларуский язык требуется реформировать и модернизировать. Свыше 100 лет он почти не развивался. Новый вариант языка должен обогатиться лексическими формами из разных белорусских диалектов, включить в себя многие забытые слова и выражения. Беларуский язык должен стать привлекательным для современного человека, отвечать нынешним тенденциям и реалиям.

8. Церковная реформа. Религиозная принадлежность до сих пор является одним из основных факторов национальной самоидентификации. В условиях многоконфессиональности и отсутствия собственной национальной церкви, наш народ на протяжении столетий искусственно разделялся на «русских» и «поляков». Религиозную карту до сих пор активно используют соседи с востока и запада.

Новой вехой в истории белорусского народа должно стать возрождение белорусской униатской церкви, которая поможет консолидировать нацию.

Вместе с этим, от руководства всех церквей, действующих в нашей стране, надо требовать проведения политики исключительно в пользу Беларуси. В первую очередь это касается БПЦ, являющейся филиалом московской патриархии, проводящей промосковскую русификаторскую политику. БПЦ должна провозгласить автокефальность, избрать своего патриарха, покончить с односторонней ориентацией на московскую патриархию. Следует убедительно напомнить ей о существовании в православии иных духовных авторитетов — в Иерусалиме и Константинополе (Стамбуле), Афоне и Антиохии.

Любые церковные должности в Беларуси должны занимать только уроженцы нашей страны, являющиеся ее гражданами.

9. Денежная реформа. Существующие денежные знаки надо заменить на традиционные национальные. Никогда в более чем 700-летней истории ВКЛ и Речи Посполитой не было у нас ни рублей, ни копеек. Это деньги московских колонизаторов. Наши деньги — это талеры, копы и гроши. На купюрах национальной валюты должны быть изображены выдающиеся персонажи бела-

русской истории, а не безличные здания или животные. Курс национальной валюты уместно привязать к евро.

10. Административная реформа. Советские названия государственных и муниципальных органов управления, административных должностей (советы, председатели и т.п.) требуется заменить национальными названиями: сейм, сеймики, рада, канцлер, войты, старосты, писари и т.д.

Право занимать административные должности любого уровня управления должны иметь только уроженцы Беларуси. То же самое касается избирательного права. Кроме того, целесообразно ввести ценз оседлости и образования. Предоставление избирательного права всем без разбора превращает демократию в охлократию — власть толпы.

Иммигрантам небеларуского происхождения следует предоставлять беларуское гражданство начиная с третьего колена ассимиляции.

11. Союзное государство с Российской Федерацией надо ликвидировать. Так называемое «союзное государство» — это средство для вялотекущей инкорпорации Республики Беларусь в состав России. Это путь к упразднению независимости беларуского государства, подспорье для территориальных, экономических и политических претензий со стороны Москвы.

Беларусь должна выйти из Союзного государства. При этом, разумеется, надо поддерживать добрососедские отношения с Россией на основе взаимного уважения и партнёрства, посредством межправительственных соглашений и договоров.

Одновременно следует выйти из СНГ. В первые годы после распада СССР это Содружество играло роль переходного образования на пути к полной политической и экономической независимости советских республик. Но к настоящему времени СНГ выполнило эту задачу, его дальнейшее существование не имеет экономического и политического смысла ни для одной бывшей союзной республики — кроме Российской Федерации, стремящейся любым способом возродить прежнюю империю.

12. Внешняя политика. Пока что первое место во внешнеполитической ориентации Беларуси занимает Россия — с большим отрывом от всех других государств. На втором месте страны пресловутого «Третьего мира», т.е. аутсайдеры мировой политики.

Такая ситуация чревата многочисленными опасностями для нашего суверенитета.

Приоритетными должны стать отношения со странами Европейского союза, и в первую очередь с ближайшими соседями — Латвией, Литвой, Польшей. Как можно более тесные политические, экономические и культурные связи надо установить с Украиной. Тогда мы сможем реализовать давний геополитический проект единого пространства «от моря и до моря»: Прибалтика — Беларусь — Украина.

За образец оптимальной государственной и экономической модели нам следует взять Германию. С одной стороны, климатические условия Германии и менталитет немцев нам достаточно близки. С другой стороны, разность языков и культур не позволит возникнуть угрозе «размывания» белорусской культуры под воздействием немецкой, как это происходит в случае тесных контактов с Польшей и Россией.

Наше правительство должно проводить многовекторную внешнюю политику, максимально используя в своих интересах международную конъюнктуру.

Беларуси еще долго нет смысла претендовать на членство в Европейском Союзе. Это даст нам полную свободу действий в отношениях со странами Третьего мира, позволит избежать массового наплыва людей чуждых нам рас, религий и культур.

13. Демографическая и миграционная политика. Оптимальная численность населения Беларуси должна составлять 20–25 млн. человек, вместо нынешних 9,5 миллионов.

Для достижения этой цели государство должно создать хорошо продуманную систему экономических, социальных, материальных и культурных условий (стимулов). Например, культурным стимулом является пропаганда традиционной многодетности белорусов, тезис о прямой зависимости благосостояния и жизнеспособности народа от уровня рождаемости (и смертности). Пример социального стимула — предпочтение при приеме на работу отцов, имеющих трех и более детей. Материальный стимул — надбавка к заработной плате и к пенсии в случае рождения второго, третьего и следующего ребенка.

Требуется создать благоприятные условия для реализации в Беларуси интеллектуального и трудового потенциала наших давних и недавних эмигрантов (включая их потомков).

Государство должно обеспечить режим поощрения для участия белорусов зарубежья в национальном строительстве. Например, максимально упростить порядок процедуры получения белорусского гражданства, открытия предприятий и фирм, перемещения капитала, приобретения недвижимости и т.д.

14. Налаживание тесных связей с белорусскими диаспорами. Диаспора — это оплот и общественно-политическая сила нации за пределами государства. Но в настоящий момент власти Республики Беларусь сотрудничают только с консервативной частью белорусской диаспоры в Российской Федерации, настроенной в своем большинстве в пользу России или даже просоветски.

Такие крупные и богатые диаспоры как канадская, американская, аргентинская, английская, германская, австралийская и другие устранены из общественно-политической жизни государства по вздорным политическим мотивам. В результате наша страна лишена огромного человеческого, материального, культурного и политического ресурса. Абсолютно необходимо привлечь представителей белорусских диаспор к участию в общественной, культурной и политической жизни Беларуси. Возможно, депутаты от диаспор могут войти в состав парламента. Или же следует создать специальный консультативный орган, полностью состоящий из лиц, делегированных диаспорами в разных странах зарубежья.

За пределами Отчизны проживают около 6 миллионов белорусов. Государство должно создать условия для возвращения хотя бы части их на землю предков. Белорусы за рубежом должны постоянно ощущать заботу и заинтересованность в них со стороны национального государства.

Белорусы зарубежья, не имеющие белорусского гражданства, должны иметь возможность получать свидетельство, подтверждающее белорусское этническое происхождение (аналог «карты поляка»). Оно частично уравнивает права белорусов зарубежья с правами граждан Беларуси, позволит им рассчитывать на покровительство белорусского государства.

15. Экономические реформы. Для того, чтобы превратить Беларусь в новый Тайвань или Гонконг, требуется прежде всего создать максимально благоприятные условия для развития малого и среднего бизнеса. Несмотря на множество заявлений чиновников разного уровня, до этого нашей стране еще очень далеко.

В условиях приближения глобального продовольственного дефицита особую поддержку должны получить частные предприятия сельскохозяйственного сектора экономики.

Приватизация крупных промышленных госпредприятий должна происходить «прозрачно», с привлечением крупных международных финансово-промышленных институтов и с учётом стратегических национальных интересов. Приватизацию малых и средних предприятий надо ориентировать на представителей белорусского бизнеса.

В обязательном порядке надо создать оптимальный климат для инвестиций зарубежного капитала. Без этого невозможно ни техническое перевооружение имеющихся предприятий, ни строительство новых.

К сожалению, и в этом вопросе белорусские власти все еще топчутся на площадке где-то между большевистским НЭПом и колхозным крепостничеством. Но время бежит и бежит, оно работает против тех, кто «крепок задним умом», кто по-крестьянски привык мерить даже не 7 раз, а 27, прежде чем решиться сделать то, что давным-давно очевидно всем нормальным людям.

Изложенная здесь концепция не направлена против кого-то. Ее цель — развитие белорусской нации в независимом самостоятельном ключе.

О ФОРМЕ И СОДЕРЖАНИИ БЕЛАРУСКОЙ ИДЕИ

Дмитрий Сосновский

За ненавистью к москалям, полякам и жамойтам (летувисам) многие беларуские деятели прячут свою неспособность выработать устойчивую систему национальных координат. Ненависть в данном случае — примитивная замена интеллектуальной работы. Но вирус ненависти не только заразен. Он опасен тем, что в запущенном виде ведет к полной идейной импотенции. Многие молодые беларусы, вставая на путь служения родной культуре, поддаются искушению и начинают искренне ненавидеть «подлых» «злых» соседей.

У ненависти, помимо интеллектуальной лени, есть еще и другой гнусный источник. Поиск мнимого виновника своих бед подогревается нежеланием (и боязнью) признавать свою личную ответственность за все происходящее. Еще Фрейд доказал, что только взяв на себя ответственность за свою жизнь эмоционально зависимый подросток становится взрослым самостоятельным человеком. В нашей ситуации позорно перекладывать на кого-то ответственность за нашу жизнь и вину за наши проблемы. Стоны патриотов о «подлых злых москалях», не дающих нам жить «по-нашему», — это слезы обиженного ребенка, боящегося повзрослеть и самостоятельно решать свои проблемы.

Ответственность — штука трудная. Она бескомпромиссно толкает мордой в собственные недостатки. Систематическая практика ответственности наглядно убеждает в своем несовершенстве и развивает способность к самокритике. Тогда становятся видны серьезные недостатки — мы эгоистичные, завистливые и подозрительные индивидуалисты с чувством затаенной обиды на весь мир.

С другой стороны, систематически практикуемая ответственность формирует чувство вины за свои неудачи. Это не сосед стал богаче, это ты не смог заработать, чтобы выглядеть достойно на его фоне. Это не москали подлые наглые воры, это мы —

ленивые недотепы, позволяющие себя обманывать и обкрадывать! Волк не виноват в том, что жрет овец, это хозяин виноват, что не вырастил своего волкодава. Щука по своей природе обязана жрать карасей, без нее караси становятся ленивыми и рыбье сообщество в пруду вырождается.

Поиск национальных ориентиров похож на выработку «стратегии раскрутки» в современном шоу-бизнесе. Именно по законам шоу-бизнеса были «раскручены» наиболее живучие национальные идеи. Хорошо поданное шоу вызывает моду, а мода позволяет с удовольствием присоединиться к ней. Например, москали еще в XVI веке выработали спекулятивную идею «великости», основанную на своем якобы «высшем» предназначении: дескать, Москва — это третий Рим, священный «пуп земли». Потом к ней они добавили столь же спекулятивные идеи о «великом» и «могучем» русском языке, о России — великом оплоте славянства и т.д. Искренне поверив в эту ерунду и навязывая ее соседям, они создали моду (и престиж!) пользоваться «великим русским языком», быть причастным ко всему «великому русскому». Открытое бахвальство и пафосная самовлюбленность принесли свои плоды — русские до сих пор гордятся своей «русскостью», несмотря на ужасающие реалии своей жизни.

Мы же, наследники великой цивилизации ВКЛ, потомки храбрых героев, талантливых мастеров и выдающихся ученых, не создали моду на свою историю и культуру, не смогли утвердить ее даже среди своего народа. Поэтому смешное твяканье на тупого, но большого и гордого соседского слона лучше заменить методичной учебой. Как бы это ни звучало странно и даже непонятно, нам всем надо учиться самоуважению и национальной гордости у поляков и русских, вместо того чтобы брызгать на них ядовитой слюной и убивать себя бессмысленной детской ненавистью к большому сильному дяде. Как и все другие народы, наши соседи отстаивают СВОЮ идею и пытаются навязать ее другим, например — беларусам.

Есть интересная особенность в нашем противостоянии русской культуре (не путать с высоким русским искусством как об-

щечеловеческим наследием, в котором заметен след и наших предков). Внешне мы все, а большинство и по языку ничем не отличаемся от русских. Наше спекулятивное и неисторичное название «Белоруссия» (как и «Беларусь») для русских очень близко и сентиментально. Мы способны под шкурой походить на русских растить свою далеко не русскую идентичность.

Аналогичные, исторически сформированные сантименты к нам имеют также украинцы и поляки. С летувисами (жамоитами) сложнее — у них какая-то патологическая ненависть к нам. Наверное, причина заключается в очень заметном беларуском участии в истории ВКЛ, а именно на односторонне присвоенном наследии ВКЛ построена вся их национальная идея. Что ж, летувисы по-хозяйски подобрали то, что мы бездумно бросили. Например, они естественным для себя образом называют Минск — «Минскас», Гродно — «Гардинас». В этой связи абсолютно непонятно, чего ради мы называем Вильню и Ковно на их манер — «Вильнюс» и «Каунас»?!

Для обеспечения своей жизнеспособности наша национальная идея должна найти приемлемую для нас форму соотношения с национальными идеями соседей. Как ни странно это звучит, она (наша идея) должна получить у них хотя бы частичное признание и одобрение. Иначе, как и во всех предыдущих случаях, беларуская идентичность опять превратится в псевдоэлитное сектанство и ее будет культивировать лишь ограниченный круг «посвященных».

Для своей жизнеспособности наша национальная идея должна также быть понятной. К глубокому сожалению, многие деятели беларуской культуры уходят из реальности в параллельные миры национальных сказок — Великой Крывии, возрождения Княжества Литовского, крестьянской идиллии Якуба Коласа, фантастических мифологем языческого наследия, идеологии времен БНР и т.д.

С другой стороны, беларуские деятели, тяжело переживая комплекс «дураков от рождения» и желая хотя бы внешне от него избавиться, измышляют сложные сверхнаучные схемы. При этом не ставят своей целью выработку системы национальных символов, понятной рядовым людям, массам. Наши деятели пишут сложно, витиевато, иной раз так, что их не понимают даже единомышленники. Вот и выходит, что свои идеи они ад-

ресуют исключительно друг другу. Почитайте, например, сочинения философа Валентина Акудовича или публициста Юрия Дракохруста. Сами увидите.

Сложность ситуации тут не в чистом интеллекте, как методе мышления, а в необходимости соизмерять этот интеллект с окружающей действительностью. Совсем непросто сформулировать такую актуальную идею, которая позволит адекватно оценивать реальность и одновременно вызовет искренний интерес у современников. Еще труднее обстоит дело с наполнением этой общей идеи конкретным содержанием.

В ситуации, когда крайняя разобщенность стала едва ли не определяющей национальной чертой белорусов, выход видится в попытке сформулировать именно идею Единства. Кстати говоря, при внимательном рассмотрении наша история дает уникальные примеры Единства белорусов, основанного на общности происхождения, на общности пройденного исторического пути и на общности нашей многонациональной культуры.

Наша земля

Нам всем, живущим в Беларуси, дана земля, обладающая уникальным географическим и мистическим значением, о котором знали еще древние греки: Беларусь — это водораздел двух морей, которые окружают Европу и сходятся в одном океане. У нас начинаются реки, которые несут свои воды вокруг всего континента через Балтику и Средиземноморье и встречаются в Атлантическом океане.

Согласно индоевропейским мифам корни слов «вэл-» и «бэр-» моделируют строение Мира. Корень «вэл-» связан с Западом, с низом, с миром мертвых; корень «бэр-» — индоевропейское обозначение Востока, высоты и сияния. Именно в Беларуси рождаются реки «Вялля» и «Бярэзіна», текущие на северо-запад и юго-восток. Еще больше поражает то, что индоевропейские мифы называют Центром Мира гору, у которой на западном склоне один родник, а на восточном другой, и от каждого начинаются реки, дающие жизнь двум морям. На Беларуси есть гора (и не одна), с которой текут от родников в разные стороны (на запад и восток) два ручья и дают жизнь на одну сторону «Вяллі», на другую — «Бярэзіне». «Вялля» через Неман вливает свои воды в Балтийское море, «Бярэзіна» через Днепр — в Черное.

Именно на территории нынешней Беларуси древние греки располагали страну Гиперборею. Геродот писал, что для того, чтобы попасть в Гиперборею, нужно подняться вверх по Днепру. Бог Аполлон был родом из Гипербореи и каждые 18 лет летал на свою родину, где хранил (по беларуски «хаваў») свои стрелы. И именно в Беларуси в Восточном Полесье до наших дней сохранился уникальный архаичный народный обряд «Пахаванне стралы»! Геродот писал, что на север от Припяти живут люди с собачьими головами. И именно в Беларуси до наших дней сохраняется самобытное приязненно-сочувственное отношение к «ваўкалакам» (оборотням), а волк — животное, весьма почитаемое беларусами. Даже сохранилось поверье, по которому встретить волка — к большой удаче.

Историческое единство

На нашей земле исторически образовалась уникальная духовная культура, основной смысл которой заключается в объединении людей разного происхождения, разных вероисповеданий и мировоззрений. Наши предки уже в дописьменный период истории являли пример объединения различных балтских племен. В период первых княжеств на наших землях уживались и язычники, и христиане. Великое Княжество Литовское объединило многие народности Восточной Европы самого разного происхождения.

Очень показательное расположение храмов в беларуских городах и местечках. На одной площади могли стоять рядом православные церкви, католические костелы, протестанские соборы, а неподалеку мусульманские мечети и еврейские синагоги. В XV—XVII веках такое было немыслимо ни в одной другой стране мира. Вот, например, в местечке Друя (ныне это Браславский район) в 1643 году было всего лишь 306 жилых домов. При этом здесь имелось 7 православных и униатских церквей, 4 католических костёла и одна синагога.

Беларуская культура уникальным образом объединяет все этапы своей истории, хранит следы всех своих исторических личностей. Например, в беларуской культуре продолжает жить огромный пласт дохристианского наследия, давая возможность его исследовать, а некоторым людям и увлекаться им. В какой другой европейской стране в начале XX века в центре боль-

шого города стоял Священный Дуб, при котором жил языческий жрец (!), а люди приносили жертвоприношения. А именно так было в Минске до 1908 года!

Такого рода «объединительных» курьезов в нашей истории тьма. С одной стороны, великий князь Витовт защищал земли ВКЛ от набегов татар, а с другой — поселил их на белорусских землях и наделил шляхетством. За это татары платили верной службой. Именно татарская конница начала Грюнвальдскую битву. Именно татары основали многие известные шляхетские роды ВКЛ, которые отличились в битвах за независимость ВКЛ и позже Речи Посполитой.

Когда по всей Европе происходили еврейские погромы, власти ВКЛ пригласили к себе еврейских ремесленников и купцов, которым дали налоговые льготы для развития своего бизнеса.

Аналогично происходило объединение национальных культур — в ВКЛ переписывали и издавали книги на старобеларуском, старопольском, староукраинском, церковнославянском, латинском, жамойтском языках, а также книги белорусских мусульман и белорусских евреев. И вплоть до нашего времени белорусская культура объединяет достижения этих народов.

Христианство послужило огромным стимулом для нашей культуры. До сих пор белорусские православные показывают пример сохранения христианских обрядов времен Византии; белорусские католики — пример последовательного христианского воспитания; белорусские протестанты — пример общинной христианской жизни.

Отдельная особенность — слияние календарных праздников: испокон веков белорусы отмечали дохристианские Купалле, Каляды, Жніво, Багач, Дзяды. При этом они ходили в церковь на исповедь и причастие, праздновали Рождество, Пасху и Троицу; поздравляли соседей мусульман и иудеев с их святыми днями; параллельно отмечая государственные праздники (так было в ВКЛ, Речи Посполитой, Российской империи, СССР).

Календарь официальных праздников Республики Беларусь и сейчас объединяет дохристианские обряды, христианские празднества, «красные дни» СССР и государственные даты Республики Беларусь!

Духовное меценатство

События, происходившие на нашей земле в течение многих веков, стали частью истории других народов. Полоцкий княжеский род Рогволодовичей был породнен с византийской императорской династией Комнинов. Польскую королевскую династию основали князь Ягайла (родом из Витебска) и княгиня София Гольшанская (из Гольшан). Народам Восточной Европы книгопечатание принесли беларусы Франциск Скорина, Петр Мстиславец и Иван Федорович (Иван Федоров). Польскую оперу основал беларус Станислав Манюшко, русскую — беларус со Смоленщины Михаил Глинка. Российскую Сибирь исследовал беларус Ян Черский. Национальным героем Чили стал беларус Игнат Домейко. Американцам попасть на Луну помог беларус Борис Кит. И этот список можно продолжать долго!

Национальным героем Польши и США является беларус Тадеуш Костюшко. Но малоизвестным фактом остается то, что героем этих стран он стал исключительно из-за любви к беларуской шляхетке Людвике Сосновской. В Америку он поехал, чтобы заработать деньги, так как Людвигу не отдавали из-за его бедности. Но, став героем в войне за независимость США, он так и не заработал денег. Поэтому ввязался в авантюру, воюя за Французскую революцию, однако деньги на женитьбу все равно не заработал. А когда вернулся в Речь Посполитую и узнал, что его любимая выдана замуж за другого, поднял восстание за независимость Речи Посполитой.

Беларуская волынка (дуда) стала феноменом для всей Восточной Европы, именно у нас, в отличие от соседних народов, она глубоко вошла в народную мифологию, именно у беларусов не происходило ни одного значительного события в жизни без волынки. Волынка у беларусов звучала на Каляды, Вялікдзень (Пасху), Купалле, Жніво, Радзіны, Хрэсбіны, Вяселле, Пахаванне...

Старобеларуский язык был государственным в многонациональном Великом Княжестве Литовском, служил языком дипломатической переписки между Московским великим княжеством, ВКЛ и Польским королевством.

Смоленщина стала частью России, отдав свой богатейший фольклор в русский котел. Аналогичным способом беларуский фольклор южной Латгалии стал неотъемлемой частью латгаль-

ского этнографического феномена. Вильня, наша культурная и политическая столица в совместном Княжестве Литовском сейчас — столица небольшой части этого княжества и неотъемлемый бренд национальной идеи наших соседей-летувисов. Белосточчина стала частью земельных приобретений Польши в ходе Второй мировой войны.

Богатство как ценность

Один мой хороший знакомый, убежденный патриот, решил разбогатеть. «Вкалывая» иной раз по 20 часов в сутки, он стал богатым человеком. Глядя на его состоятельную жизнь, все соседи отдали детей в беларускоязычные школы и гимназии, сами стали проявлять примеры патриотизма.

А вот другой пример. В студенческие годы ехал я в троллейбусе мимо площади Бангалор и услышал, как молодая девушка, глядя на скопление людей под бело-красно-белыми флагами на митинге БНФ, назвала их «убогими». Мужчина постарше не согласился с ней и назвал участников фронтового митинга «несчастливыми», потому что они верят в свою идею, но не знают, как ее донести до остальных.

Богатый беларус-патриот, демонстрирующий пример достойной жизни, безусловно более привлекателен по сравнению с нищими народофронтавцами, безуспешно пытающимися «донести» свои идеи до народа. А на фоне общей нищеты даже простые приметы достойной жизни сознательного беларуса (большая квартира, хороший автомобиль, загородный дом, отдых на зарубежных курортах, качественное обучение детей, забота о здоровье, поддержка родных) работают на беларускую идею в тысячу раз сильнее «улично-митингового» патриотизма.

Семья как дом

На протяжении веков наш народ культивировал уважительное отношение к женщинам. Более того, знакомясь с беларуской историей, убеждаешься, что женщины были полноправными ее субъектами. Эту сторону нашей культуры удачно иллюстрируют биографии Ефросинии Полоцкой, Софьи Гольшанской, Юлиании Гольшанской, Барбары Радзивилл, Маргариты Скорины (жены Франциска Скорины), Саломеи Пильштыновой, Эми-

лии Платтер, Элоизы Ожешко и многих других... Показательны также легенды о женщинах-воинах («вайтоўнах»).

Беспрецедентно уважительное отношение к женщинам в Беларуси сформировалось в XVI веке: документы свидетельствуют об отстаивании белорусскими горожанками и шляхетками своих имущественных прав в суде, что было невозможно для остальной Европы.

По этнографическим данным XIX века известно, что в отличие от соседних народов, мужчины которых считали зазорным играть с детьми, белорусские мужчины охотно баловались и играли со своими детьми. А среди шляхты бытовал интересный обряд «дзядзькаванне», когда шляхетских подростков отдавали на несколько лет жить и работать в крестьянскую семью, чтобы воспитать в молодом шляхтиче трудолюбие и уважение к тяжелому крестьянскому труду.

Традиционная белоруская семья — моральная и духовная крепость, место культивирования своих родовых обычаев, а также традиционного бытового и психологического уклада.

Беларусь как оплот

В 2007 году музыкальную группу «Старый Ольса» обокрали в Брюсселе. Этот город уже не производит впечатление Европы — на многих улицах и во многих кварталах преобладают китайцы, арабы и негры. Соответственно составу населения процветает уличная преступность. Микроавтобус нашей группы взломали на охраняемой стоянке банка «Снорас» (рекламу которого можно видеть по «Евроньюс»). Лютнист лишился паспорта.

Мы обратились в наше консульство, чтобы получить документ-разрешение на въезд в Беларусь (стандартная процедура). У нас на руках был протокол полиции о взломе автобуса и ксерокс украденного паспорта. Но оказалось, что для получения разрешения на возвращение в Беларусь необходимо заплатить немалые деньги, а потом ждать около 10 дней для уточнения личности и изготовления документа. Если у тебя украли и паспорт, и деньги, ты сначала пишешь в Беларусь родственникам, ждешь, пока они пришлют деньги, а потом еще 10 дней ждешь уточнения и изготовления. У нас, к счастью, были деньги и было где жить. На мой вопрос «а что делают белорусские туристы, если, не дай Бог, отстали от автобуса или их обокрали; где и за

что им жить пока все оформляется?» сотрудник консульства спокойно ответил, что живут где-то на вокзале и находят какие-то средства к пропитанию.

А теперь скажите, как назвать то государство, которому настолько наплевать на своих граждан, что заставляет их, попавших в беду за границей, жить по вокзалам и искать пропитание?

Наша национальная идея не может быть полноценной без устойчивого имиджа своего государства, служащего оплотом и защитой для своих граждан в любых жизненных ситуациях, особенно далеко за границей, где в случае беды человеку некуда обратиться.

Интересные ощущения испытал я при первом возвращении из-за границы в «Национальный аэропорт «Минск» (бывший «Минск-2»). Некоторое время я жил среди «не нашего» комфорта, внешней яркости, веселых продавцов, всеобщего оптимизма. Вылетая «оттуда» видел сверху парковки, дороги, дома и засаженные поля — «движняк», цивилизацию! Но подлетая к Минску самолет опустился к глухим еловым лесам, и сел самолет посреди такого леса. На много километров вокруг нет ни ферм, ни ухоженных полей, ни паутины дорог, ни парковок машин.

После посадки вокруг трапа выстроились пограничники в своих «невеселых» мундирах и пристально смотрели в лица прибывших пассажиров взглядом конвоиров зоны. Потом мы шли к автобусу сквозь строй таких же пограничников. В здании аэропорта, окрашенном в унылый цвет, на котором нет ни рекламы, не ярких огней, мы тоже шли сквозь строй. Потом при осмотре вещей один пограничник, молодой паренек с внешностью троечника из ПТУ, задал мне вопрос, который все объяснил: «что, на буржуев ездил работать?!» И я понял — да они все еще с буржуями воюют за светлое будущее пролетариата! Нетрудно представить, что этим пацанам «впрягают» замполиты (или политруки). И вот во всем этом внешнем и моральном убожестве начался шмон вещей. Слабонервные плакали или кланчили, кто с нервами покрепче возмущался: «дяденька, этот плейер стоит меньше, чем ваш налог!»

Я, беларус, возвращаясь на родину, ощущаю на границе «зону», а не родное государство-дом, и еще огромный стыд перед иностранцами, с которыми познакомился в самолете и которым рассказывал о своей удивительной стране (потом уже не

рассказывал, а предупреждал, что их ждет «экскурсия» в СССР времен «холодной войны»).

Правда, в самое последнее время наметились некоторые изменения. Выезжая за границы Беларуси через автоперезеды, белорусские граждане всегда стояли в общих очередях с поляками, русскими, летувисами, хотя в других странах давным-давно очереди разделяют для своих граждан и для чужих. Я лет десять регулярно езжу через границу и каждый раз задаюсь вопросом — почему у других народов есть особенное отношение к согражданам, а у нас — нет. Я годами подолгу стоял на выезд из Беларуси в общей очереди с поляками, но поляки на польской стороне становились в отдельную очередь, а летувисы на своей стороне — в свою. Потому что это их родные пограничники, их родное государство и оно у себя дома делает их особенными — местными.

И вот в августе 2010 года на гомельском пограничном переезде «Новая Гута» я впервые увидел табличку «Для граждан Республики Беларусь». Она создавала отдельную очередь для белорусов как для выезда в Украину, так и для въезда назад в Беларусь. Впервые в жизни, минуя 600-метровую общую очередь я гордо проехал в колею для белорусов — для своих. Это было новое, пока непривычное и маленькое, но приятное чувство родного государства!

Наша национальная идея не может быть полноценной без основанного на реалиях чувства государства-дома.

Спортивное фанатство

Возможность «болеть» за своих и, в крайней форме, спортивное фанатство — простейший общедоступный способ усвоения национального сознания. Один мой одноклассник стал футбольным фанатом. Его рассказы поражают. Он и его фан-бригада ездят за белорусскими футбольными командами и часто начинают уличное побоище только из-за того, что какой-то противник крикнул мелкую гадость про Беларусь.

С другой стороны, двое пьяных комсомольцев в 1996 году три часа продержали участников гомельской «Талакі», требуя от них письменного заявления об отказе от своих националистических взглядов. Никто не полез с ними драться. Такая же история повторилась в Минске с «Молодым фронтом», когда пьяные чле-

ны БРСМ явились на «паседжанне» и в грубой форме оскорбляли «фронтовцев». Тоже никто не стал с ними драться. Зато после ухода хулиганов, в полной тишине кто-то из фронтовцев сказал: «Зато мы их умнее». Без комментариев!

Думаю, что русскоязычные белорусские фанаты, дерущиеся за честь своей страны, больше патриоты, чем белорусскоязычные интеллигенты, терпящие оскорбление святых для них национальных символов.

Проблема языка

Беларуский язык уже давно не используется в нашей политике, науке и промышленном производстве. Когда многие белорусские деятели в 90-е годы говорили о неразрывной связи патриотизма с владением белорусским языком, они совершили огромную ошибку (если не преступление) национального масштаба. Русскоязычный белорусский патриотизм, как и в Украине русскоязычный украинский патриотизм, — явление массовое, обладающее огромным национальным потенциалом.

Объяснить феномен русскоязычного белорусского патриотизма легко — сложностями личного характера. Публичный переход на язык, которым владеешь плохо, при этом гарантированно вызывает повышенное внимание к себе, — дело сугубо индивидуальное, даже интимное. Человек непубличный, избегающий лишнего внимания к своей персоне, не будет говорить на улице по-беларуски не потому, что он морально или национально несовершенен. Это дело его личного выбора, сильно зависящего от характера и темперамента.

Язык не может служить критерием патриотизма. В полиэтничном ВКЛ реальным проявлением патриотизма было не знание старобеларуского языка, а защита независимости государства с мечом в руке, а также «приумножение наук», создание шедевров искусства, обеспечение спокойной и упорядоченной общественной жизни. В этом сильном и полноценном государстве никому бы в голову не пришло назвать «непатриотом» польскоязычного белорусского шляхтича, возвращающегося с войны.

Можно быть русскоязычным, польскоязычным, украинскоязычным, татароязычным, ивритоязычным белорусским патриотом и при этом многими способами приносить пользу своей стране и получать от этого духовное удовлетворение.

Наслаждение своим

В качестве эксперимента можно предложить идею белорусского национального гедонизма — научиться получать эстетическое и физическое удовольствие от жизни в Беларуси и общения со своей культурой. Это самая простая и доступная всем форма выработки национального сознания.

Наша история, наше искусство, наша литература настолько богаты, что способны давать удовольствие людям, занимающимся их постижением. В принципе, можно получать полноценное удовлетворение при серьезном увлечении любой культурой. Но со своей родной культурой знак качества выше — наслаждение дает, поимому всего прочего, еще и осознание того факта, что ее создали твои кровные родственники из предыдущих поколений. А нам есть чем гордиться и есть чем наслаждаться.

Огромное удовольствие приносит искусство любого вида. Оно действует на ту сферу, которая не подвластна политикам. Искусство — неявный, интуитивный, но очень сильный способ передачи убеждений. Одна умная женщина, первый продюсер группы «Старый Ольса», как-то сказала: «не говорите ничего со сцены, просто играйте!»

Любить нашу природу, общаться с нашими людьми, пользоваться нашей кухней и напитками, отмечать наши праздники, наслаждаться нашим искусством, преклоняться перед нашими женщинами и при этом богатеть на своей родине — все это истинное удовольствие!

Возможно, суть проблемы в том, чтобы сформулировать в общем виде универсальную многоплановую национальную идею, содержание которой каждый сможет наполнять сам. Байкер и музыкант, инженер и механизатор, домохозяйка и пенсионер, космополит и националист, балтофил и русофоб, татарин и украинец, а также этнические русские... — все должны иметь возможность внести свой вклад в общую идею Единой Беларуси.

Часть 2

ГЕНЕАЛОГИЯ БЕЛАРУСКОЙ ИДЕИ

Игорь Бобков,
кандидат философских наук

1. Беларуская ідэнтычнасць

Задачай данной статьи является анализ концепций белорусской идентичности, сменявших друг друга в течение двух последних столетий.

До 1991 года эту проблему не рассматривали ни западные, ни восточные исследователи. Слависты и советологи упоминали слово «беларуский» лишь в разнообразных перечнях (славянских народов, угнетенных народов, наций Средней Европы, наследников Речи Посполитой). Это выглядело странным контрастом по сравнению с достаточно развитой «советской» белорускостью: БССР — государство-основатель СССР и ООН, обширная белорусская советская литература, автономная инфраструктура государства (парламент, правительство, национальная Академия Наук, система образования и т.д.).

Тем не менее, и на Западе, и на Востоке Беларусь воспринимали как химеричное создание, не имевшее автономной субъектности, отличной от субъектности советско-российской.

Оценка белорусской идентичности как химеричного образования, казалось бы, вполне отвечала действительности — к началу 80-х годов XX века в БССР «беларускость» никому не мешала ощущать себя жителем «великой Страны Советов». Локально-орнаментальный колорит, реализованный в белорусской советской культуре, просто украшал общесоветский ландшафт. А те фрагменты традиции и идентичности, которые «выламывались» из этой картинки, были надежно спрятаны в спецхраны, тюрьмы и психушки.

Из журнала «Arche» № 37 (3/2005). Перевод и редакция А.Е. Тараса, с сокращениями.

Неопознание Беларуси в качестве отдельной части Восточной Европы провоцировал также неудачный перевод слова «беларуский» как «white russian». Иногда это приводило к анекдотичным случаям отождествления беларусов с белогвардейцами, но преимущественно их считали частью «russians» в каких-то конспиративных целях окрашенных в белый цвет.

В результате беларуская идентичность не являлась предметом серьезных исследований на Западе. В самой же Беларуси она присутствовала и не присутствовала одновременно: она была незаметна для тех, кто не хотел ее замечать, и везде присутствовала для тех, кто был ею ангажирован.

Потому внезапное пробуждение этой идентичности в конце 1980-х годов, а затем появление на руинах СССР независимой Республики Беларусь стало шоком не только для большинства жителей нашей страны, но и для Запада. Вдруг оказалось, что разветвленная, хорошо финансируемая машина советологии ничего не знает об этой новой стране. Более того, с точки зрения советологии такой страны вообще не должно было быть! Это ощущение шока хорошо чувствуется в тексте ученой дамы (имеющей звания доктора наук, профессора и члена французской академии наук) Элен Карер д'Анкос, откликнувшейся на беларускую декларацию независимости заметкой в газете «Фигаро».

По мнению д'Анкос, «беларусов как нацию» придумали большевики в 1918 году с целью «ослабить настоящие, аутентичные нации: польскую и русскую». Беларуский язык — искусственная смесь польских и русских слов. Республика Беларусь появилась в результате того, что «за... годы советской власти сами беларусы наконец поверили в свое существование».

Если отвлечься от эмоционального содержания заметки, выражающей скепсис автора относительно возможности нациогенеза в современном мире (якобы постнациональном), это пример стереотипа восприятия беларуской идентичности на Западе как эфемерной и неприсутствующей. А в более широком смысле, хороший пример зависимости теорий нациогенеза от культурных стереотипов и национальной принадлежности самих исследователей (д'Анкос — дочь российских эмигрантов, не скрывающая антипатию к антиколониальным нациям).

В результате беларуская идентичность получила на Западе статус «исключения из правила». С одной стороны, наличие не-

зависимого государства не позволяло декларировать полное отсутствие ее; с другой — беларуская действительность слишком сильно отличалась от характеристик современной нации — культурно однородной, с присущим ей комплексом исторических мифов, моральных ценностей и культурных стереотипов (это «поле», на котором произрастает цветок под названием «идентичность»).

Ситуация усложнялась еще и тем, что новые национальные мифы, которые начали быстро появляться после 1991 года, находились в конфликте с уже сложившимися стереотипами восприятия Беларуси.

Героическая мифология и идея сопротивления, составляющие ядро нынешней «сильной» беларуской идентичности, резко контрастируют, во-первых, с представлениями о Беларуси как о нации без истории (так о нас думают и на Западе, и на Востоке); во-вторых, со «слабой» беларуской идентичностью, характерной для русскоязычного (или двуязычного) городского большинства в самой Беларуси.

Отдельный вопрос — поселки (местечки) и деревни, говорящие на «трасянке» и отказывающиеся идентифицировать себя не только с беларуской героической мифологией, но и вообще с какими-либо национальными мифами, упорно сохраняющие свою «тутэйшасць» (местечковость).

В связи с этой ситуацией возникает вопрос: почему, несмотря на более чем два столетия интенсивной работы, направленной на выработку современного культурно однородного национального общества (в данном контексте несущественно, польско-, русско- или беларускоязычного), мы до сих пор видим себя «среди исключений из правил»?

Для объяснения этого феномена были созданы разные теории, которые можно объединить в две группы: назовём первую «теориями слабости», а вторую — теориями «героического сопротивления». Таковы два основных варианта интерпретации.

Теории «слабости»

В теориях этого типа аномальность нашей ситуации объясняется самыми разнообразными факторами: культурной и языковой разнородностью (гетерогенностью), слабостью самой идентичности, неисторическим характером нации, долгим пре-

быванием в одном государстве сначала с Польшей, потом с Россией и т.д. Беларуская идентичность при этом рассматривается как своего рода «молчаливая» реальность, которая не способна пробиться на уровень репрезентации.

Причины этой «неспособности» разнообразны: метафизически понимаемая «слабость», мистическое «нежелание» белорусского этноса сознать себя как нацию, принадлежность к определенному «порочному» цивилизационному кругу (например, к православному) и т.д.

Все эти объяснения объединяет также стремление преподнести беларускую ситуацию как периферию чего-то, то есть — изображать результаты деятельности различных исторических факторов с точки зрения какого-то центра, удаленного от местной территории и принципиально отличного от нее. Это может быть перспектива польского или русского нациогенеза, перспектива столкновения цивилизаций, перспектива великой войны конфессий (католицизма и православия), наконец — перспектива европейской модерности. Каждый из таких факторов, положенный в основу объяснения, стремится к символической гомогенизации ситуации, отменяя разнообразие через исключение «другого», либо через трактовку этого «другого» как несущественного или небеларуского*.

В результате возникают модели беларуского нациогенеза определенного образца. Самая заметная среди них — модель опаздывающей (незаконченной) модерности, когда сама модерность понимается как единственно правильная траектория, которая не дошла до своего завершения вследствие неблагоприятных условий. Вторая популярная версия — теория деревенской нации, трактующая селян как единственно подлинных представителей беларуского этноса и поэтому исключаящая из поля «беларускости» все формы и проявления городской цивилизации.

Естественным следствием таких моделей является образ культурного отсутствия и слабости, либо попытки локализовать и истолковать артефакты местного культурного пространства вне границ этого пространства.

Например, польский социолог Рышард Радик в 1997 году определил беларускую идентичность как «деревенскую» и «право-

* Гомогенизация — превращение разнообразия в однородность.

славную», и именно в этих факторах он видит причины «опоздания» белорусской модерности.

По Радик, Беларусь прилегает к поясу поствизантийской цивилизации, где структуры общества традиционно были развиты чрезвычайно слабо по сравнению со структурами государства. В этой зоне именно государство, а не общество выступает главным нациосозидающим фактором, а отсутствие своего государства во времена классической модерности и стало причиной белорусской отсталости, неисторичности и аномальности. Православие же в этом регионе (конфессиональный фактор), традиционно действует в унисон с государством, срастается с ним, поэтому два столетия белорусского нациогенеза были временем нациогенеза вопреки нациотворческим факторам.

Модель Радика в общем верно описывает ситуацию, но с одним важным исключением. Это ситуация только части белорусского общества и части тех факторов, которые влияли на белорусский нациогенез. Вторую часть — двуязычную (польско-беларускую) шляхту, в среде которой и возник проект новой белорусской нации, и которую никак нельзя отнести к православной цивилизации, Радик однозначно трактует как небеларускую (польскую).

Даниэль Бовуа в своей книге «История Средне-Восточной Европы» рассматривает белорусскую идентичность как поле борьбы польской и российской наций, и хотя вначале отождествляет ее исключительно с идентичностью белорусских селян, далее трактует более широко, вводя в это поле двуязычную шляхту с ее этнографическими проектами «пробуждения народа».

Он первым среди историков поставил проблему колониальных стратегий и практик в данном регионе, влиявших на процессы нациогенеза. Ведь если исходить из идеи «слабости», то непонятным и необъяснимым остается тот факт, что «слабое» и «отсутствующее» белорусское общество продолжает существовать сегодня именно в своем «слабом» и «отсутствующем» варианте, несмотря на наличие значительно более сильных колониальных стратегий (идентичностей), которые должны были превратить наши земли и население в западнорусские или восточнопольские.

Еще один шаг сделал известный историк Петар Вандич. Он говорит о белоруском и словацком вариантах нациогенеза как

о наиболее сложных и странных вариантах сохранения собственной идентичности.

Вандич предлагает изменить перспективу и рассматривать белорусский и словацкий варианты на фоне многочисленных неудавшихся антиколониальных нациотворческих проектов в границах Европы (шотландского, валлийского, бретонского, басконского, каталонского и т.д.). Он обращает внимание на то, что историческими жертвами европейской модерности стали многие локальные этносы и этнокультурные сообщества, многие возможные нации. В этом контексте белорусская история дает пример успешного сопротивления и национального выживания — вопреки европейской модерности.

Теории «героического сопротивления»

По сути дела, предложение Вандича давно реализовала белорусская историография в своем мифе героического сопротивления колонизации. Этот миф возник в начале XX века уж в первой версии белорусской истории (Ластовский), изображавшей ее в виде смены четырех больших периодов:

- 1) консолидации протобелоруской нации (X—XV вв.);
- 2) Золотого Века белорусской государственности и культуры (XVI век);
- 3) упадка — полонизации и русификации (XVII—XIX вв.);
- 4) национального Возрождения (конец XIX — начало XX века).

В результате наша история Нового Времени описывается в этой схеме в большей степени через исключения и рассматривается как предыстория Беларуси, а национальное возрождение трактуется скорее как мистическое событие пробуждения, чем как социокультурный процесс возникновения современного (новоевропейского, национального) общества.

И хотя нынешние белорусские исследователи уже не отождествляют белорусскую идентичность с ее этнонациональной, возрожденческой версией, появившейся в начале XX века и сегодня составляющей лишь одну из ее частей, идея героического сопротивления осталась в центре объяснительных стратегий. В трактовке сегодняшней белорусской историографии современная белорусская нация претендует на преемственность по отношению к Полоцкому княжеству (объявленному первой формой белорусской державности), и по отношению к Великому Княже-

ству Литовскому, Русскому и Жамойтскому (с высказыванием претензий на его литовскую и русскую части).

Отметим, что в подчеркивании преемственности с средневековыми государственными образованиями беларуские историки не одиноки. Другие нации региона (поляки, летуvisы, украинцы) тоже имеют свои мифы преемственности, подчеркивающие связь монациональных государств с многонациональными (многоэтническими), полилингвистическими и поликультурными государственными образованиями средневековья.

Так, для польской культуры характерно отождествление федеративной Речи Посполитой с Польшей, а польскоязычной шляхты различного этнического происхождения с «польскостью» как таковой. В культуре летуvisов процветает миф древнего государства — Великого Княжества Литовского, — в котором летуvisы господствовали над полудикими славянскими племенами. Лишь украинская культура стоит немного в стороне со своим базовым историческим мифом казачества.

Эта война за наследие особенно остро проявилась в конце 80-х — начале 90-х годов XX века в конфронтации между беларускими и летуvisскими исследователями, а также между польскими и украинскими. Сегодня замечается тенденция отхода от наивных преувеличений тех времен и ориентация на описание региональной и трансэтнической истории. Тем не менее, и сегодня базовым беларуским историческим мифом остается миф героического сопротивления, не закончившегося по сей день.

Теории слабости и теории героического сопротивления, при всей разности своей базы, исходят из ситуации колониального столкновения. Они стремятся абсолютизировать эту ситуацию, подать ее как внеисторическую константу, разделяя все историко-культурные феномены на колонизаторские и антиколониальные. По существу, обе теории функционируют как части колониальных и антиколониальных дискурсов, которые не столько объясняют, сколько конструируют ситуацию, консервируя колониальное столкновение как символическое либо метафизическое событие.

На самом деле в ситуации нет никакой метафизики. С конца XVIII века на одной и той же территории происходили три раз-

личных нациогенеза, процессы формирования трех современных наций — польской, русской и белорусской. Эти процессы сталкивались между собой в границах одного пространства, налагались друг на друга, и в результате возник тот конфликт интерпретаций, который был характерной приметой белорусской ситуации в течение двух последних столетий.

В конце XVIII века начался процесс формирования польской нации на базе превращения шляхетского политического народа в современную нацию, уже национально польскую. В XIX веке начался процесс формирования российской имперской нации из трех частей «единого русского народа», и белорусские территории были опознаны как составная часть этого процесса (вместе с «малороссийскими» территориями). В том же веке начался процесс формирования новой белорусской нации на основе этнической культуры преимущественно сельского населения.

Если говорить о традиционной теоретической модели нациогенеза (возникновении того, что называется национальной идентичностью), то она опирается на определенные факторы, такие, как территория, язык, этнические связи, религия, государство. Все эти факторы работают на укрепление группового самосознания и позволяют той либо другой группе лидировать и вырабатывать интегральные мифы.

Но в формировании разных наций разные факторы играли разную роль.

Так, факторами формирования белорусской нации традиционно выступают территория, язык и этнические связи. В то же время польская нация опирается на католическую религию, цивилизационно-государственную традицию и практики колонизации. Российский нациогенез пользовался услугами колониальной администрации (чиновничества) и православного духовенства. Традиционно эти процессы рассматриваются порознь, в рамках польской, белорусской и российской истории.

Мы же предлагаем исходить не из «национальной» перспективы, а из перспективы общества, которое на протяжении всей своей истории оставалось цельным и единым. Иными словами, белорусскоязычное крестьянство, двуязычная шляхта, поликонфессиональный клир и еврейская община образовывали одно общество, которое мы ретроспективно можем считать белорусским (не в смысле этничности, а в контексте «тутэйшасці»).

Мы полагаем, что генеалогию белорусской идентичности значительно более корректно можно описать как полицентричное поле борьбы разных культурных и цивилизационных стратегий внутри этого общества, чем как статичный набор «национальных» мифов, возникавших в разное время в разных его слоях.

При этом сама идентичность понимается как культурный продукт, который «производится» в определенных социокультурных средах, и далее презентует себя как общенациональный. В то же время этносоциальная и культурная разнородность ведет к появлению альтернативных (отчасти даже антагонистических) версий идентичности.

Поль Рикёр (1913–2003) предложил различать два аспекта идентичности: аспект базовой тождественности с самим собой, и отождествление (идентификацию) себя с чем-то — то есть, репрезентацию этого базового аспекта тождественности.

Если приложить его модель к белорусской действительности, мы увидим очень сильно проявленный первый аспект, который реализуется в ощущении «тутэйшасці» либо в иных версиях «автохтонности». А вот план репрезентации характеризуется не столько слабостью, сколько многочисленностью потенциальных версий белорусской идентичности. Эта многочисленность образует ситуацию конфликтного разнообразия, когда разные версии белорусской идентичности взаимоисключают друг друга.

Мы полагаем, что ситуация «войны репрезентаций», в эпицентре которой никак не может дооформиться белорусская идентичность, генерирована двумя факторами. Первый — наше существование в зоне цивилизационного разлома (столкновения католической и православной традиций) на границе между Средне-Восточной Европой и Азией. Второй, не менее важный, — существование в зоне столкновения двух интенсивных процессов колонизации «периферии».

Более того, современная белорусская культура является естественным результатом этого разлома, несет в себе этот разлом и эти столкновения. Но если влияние первого фактора — цивилизационного — обычно учитывается, то «колониальный» аспект рассматривается лишь с идеологической, а не научной точки зрения.

2. Проекты белорусской идентичности

В конце XVIII века мы находились в конфедеративном и гетерокультурном государстве — Речи Посполитой, состоявшей из Польского Королевства и Великого Княжества Литовского, Русского и Жамойтского.

Во время и особенно после разделов этого государства между Россией, Австрией и Пруссией (Германией) возникла трактовка пространства ВКЛ как пространства потенциальной колонизации, которое следовало гомогенизировать и присоединить либо к Польше, либо к России. Так родились польский и российский колониальные проекты.

Польский колониальный проект возник в результате первого раздела Речи Посполитой (1772 г.) и обособления восточных (беларуских) территорий ВКЛ.

Ответом на это обособление стала программа ускоренной и вполне сознательной полонизации Речи Посполитой, родившаяся в среде просвещенческих элит страны. В рамках этой программы Литва, утратив свою цивилизационную и культурную разнородность, должна была окончательно совпасть с Польшей.

По Конституции 3 мая 1791 года Литва как конфедеративная часть Речи Посполитой ликвидировалась, а сама Речь Посполитая превращалась в унитарную, наследуемую и уже национально польскую конституционную монархию. И хотя политическая часть этой колониальной программы утратила актуальность в результате исчезновения самого государства, культурно-идеологическая гомогенизация продолжалась в рамках Российской Империи до 1832 года, до той поры, когда польские просвещенческие элиты потеряли контроль над образовательной системой в регионе.

Колонизационная суть Просвещенческого проекта в Речи Посполитой не является секретом для исследователей. Ведь программа полонизации опирается на идею консолидации «всей польской нации» посредством гражданского воспитания, пропаганды истории и культурной традиции. Эта программа была по своей сути программой культурной гомогенизации общества, программой культурной экспансии «просвещенного ума», навязывания всему обществу «высокой культуры», светской, рационалистической и, безусловно, уже национальной (польской).

Но при реализации данной программы на этнически непольских территориях просвещенцы столкнулись с реальной культурной и социальной гетерогенностью общества, в частности, с огромным материком традиционной культуры «простого народа». Это столкновение, а также очевидная невозможность сразу (или в близкой перспективе) колонизовать, переварить эту культуру, привели к опознанию этих территорий как «крэсов» — недостаточно польских пространств, которые еще предстояло полонизировать.

Русский колониальный проект появился почти синхронно с польским, в начале XIX века, и окончательно оформился к его середине.

Захватив территории Речи Посполитой, Россия приобрела западные губернии, стоявшие на более высоком уровне культурного развития, чем собственно российские. В начале XIX века «новоприобретенные» земли колоссально влияли на российскую культуру. Поэтому традиционные колониционные стратегии, которые Россия практиковала в отношении «инородцев» Сибири, Средней Азии и других своих колоний, здесь не могли дать желаемых результатов. К тому же, российской администрации в этом регионе противостояла не столько «деревня», сколько польскоязычная (либо двуязычная) шляхта, имевшая традицию высокой культуры и ощущения истории, шляхта, которая систематически вырабатывала политические программы отвоения независимости и организовала за 70 лет три мощных восстания.

Указанные обстоятельства обусловили формирование к середине XIX века следующих принципов российской колонизации на западных территориях:

1. Институциональное уничтожение. Сюда входило закрытие местных культурных и образовательных учреждений, контроль над прессой и книгопечатанием.

2. Вывоз культурных ценностей. За XIX век российские гражданские и военные власти вывезли с территории бывшего ВКЛ в метрополию колоссальное количество культурных приобретений (библиотеки, коллекции, произведения искусства и т.д.).

3. Исключение определенных социальных и этнических слоев из производства культурной продукции, нейтрализация особо опасных социальных слоев (шляхты).

4. Формирование «пятой колонны» на колонизованных территориях из православного духовенства и российского чиновничества, а также идеологическая работа с крестьянством, разжигание социальных антагонизмов между «панами» и «мужиками».

Таким образом, по отношению к шляхте российская администрация практиковала преимущественно «механический» тип колонизации, основанный на непосредственном вытеснении шляхты из культурного и социального пространства с одновременным внедрением своих колониальных институций.

На этом колониальном фоне и происходил процесс перехода от гетерокультурного пространства ВКЛ к современным национальным государствам и культурам. Этот процесс сопровождался ликвидацией ВКЛ и как государства (конфедеративной части Речи Посполитой), и как полиэтничного, поликонфессионального и поликультурного образования, на наследие которого претендовали и претендуют национальные культуры Летувы, Украины, Беларуси и Польши.

Рассмотрим те проекты идентичностей, которые возникали в течение этого столетия в среде местного общества.

Беларуский проект I (от консервативной утопии к народничеству)

Когда во время первого раздела Речи Посполитой российские войска оккупировали восточные земли ВКЛ, родился совершенно новый проект: беларуский. По словам Евгения Анищенко, «именно с мая 1772 года занятую территорию в Петербурге называли «Белоруссией» и далее стали употреблять этот термин...».

Идеологической основой для захвата была выдвинута задача защиты православного населения от засилия католиков и вообще реализация «исторического права на русские земли». Но в результате российская администрация вместо «Руси» обнаружила на новоприобретенных территориях совсем другое общество: двуязычную (польско-беларускую) шляхту, в собственности которой находились все земли, католическую систему образования и беларускую деревню, не понимавшую московскую речь. Российской администрации пришлось пойти на временный компромисс со здешним обществом, оставив иезуитам систему образования.

На этой базе к середине XIX века начала складываться новая беларуская идентичность, которая обрела голос, оформилась в творчестве Яна Борщевского, Ромуальда Подберезского и других польско-беларуских авторов.

Границей этого беларуского проекта во времени можно считать 60-е годы XIX века, когда польскоязычная (либо двуязычная) культурная продукция на восточнобеларуских территориях окончательно уступила место русскоязычной (либо беларуско-русской). В свою очередь, он делится на три периода.

Первый, от конца XVIII до 30-х годов XIX века (до закрытия Полоцкой академии) характеризуется оборонительной реакцией на Просвещение и может быть назван консервативным.

Второй период, от 30-х годов XIX века до 1861 года — время расцвета и формирования корпуса текстов и идей, которые можно назвать консервативно-романтическими, либо консервативно-этнографическими.

Третий период — постепенное угасание проекта и переход большинства его представителей в лагерь народников или «краевой» интеллигенции.

Свою реализацию этот проект нашел в многочисленных местных инициативах, возникших почти синхронно в Петербурге, Полоцке, Вильне и Минске. Основывались новые журналы («Рубон», «Незабудка», «Паментник навукова-литэрацки»), выходили двуязычные сборники. В 1846 году в Виленской типографии Юзефа Завадского было напечатано либретто оперы «Идиллия» («Крестьянка») Дунина-Марцинкевича — первой беларуской двуязычной оперы. В 1855–57 гг. появились его же книги на беларуском языке: «Гапон», «Вечарніцы і Апантаны», «Цікавісься — прачытай».

Но в центре указанного проекта находятся фигуры Яна Борщевского (1794–1851) и Ромуальда Подберезского (1812–1856). Книга Борщевского «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах» и «Письма про Беларусь» Подберезского — это идеологическое ядро нового беларуского проекта и манифестация его субъектности.

Именно эти двое (а Подберезский был еще и автором первого критического обзора «беларуской» литературы) впервые использовали прилагательное «беларуский» вне административно-территориальных и историко-региональных контекстов.

Ян Боршевский сделал первый шаг от культурной гетерогенности (польско-беларуской) к культурной полигlossen и транскультурности. Именно он предложил проект «Беларуси», который не исключал те либо иные идентичности, а наоборот, объединял их на почве «тутэйшай» (здешней) литературы и культуры. Правда, Беларусь Боршевского касалась только восточных беларуских территорий, и в этом смысле не была национальным проектом, но в то же время он не пытался исключать те либо иные фигуры по языковому критерию или социальному происхождению.

На основании текстов Боршевского, Подберезского и Дунина-Марцинкевича мы можем охарактеризовать эту идентичность как пространственную, «здешнюю», основанную на одухотворении природы и натурализации культуры. Ее субъектность стремится представить себя как голос самого пространства, которое только и позволяет рождаться строю (образу) жизни.

Эта идентичность — «тутэйшая» — стремится легитимизировать себя через здешнее пространство и естественный образ жизни, и поэтому находит себя вне своих культурных репрезентаций, не совпадает с ними до конца. Она также характерна отсутствием какого-либо центра, столицы, элит, власти, социальной и культурной стратификации. В ней нет места и для российской колониальной администрации, что можно считать замаскированным антиколониальным стремлением исключить российскую власть из перечня легитимных центров «новой старой» страны.

Но парадокс в том, что это идентичность и без народа. Идея народа как органического, естественного и этнического сообщества будет изобретена местным романтизмом в границах другого проекта — литовского.

Наконец, беларуская идентичность не имеет ничего общего с «русскостью», с православной традицией. Русскость будет реанимирована в культурно-политическом проекте западнорусизма.

Две Литвы

После раздела Речи Посполитой Польское королевство продолжало существовать как автономная единица в границах Российской Империи. ВКЛ же полностью исчезло не только с политической, но и с культурной карты. Соответственно литовская

идентичность уже не могла опираться на традицию государства, на властные элиты, на политическое верховенство шляхты.

Возникла нужда в переосмыслении идеи Литвы. Впрочем, сама идентичность продолжала существовать в среде шляхты, но оставалась полупрозрачной, переходной и дополнительной.

Эта редефиниция произошла в рамках романтического движения. Во время романтической революции в культурном поле происходил переход от «вертикали» Виленского университета (с маргинальными органами «местной печати») к горизонтальным «проектам» и обществам, связанным идеологическими, культурными и другими связями. Наиболее известные из этих проектов — общества шубровцев и филоматов.

Шубровцы, объединившие в своих рядах младшую «прогрессивную» профессию Виленского университета, противопоставили просвещенческому ригоризму и рационализму иронию и «реальность». В своей тотальной критике реальности они, по сути, подвергли сомнению возможность ее «рационализации».

Филоматы находят себя уже на рубеже Просвещения и Романтизма. В отношении филоматов можно говорить даже о целой генерации мелкой шляхты, «не увидевшей» себя в просвещенческом зеркале и начавшей активный поиск новых путей культурной, социальной и политической самореализации*.

При этом трансформировался сам образ «культуры». Произошло открытие народной культуры, шляхетская культура перестала быть единственным «монополистом». В первой половине XIX века мы можем говорить о процессах опознания «гетерокультурности» этих пространств, о попытке построения новой иерархии культуры, о появлении возможности культурного выбора.

В результате одним из самых существенных последствий романтической революции в культуре стало «открытие народа» и появление дискурса этнографии. В гетерокультурном обществе

* Общество шубровцев («негодяев») существовало в Вильне в 1816–22 гг. В него входило до 40 человек. Наиболее известные фигуры — Ян Снядешский, Якуб Шимкевич, Антон Марциновский, Томаш Зан, братя Ходько.

Общество филоматов (любителей мудрости) — объединявшее студентов Виленского университета и их друзей, существовало в 1817–23 гг. Среди его членов известны Юзеф Ежовский (учредитель общества), Томаш Зан, Адам Мишкевич, Онуфрий Петрашкевич, Ян Чечот, Александр Ходько, Игнат Домейко и десятки других фигур. — *Прим. ред.*

с переходной культурной идентичностью (Литва) дискурс этнографии стал первой попыткой установления связи между двумя культурными полями: мелкошляхетской культуры (социально близкой селянам) и традиционной крестьянской культуры.

В отличие от проекта просвещенцев конца XVIII века, колониационного по своей сути, этнографический проект основывался на создании зон взаимопроникновения, и вел в результате к созданию гибридных текстов, маркированных культурной диглоссией, а иногда и бикультурностью.

Более того: в границах романтического проекта произошло опознание (можно даже сказать изобретение) народа как единственного легитимного субъекта истории и отождествление этого народа не со шляхтой, а с деревенским людом.

При этом Российская империя предстала не освободителем и защитником этого народа, а насильником и колонизатором. Началось формирование революционной антиимперской идеологии, которая позже будет пересажена на почву новых национальных движений.

В поисках основы для «новой» Литвы в середине XIX века в среде мелкой шляхты родилась также идея возвращения к этнической, литовскоязычной (жамойтской) Литве. Это движение объединилось с давними попытками жамойтского католического клира использовать свой язык для распространения христианского вероучения, а также с попытками восточнопрусских (протестантских) литовских групп расширить свое влияние. Так возникло литовское национальное движение, которое интегрировало в свои ряды часть тоже литовской, но польскоязычной шляхты.

Отметим, что этнический литовский проект разделяет идентичность исторической Литвы на две части и вообще ставит под вопрос легитимность какого-либо литовского проекта, игнорирующего этническую литовскую культуру.

Таким образом, в XIX веке мы имеем две литовские идентичности: Литва как идентичность «шляхетской» литовской нации и Литва как идентичность «литовского» народа. Пунктом расхождения этих двух проектов была уния Литвы с Польшей.

Но оба рассматривали историческую Литву как исключительно «литовско-польское» наследие.

В оппозицию к этому консенсусу в середине XIX века стало формироваться движение западнорусизма, впервые поднявшее вопрос о «русском факторе» в генеалогии Великого Княжества Литовского, Русского и Жамойтского.

Беларуский проект II (западнорусизм)

Основателем западнорусизма по праву считается Михаил Бобровский (1784—1848), проводивший исследования по славянской и православно-церковной истории, что в результате привело к формированию тезиса о беларуско-украинском (восточно-славянском) характере Литовской Руси.

Михаил Бобровский происходил из шляхетского рода, из семьи униатского священника. Он закончил гимназию в Белостоке, потом Главную духовную семинарию при Виленском университете. Работал профессором экзогетики и герменевтики в Виленском университете, осуществил многочисленные научные поездки по странам Европы*. В университете вокруг него сформировался кружок, к которому принадлежали Иван Лабойко, Иосиф Ярошевич, Игнат Данилович, Антон Мартиновский, Игнат Анацевич.

Бобровский, помимо значительного вклада в славяноведение, являлся сторонником определенной трансформации униатства — в сторону приближения к старым беларуско-униатским традициям. Этот проект, независимо от стремлений его автора, привел к расколу и далее к ликвидации унии, инспирированной царскими властями. На почве этого проекта сформировалось в середине века специфическое интеллектуально-культурное течение, получившее название «западнорусизма», главным представителем которого стал Михаил Коялович (1828—1891).

Для нас существенно то, что западнорусизм формировался преимущественно на местной почве и из местных представителей (униатского, позже православного духовенства), и в этом смысле был частью «краевого» интеллектуального ландшафта. Он стал конфессионально-политической идеологией, пытав-

* Экзогетика и герменевтика — теория и методика толкования древних и священных текстов. — *Прим. ред.*

шейся в течение второй половины XIX века выработать определенную культурную идентичность.

В рамках западнорусизма произошли следующие события:

- опознание славянскости и русскости в литовской истории;
- появление мифа преданного народа;
- критика механической колонизации.

По мнению «западнорусов», имперская администрация, вместо того, чтобы выращивать здесь заглушенные ростки русскости (= беларускости), заселяла край приезжими чиновниками, которые были абсолютно глухи к местным инициативам, относились к ним с презрением и действовали в согласии с поляками, вместе высасывая последние соки из народа.

Беларуский проект III (национально-социальное освобождение)

В 1891 году в Кракове, на территории тогдашней Австро-Венгерской империи, вышла скромная книжечка под названием «Дудка беларуская», которая открыла новую эпоху и возвестила о возникновении новой беларуской идентичности.

Все прежние проекты стремились говорить о народе и от имени народа. Франтишек Богушевич впервые заговорил голосом самого народа и предложил другую эпистомологичную и культурную перспективу — перспективу угнетенного. В этой перспективе реальность была увидена глазами «мужика» и выглядела страшнее кафкианских кошмаров.

Несмотря на то, что творчество Богушевича при его жизни попало скорее в культурный архив, чем в актуальную культуру, в начале XX века часть краевых элит развернула проект Богушевича в дискурс беларуского возрождения (освобождения).

Таким образом, мы можем констатировать, что к концу XIX века сложилось новое беларуское культурное пространство, разноязычное и поликультурное. Различные идентичности и культурные проекты, возникавшие в этом пространстве, конфликтовали между собой, развивались параллельно, противоречиво и т.д. Но, тем не менее, все они были взаимосвязаны и взаимодополнительны, все они отражали культурные стремления тех либо иных слоев населения. Можно даже утверждать, что «кон-

церт идентичностей» XIX века был естественным следствием социальной и культурной гетерогенности (разнородности) тогдашнего общества.

Та «краевая» культура, которая сложилась со второй половины XIX века, не была культурой мононациональной, но, безусловно, была белорусской. Она явилась определенным компромиссом, ориентированным на культурный диалог в разнокультурном и разнонаправленном «слабом» белоруском обществе.

Однако в этом слабом обществе существовала одна доминанта, один общий консенсус: народ. И этот народ во второй половине XIX века окончательно был определен как белорусский.

3. Белорусское Возрождение: народ и его пробудители

В конце XVIII века под Беларусь имели в виду восточные территории ВКЛ (Речи Посполитой), она была одним из исторических регионов наряду с Литвой, Полесьем, Жмудью (Жамойтией) и Инфлянтами (Ливонией). Этот региональный раздел сменил традиционное деление на Литву и Русь, ибо Русь стали отождествлять преимущественно с украинскими землями.

В результате раздела Речи Посполитой Беларусь отрывается от Литвы и противопоставляется Литве (которая уже приобрела романтический колорит) идеологически, культурно и территориально. Эта новая белоруская идентичность опиралась на шляхетскую модификацию идеи «тутэйшасці».

Вследствие возникновения западнорусского проекта этой здешней (белорусской) идентичности противопоставляется ее народническая версия.

На почве народнической идеологии появился новейший белорусский проект — проект освобождения. Вскоре он начал представлять собой единственную аутентичную форму самопрезентации народа. Слово «белорусский» начинает трактоваться как название потенциальной нации, а народническая деятельность по пробуждению «спящего» деревенского субстрата этой будущей нации постепенно переросла в организованную работу ради выработки идентичности и создания новой высокой культуры. Это новое культурно-политическое движение, которое воз-

никло и оформилось в начале XX века, называло себя Беларуским Возрождением.

Моментом начала белорусского Возрождения можно считать 1902 год, когда в Петербурге был создан «Круг белорусского народного просвещения и культуры» с народнической программой «пробуждения народа от его могильного сна»*.

Программа нашла свое первое воплощение в призыве «К интеллигенции», где констатируется «почти животное состояние», в котором находится народ, оторванный от своей истории, и ставится задача «сплести века прошедшие с современностью», «дать народу просвещение». «Почти нет народной литературы, нет историков; надо все это создать».

Но реализовать эту задачу невозможно, пока репрезентанты народа остаются «невольниками по своей душе» и «целуют царский бич». Таким образом, задача социально-культурной эмансипации белорусской деревни предусматривает предварительную эмансипацию самих эмансипаторов, которые должны манифестовать свою субъектность и осознать себя в качестве пробудителей. С 1903 года в результате работы «пробудителей» закладываются разнообразные структуры репрезентации, а также ведется работа по выработке идентичности.

Функцию политической репрезентации взяла на себя созданная в 1903 году Беларуская Ревалюцыйная Грамада, которая в 1905 году на своем первом съезде приняла название Беларуская Сацыялістычная Грамада**.

В 1906 году начала выходить первая белорусская газета «Наша доля», закрытая после 8 номеров. Ее сменила газета «Наша Ніва». Основывались издательства, политические и культурные группы, театральные и певческие кружки, появилась широкая сеть активистов на всей территории Беларуси. Так возникла культурная и политическая прослойка. За 15 лет (по подсчетам С. Александровича) вышло 320 названий белорусских изданий общим тиражом около 615 тысяч экземпляров.

* Кругок, существовавший около двух лет, учредили братья Антон и Иван Луцкевичи вместе с Вацлавом Ивановским. Своей главной задачей они поставили издание и распространение литературных произведений на белорусском языке. — *Прим. ред.*

** Создателями и руководителями БРГ — БСГ были братья Антон и Иван Луцкевичи, Вацлав Ивановский, Элоиза Пашкевич (Тётка), Александр Бурбис, Константин Костровицкий (Карусь Каганец), Франц Умястовский, Евгений Хлебцевич. — *Прим. ред.*

Фактически родился «беларуский национальный проект», который отныне имел непрерывную историю. При этом первоначальный комплекс идей постепенно трансформировался, изменялся, но сохранял преемственность в главном: неизменной оставалась сама идея «Беларуси», выступавшая как определенная «рамка», в которой размещалась идентичность.

В первой половине XX века этот проект прошел несколько стадий:

Вначале перед нами не столько национальный проект, сколько проект социального и культурного освобождения деревенского народа, который опознается как беларуский и который трижды угнетен.

Первое угнетение экономическое: этому народу противостоят паны-помещики, которым принадлежит большинство сельхозугодий. Борьба за землю становится одной из главных тем новой беларуской литературы.

Второе угнетение — политическое, ибо политический режим самодержавия не позволяет свободно вырабатывать формы репрезентации и отстаивать свои права. Воплощением политического угнетения являлись суды, и образ крестьянина в суде, налагающего на него штрафы, стал хрестоматийным знаком ситуации.

Третье угнетение — национальное, ведь и паны-помещики, и российские чиновники говорят на других языках.

Здесь надо отметить, что идиллическая ситуация полилингвизма, характерная для литературы XVI—XIX столетий, когда герои говорят на разных языках, но при этом понимают друг друга, практически исчезла из беларуской реальности. И шляхтич начала XX века, и чиновник принципиально отказывались понимать мужицкую речь, что практически означало немоту деревни.

Вообще, новое представление деревенской реальности (и образа беларуского «мужика») в конце XIX — начале XX века было далеко от идиллической картинки «чудесных мужичков», характерной для «дискурса этнографии» и вообще для литературы польско-беларуской шляхты.

Деревенская реальность была опознана как реальность тотального экономического угнетения, подкрепленного «новыми практиками колонизации». Новые практики были связаны с российской образовательной системой в крае и с превращени-

ем традиционных конфессий края в инструменты национальных движений. К концу XIX века окончательно произошло отожествление католичества с «польской», а православия с «русской» верой. Польский и русский язык начали закрепляться и распространяться в пространстве белорусской деревни преимущественно через «катехизацию».

Таким образом, белорусский проект освобождения исходил из базовой оппозиции. С одной стороны — темный угнетенный народ, не сознающий своей силы и своих возможностей, народ, который сознательно и целенаправленно держат в состоянии летаргического сна. С другой стороны — разнообразные угнетатели, для которых этот народ есть только материал экономической эксплуатации. Пробудители стремятся пробудить и репрезентовать народ, пытаются «социально и национально просветить белорусское крестьянство».

При этом фольклор, который в XIX веке считался единственной и естественной формой самопрезентации деревенского люда, практически отсутствует в мышлении «пробудителей». В той ситуации они видели проблему не столько в выработке национальной идентичности, сколько в том, чтобы «дать голос угнетенному». Каким образом? Ответ пробудителей был таков: через развертывание агитации и пропаганды на белорусском языке. Белорусский язык, традиционно считавшийся опорой и «душой» народа, теперь выступил в качестве инструмента пробуждения, инструмента революционной антиколониальной агитации. Само употребление белорусского языка в публичной сфере рассматривалось как вызов колониальным практикам, ограничивавшим сферу его пригодности.

Употребление белорусского языка в качестве инструмента революционной агитации должно было разрушить границу между народниками и народом, создать впечатление, что голос пробудителя и голос народа идентичны. Поэтому первые белорусские тексты (прокламации, воззвания, буквари, информации в «Нашей Доле» и «Нашей Ніве») белорусские не только по языку, но и содержательно имитируют голос белорусского селянина. Создается впечатление, что они не просто написаны для крестьянина, но записаны со слов его самого.

Известные случаи коллективной читки первых белорусских газет фиксируют потрясающее впечатление, которое творил этот

«голос угнетенного», озвученный на деревенских сходках. С этим голосом отождествляло себя большинство слушателей.

Но мы различаем в беларуском проекте освобождения два голоса. Первый, имитированный, — голос угнетенного. Вторым — голос пробудителя, который обращается уже не к темному мужику, а к краевой интеллигенции.

Этот второй голос нам более интересен, ибо он принадлежит самим пробудителям. Перед нами трехязычные (беларуско-польско-русские) интеллектуалы, стремящиеся стать альтернативной элитой края.

Представляя народ, эти интеллектуалы приобретали необходимую символическую власть и культурный «капитал», благодаря которому они перемещались в условный центр. Они воплощали не только антиколониальный порыв беларуской деревни, но и определенную политическую программу, и входили в (альтернативную) политическую элиту. Эти репрезентанты не единственные: рядом с ними — новые возникшие элиты, представляющие польское, летувисское и еврейское население.

Общим политическим идеалом того времени выступает не национальная, а краёво-демократическая идея. Она основана на общей борьбе всех народов края: беларусов, летувисов, евреев и поляков за политическое и социальное освобождение. Вот как очертил беларускую точку зрения на будущее края Антон Луцкевич (1884—1942), один из главных идеологов беларуского движения того периода:

«Все здешние нации связаны не только тем, что на одной земле живут: нас соединяет в одну большую семью, в одно братство наша доля — недоля, наши беды и желания, наша общая политическая мысль. Из этой мысли творится краевая программа, согласно с которой все мы должны бороться за счастье края».

Самым большим врагом краёвой идеи, по Луцкевичу, является национализм. «Национализм — это больное ощущение своей национальной исключительности...» — писал он в том же тексте и далее разъяснял, что в разноэтничном крае с «поликультурной традицией» развертывание «националистических движений» является политическим самоубийством.

Таким образом, беларуский национальный проект на своей первой стадии был программно антинационалистическим! Он

стремился вписаться в общечеловеческие «идеалы и нормы», стремился не в замкнутый «национальный» угол, а «в свет целый».

Образ белорусского мужика, несущего «на худых плечах свое горе», направляясь в свет целый, стал своего рода парадигмой. Но в нем мы видим определенную переходность. Всякий проект освобождения должен ответить на главный вопрос: освобождение куда? В какое пространство? Или в какое сообщество? Существует ли в действительности такое пространство и такое сообщество, где белорусский крестьянин мог бы освободиться, в котором он мог бы ощущать себя «дома»?

Такое пространство — потенциальная белоруская нация. Идея белоруской нации появилась на горизонте белорусского проекта освобождения как определенная социально-культурная утопия, идеальное пространство, куда может прийти освобожденная деревенская масса.

Это национальное пространство требует национального дискурса. «Голос угнетенного» не может стать основанием для национального дискурса, ибо он не универсален — революционный, народный, но не универсальный. Поиски универсального горизонта белорусского проекта освобождения привели к идее новой белоруской нации и к стремлению вписать эту нацию в общеевропейский прогресс.

Перелом к национальному

Во втором десятилетии XX века в белорусском проекте произошел перелом к национальному. Он был связан с разными факторами, как внутренними, так и внешними. Белорусское Возрождение интегрировалось в разнообразные краевые структуры, где начало представлять белорусское национальное движение.

Выяснилось, что дать голос угнетенному и создать нацию — это две разные задачи. Если первая задача — освободительная и революционная, для нее достаточно революционных группировок, то вторая задача опирается на создание определенной культурной нормативности и навязывание этой нормативности всему обществу. Для ее реализации требуются высокая культура и образовательно-институциональные меры, а также совсем другая идеология — национализм.

Эта новая идеология, признаки которой мы наблюдаем в 1914–1915 годах, апеллирует уже ко всему народу (в том числе к угнетателям).

Меняется задача: на первый план выходит не революционная агитация, а создание единой «высокой» (профессиональной) культуры, которая одна только может легитимизовать и репрезентовать белорусскую нацию.

Высокая культура не может существовать подпольно, в режиме революционного развития, поэтому встает вопрос о культурной автономии, о легальном и легитимном существовании культурных и образовательных институций. Соответственно, меняется локализация активности и объект приложения сил.

Проект освобождения находил себя в деревне и стремился ее пробудить.

Национальное движение размещается в городе и видит свою задачу в создании «высокой» городской культуры, в подготовке места для размещения будущей белорусской нации, а в перспективе — и задачу культурной гомогенизации (беларусизации) этого города.

Соответственно меняется базовая оппозиция. Городское пространство прочитывается как ландшафт (пост)колониальных руин. На место оппозиции «народ — угнетатели» выдвигается оппозиция «беларусы — тоже беларусы». В этой новой оппозиции акцент ложится на разницу между политически и культурно активной («сознательной») частью белорусского народа, и пассивным остатком, который по-прежнему существует в состоянии «материала» для колонизации.

Вырабатывается модель новой белорусской идентичности, которая выступает как автопортрет «сознательной» части белорусского народа и одновременно как идеальная перспектива всего национального движения.

Новая идентичность

Попытки построения идеального контекста для вновь возникшего национального движения — определенной универсальной нормативности, мы находим в программной статье Максима Богдановича «Белорусское возрождение». Статья написана по-русски с целью репрезентации белорусского движения

перед широкой аудиторией, и аккумулирует в себе практически все выработанные на то время мифы идентичности.

В поисках контекста для вновь возникшего белорусского движения Богданович начинает с выяснения отношений между этим движением и общеевропейским прогрессом, стремясь вписать Беларусь в общие европейские культурные тенденции Нового времени. Основная линия этого прогресса, по Богдановичу, ведет в сторону «всё более и более увеличивающегося дробления культур вообще и литератур в частности». Обозревая панораму такого разделения, Богданович приходит к выводу, что в лице белорусской литературы перед нами «не монстр, не раритет, не уникам, а глубоко жизненное явление, находящееся в русле общеевропейского прогресса».

Богданович сформулировал некоторые базовые идеи («мифы»), которые составляют основу белорусской идентичности. В первую очередь — отличие от русской культуры. Хотя сначала Богданович утверждает, что белорусская культура «отслоилась» от русской, далее он говорит о двух самостоятельных культурных комплексах, которые с самого начала развивались независимо один от другого. Главной чертой развития белорусского народа до конца XVIII века была его принадлежность к западноевропейскому культурно-цивилизационному кругу.

Беларуская народность образовалась к концу XIII века, опередив великорусскую. XVI столетие — «золотой век», когда старобеларуская культура, господствовавшая в ВКЛ, играла роль «форпоста» западноевропейской цивилизации на Востоке.

Идея «западноевропейскости» древней белорусской истории была явно направлена на отрыв истории Беларуси от «общерусской», которая теперь опознается как «финно-монгольская», «византийская», «деспотическая» и вообще «восточная».

Другой чертой, которую постулирует Богданович, является непрерывность развития и, соответственно, преемственность белорусской истории. Это идея была направлена уже против польской историографии, пропагандировавшей замену на этих пространствах белорусско-литовской истории (до XVII века) польской (XVII век и далее). Согласно польской историографии, это была естественная замена в контексте цивилизационно-культурного приближения к Западу. Богданович не оспарива-

ет «полонизм» того периода, но трактует его как часть общебеларуской истории, и не как ее кульминацию, а как упадок.

Характерно, что, давая обзор беларуской литературы, Богданович без колебаний включил в него польскоязычных и русскоязычных авторов, а само возникновение новой беларуской литературы трактовал как завершение на национальной стадии сложного транскультурного развития беларуской традиции.

Таким образом, в основе новой идентичности лежит «парадоксальная» самохарактеристика беларуского народа, — он одновременно выступает и как древний народ, со своей исторической традицией, и как молодая нация, пробуждающаяся от латергического сна и начинающая идти по пути общеевропейского прогресса вместе с другими нациями края.

Это явно оптимистическое видение беларуской будущего, опирающееся на динамику развития национального проекта. Ибо, при незначительном ослаблении политического давления, всего за 15 лет самостоятельного развития, беларуское движение прошло все стадии и конституировалось в ведущую культурную и политическую силу края, которая стремилась интегрировать в себя все иное уже не на народническо-революционной платформе, а на идее национального демократизма.

Базовая противоречивость национального движения была противоречием между культурной идентичностью (которая, стремясь быть национальной, включала в себя всю полилингвистическую традицию), и политической программой (оставшейся народнической). Социально-политический идеал полностью был заимствован из беларуского проекта освобождения.

Что до политического будущего Беларуси, то, согласно возрожденческой идеологии, оно выглядело оптимистично. И хотя вопрос о независимости (о создании своего государства) открыто не встает ни у Богдановича, ни у других идеологов Беларускаго Возрождения, перспектива демократического преобразования Российской империи в федерацию народов, естественно вытекавшая из идеи общеевропейского прогресса, должна была решить этот вопрос почти автоматически.

Но Первая мировая война, революция и распад империи с последующей гражданской войной оставили беларуское движение среди руин, как натуральных, так и идеологическо-дискурсивных.

Потому, презентуя возможную белорускую нацию как идеальную перспективу здешнего общества, в реальности белорусское движение оказалось среди (пост)колониальных руин.

Опознание реальности: постимперские руины

Пытаясь перейти от идеальной самопрезентации белорусского возрождения ко всему реальному (пост)колониальному пространству, мы неизбежно находим себя на театральной сцене, среди персонажей пьесы Янки Купалы «Тутэйшыя». Она — идеальная иллюстрация постимперской ситуации 1917–1920 годов.

Пьеса была написана в 1922 году, а ее «трагически-смешные» сцены происходят в Минске в 1918–1920 годы, в особый момент истории. Это момент постколониального безвластия, когда Российская империя развалилась, и все социальные персонажи оказались вне установленной системы власти. Содержанием пьесы является, таким образом, перекраивание самого колониального пространства, когда социально-политические и культурные маски не подкреплены никакой властью, никакой реальной позицией. И в этот момент перехода, сущностной нестабильности, само пространство вдруг выявляет себя как «здесьнее».

На сцене перед нами проходят поп, исправник, пан, дама, западный и восточный ученые, поданные как общие типы, без индивидуальности, а также и индивидуальные действующие лица — Никита Обносок с матерью, белорусский учитель Янка Здольник, девушка неизвестных занятий Наста Побегунская и т.д.

Персонажи пьесы ждут «следующей» власти, что и составляет главное содержание действия. В определенном смысле, это белорусский вариант пьесы Беккета «В ожидании Годо», если под Годо понимать разнообразных колонизаторов*. Но, в отличие от беккетовского Годо, который так и не пришел, колонизаторы приходят очень быстро. Происходит парад потенциальных колониальных властей, они сменяют друг друга с невероятной скоростью. Поочередно приходят немцы, поляки и большевики (в пьесе их играют одни и те же актеры).

Персонажи ждут, пока в этом ералаше установится хоть какой-то порядок. Ни у кого не возникает ни тени сомнения, что это будет очередной колониальный порядок, поэтому главный

* Сэмюэл Беккет (1906–1989), ирландский драматург, лауреат Нобелевской премии (1969). Пьесе «В ожидании Годо» он написал в 1952 году. — *Прим. ред.*

вопрос, на который пытаются ответить персонажи, таков: кто из колонизаторов на этот раз победит и, соответственно, какому порядку придется служить?

В центре всеобщего ожидания находится фигура Никиты Обноски (он же Микитий Сносиллов), бывшего мелкого чиновника колониальной администрации, выбившегося «в люди» из деревенской семьи. Никита Обносок пытается угадать своего будущего хозяина и, соответственно, подготовиться и адаптироваться к каждой следующей власти. Но в результате трагикомических недоразумений он никак не может попасть в точку: перед немецким солдатом появляется в мундире русского генерала, перед поляком выступает в качестве революционного агитатора, а большевикам демонстрирует справку из польской комендатуры, где служил «доносителем».

Пьеса заканчивается тем, что большевистский патруль (победители) забирает Никиту Обноски в тюрьму вместе с остальными персонажами.

Что выделяет пьесу из антиколониальной продукции, так это то, что Купала с симпатией относится к Никите Обноску. В отличие от других персонажей, сросшихся со своими колониальными масками, Обносок олицетворяет «здешний протеизм»: он одновременно никто, и в то же время может стать кем угодно: беларусом, поляком, немцем, большевиком, российским империалистом*. Обносок олицетворяет колонизованность как таковую с ее мимикрией, имитацией господствующей идентичности, и в то же время — с внутренней дистанцией к любой идентичности.

Во время ожидания на сцену синхронно выходят западный и восточный ученый. Они ищут здесь беларусов. Все персонажи со страхом отказываются быть беларусами и указывают на Янку Здольника как на единственного «беларуса».

Учитель Янка Здольник и его ученица Аленка олицетворяют в пьесе «беларуское возрожденне». Весьма характерно то, что это возрождение, которое по Богдановичу видит себя в русле общеевропейского прогресса, но в то же время не имеет своего приюта в городе и вынуждено снимать маленькую комнату у матери Никиты Обноски.

* Протей — персонаж греческой мифологии, существо, способное принимать любой облик и менять свою внутреннюю сущность. — *Прим. ред.*

Таким образом, «Здесьних» можно считать первым белорусским постколониальным текстом. Купала пытается увидеть и описать все постколониальное пространство, дать голос всем персонажам. До той поры белорусский проект занимался формированием своей собственной системы мифов и мало обращал внимание на все пространство. Купала не противопоставляет колониальным персонажам антиколониальные — его стратегия более тонкая: он сталкивает разные дискурсы, разные знания и разные языки, смешивает их. Пьеса трехязычная: каждый персонаж говорит по-своему.

Угнетенным — главным героем белорусского мышления — является уже не белорусский мужик, а колонизованный городской житель, олицетворяющий репрессированную субъектность. Этот герой стремится найти себе правильную репрезентацию, однако не в состоянии самостоятельно ее создать. При этом Никита Обносок представляет не идеальную, а реальную перспективу социального освобождения белорусского мужика. Освобождение возможно, но не в идеальном пространстве «всего света» или утопической белорусской нации, а в позиции мелкого чиновника колониальной администрации.

Белорусский проект показан здесь в трагической реальности постколониальных руин, как один из проектов, притом не самый сильный. В конце пьесы Янка Здольник со своей ученицей возвращаются назад в деревню, что равнозначно признанию временного поражения в колониальном столкновении.

Но самое существенное в пьесе — это постколониальное переосмысление самой идеи «тутэйшасці». Ведь, несмотря на парад разнообразных культурных и политических масок, к концу пьесы выясняется, что все персонажи местные, здесьние. И главный вопрос, который таким образом встает, не об отдельных столкновениях персонажей либо смене ролей. Вопрос в ином: кто автор этого разнообразия, кто ответствен за постколониальные руины?

Не удивительно, что в 1927 году пьеса была запрещена и возвратилась в белорусское общество только в 1988-м.

Когда в начале 90-х годов XX века произошло триумфальное возвращение «Здесьних» в театральную жизнь, зрители с удивлением увидели, что пьеса актуальна, — то есть, что за семьдесят с лишним лет субъектные позиции не изменились, не измени-

лись отчасти и символические столкновения этих позиций. Более того, не изменилось и само пространство.

Поставленные Пинегиним в театре Янки Купалы, «Здешние» были к тому же переинтерпретированы с высоты истории. Была добавлена последняя сцена, в которой происходит расстрел всех персонажей красноармейцами-большевиками. Эта последняя сцена опирается на наше знание о том, что постмодерные игры в пространстве постколониального безвластия имеют своим окончанием реальность неокOLONиальной войны всех против всех. Войны, которая происходила в межвоенное время, после катастрофы 1917–1920 годов.

4. Время креолов *

Тематизация вечной войны

В 1917–1920 годах демократического решения национальных проблем не произошло, — польское, украинское, летуvisское и беларуское национальные движения не смогли выработать общую программу и договориться между собой на почве краёвой демократии.

Поэтому после развала Российской империи новые независимые государства в регионе возникли не вследствие реализации принципа самоопределения народов, а в результате геополитической целесообразности с позиции победителей. БНР, провозглашенную в Минске как независимое демократическое государство, Антанта не признала. На Парижской конференции она отказалась вести переговоры с ее руководством.

Более того, новые постимперские образования начали проводить прежнюю колониальную политику в регионе: и новая Польша, и новая Россия отказались признать новые субъектности вследствие их слабости и нецелесообразности (для Польши и России). По Рижскому мирному договору Беларусь и Украина были разделены между Польшей и РСФСР.

Это стало катастрофой для беларуского и украинского национальных движений. Катастрофой не только политической,

Креолы, в точном смысле слова, это потомки от браков испанских и португальских колонизаторов с индейскими женщинами в странах Латинской Америки. В переносном смысле — местное население, усвоившее язык, религию и культуру колонизаторов. — *Прим. ред.*

но и интеллектуальной. Если до сих пор требования культурной и политической автономии были вполне легитимными, находили себя в русле общеевропейского прогресса и потому вынужденно признавались властью, то теперь мир разделился на «сильных» и «слабых».

Именно тогда возникло представление о белорусском движении и белорусской идентичности как «слабых» феноменах, как легитимном материале для колонизации.

Все это привело к радикальному сдвигу в национальном контексте. Белорусы пришли к убеждению, что они выпали из прогресса и являются непризнанными в качестве его составной части.

В результате дискурс общеевропейского прогресса, в котором видело себя Белорусское Возрождение, был сдан в архив. Взамен его Белорусское Возрождение избрало для себя ситуацию вечной войны между Западом и Востоком. Идеи универсальности и прогресса стали казаться занавеской, за которой прячется колонизатор. В реальности же существует только воля к власти.

Таким образом, белорусская рефлексия первой трети XX века опознала колониальное столкновение между реальным пространством и тем контекстом, в котором вынужденно нашла себя белорусская идентичность. Белорусская идентичность приобрела черты отчетливо антиколониального проекта, с базовыми задачами опознания и деконструкции колонизатора.

В 20-е годы XX века появились три важных текста, в которых эти новые тенденции проявились полностью.

Так, в своем знаменитом эссе «Вечным путем» Игнат Абдиралович (1921 г.) утверждал:

«...Если белорусский народ не создал выразительной культуры, так это потому, что в его историческом наследии была великая трагедия народного духа, пережить которую пришлось двум-трем европейским народам: Беларусь с X века и до сих пор является полем борьбы двух направлений европейской, точнее — арийской культуры — западного и восточного».

Владимир Самойло (1878—1941), один из ведущих западнобелорусских интеллектуалов, следующим образом описал колониальное столкновение в статье «Про старую и новую унию»:

«Беларуский мир, заявляющий в наши дни всё настойчивее и убедительнее стремление к полноте национального самоопределения, исконно находится, материально и духовно между двумя значительно более сильными во всех отношениях, империалистически устремленными на него мирами — русским и польским.

Оба соседа Беларуси вот уже пять веков с лишним ведут между собой смертельную войну, в первую очередь — за землю и душу белорусского народа, подвергая и то и другое, как объект и поле борьбы, беспрерывному систематическому опустошению.

Исключительно неблагоприятная судьба, отнявшая у белорусского народа его былую государственную самостоятельность, дававшая ему в его «посмертной истории» только смену поработителей, давала ему, однако, и в этом известный шанс сохраниться и уцелеть «национально» до часа своего возрождения. Каждый из его соседей, претендентов на его землю и душу, поочередно подвергался капитальному историческому развалу и разгрому, подготовленному в значительной степени именно его политикой поработителя в Крае...

Тогда на смену разгромленному властителю приходил его антагонист, который начинал с того, что нигилистически уничтожал в Крае ту чужую народу культуру, которую внедрял здесь его предшественник, с тем, чтобы внедрить свою, столь же чужую народу. Оба видели в Крае только «пустые места» для себя, а в народе, природном хозяине Края, лишь материал для эксплуатации и ассимиляции».

По Самойло, цивилизационно-культурное столкновение Запада и Востока рождает ситуацию «отрицательной унии», основанную на взаимном споре, и на результате взаимной нигилизации позитивного содержания как Запада, так и Востока.

Но истинным манифестом белорусского антиколониального мышления того времени явилась книга Александра Цвикевича «Западнорусизм» (1929 г.). Она может быть прочитана с разных перспектив — как интеллектуальная история Беларуси XIX века. Либо, в более узком ракурсе, как портрет западнорусской идеологии.

А по существу, это анализ польско-российской колониальной войны за белорусские земли, войны, происходившей не только в реальности (политико-экономический аспект), но и в культуре, в идеологии. Цвикевич показал зависимость идеологического ландшафта и определенных проектов идентичности от экономических интересов и соответствующей локализации тех социально-культурных групп, которые их вырабатывают.

Беларусь с Россией: вхождение в СССР

Объяснение и, в определенном смысле, присвоение наследия БССР (и самой БССР) представляет собой нелегкую проблему для белорусских интеллектуалов. Традиционным для них является подход, при котором БССР рассматривается как полусуществующее формально-колониальное образование, как часть советской империи, как оппозиция БНР. Ясно, что такой подход основан на отсутствии контекста, в котором советскую Беларусь можно было бы увидеть как «реальность».

Это отсутствие контекста, в свою очередь, возникает из того, что колониальность как фактор была практически исключена из традиционной модели нациогенеза, который якобы должен происходить в «чистом пространстве», не замусоренном колониальностью и деколонизацией. БССР как гибридное и «замусоренное» постколониальное образование с особыми отношениями с Россией якобы не имеет аналогов. Но, не углубляясь в сравнительный анализ, можно отметить очевидное сходство с Ирландским Свободным Государством (Irish Free State). Возникнув в результате антиколониальной (а затем гражданской) войны, оно, тем не менее, на десятилетия сохранило особые отношения с Британской империей, являясь по сути дела ее экономическим придатком.

Таким образом, БССР наиболее адекватно можно понять не как полный провал национального белорусского движения, а как постколониальный компромисс.

Альянс с советской Россией был вызван следующими факторами:

— непризнанием белорусской субъектности со стороны западных государств;

— позицией межвоенной Польши, отказывавшей белорусам в праве на самоопределение и проводившей откровенно колониальную политику;

— совпадением базового мифа белорусского возрождения (мифа социального освобождения деревни) и социалистической идеологии;

— согласием Москвы на создание белорусской государственности в федеративном союзе с другими «братскими республиками».

Беларуская советская государственность (в отличие от России, где большевики победили в результате гражданской войны) возникла в результате тактического компромисса между левым крылом белорусского национального движения и советским правительством.

Надо отметить, что поначалу она вызывала достаточно оптимистические чувства, ведь БССР (как и УССР) почти полностью (пусть формально) воплотила политический и социальный идеал краёвого демократизма: четыре государственных языка, широкая автономия для национальных меньшинств, освобождение деревни от экономического угнетения и т.д.

Этот идеал реализовывался до начала 1930-х годов, когда в результате сталинского террора от БССР остались только формальные институты. Освобождение деревни тоже было остановлено, установилось новое (социалистическое) крепостничество.

Колониальная модернизация

Ранее мы говорили о разнообразных проектах модернизации белорусского общества, предопределением которых стала их незавершенность. Но один из таких проектов модернизации все же завершился, и мы живём среди его последствий — это советская Беларусь.

Хотя БССР появилась в 1919 году, а элементы белорусской советской культуры фрагментарно возникали в 20-е и 30-е годы, белорусская советская идентичность системно оформилась только в 60–70-е годы XX века вместе с белорусским советским обществом, претендовавшим на решение всех социальных и колониальных проблем предыдущего периода. Процесс, который привел к формированию такого общества, можно назвать процессом колониальной модернизации.

После Второй мировой войны произошли существенные изменения:

1) Объединение основной части белорусских территорий в границах БССР. Присоединение Западной Беларуси сопровождалось массовыми репрессиями и депортациями, в результате которых фактически было уничтожено экономическое, демографическое и культурное присутствие «польскости» на западе Беларуси. «Польскость» превратилась из традиции «высокой» культуры в этнографическо-региональный феномен так называ-

емых «костельных поляков», без каких-либо форм культурной репрезентации;

2) Произошло формирование властных элит из местных кадров (партизанская генерация), что обусловило ситуацию клановости власти, с определенным символическим противостоянием «центру», правда, чрезвычайно слабым по сравнению с Закавказьем или Средней Азией;

3) Началась индустриализация и массовая миграция деревни в город, что тотально изменило этнокультурный ландшафт белорусского города: к 1980 году впервые за два последних столетия белорусы составили большинство городского населения.

Формировалась белорусская советская культура как гибридный феномен, основанный на идеях двуязычия и бикультурности.

Формировалась политико-экономическая инфраструктура государства (с символически-представительской функцией). БССР выступила в роли государства-учредителя СССР и ООН.

Новое белорусское общество

Новое общество, которое окончательно сформировалось к концу 1970-х годов, сильно отличалось от предыдущего. Самая существенная разница в том, что была разрушена прежняя социально-культурная иерархия. Колониальную стратификацию — белорусоязычная деревня, русско- (еврейско-) язычный город, польскоязычная (либо русскоязычная) высокая культура — заменило «здешнее» общество, в котором произошла новая функционализация различий.

Возникла новая иерархия: «высокая» белорусская советская культура, русскоязычная администрация, первое поколение эмансипированного крестьянства, образовавшее двуязычный мир «между», маргинальная (и притом сельская!) польская культура «костельных поляков», эмансипированное (и одновременно дискриминируемое) еврейство.

Это новое общество в своих базовых мифах претендовало на развязывание всех тех структур зависимости и подчиненности, что конституировали белорусскую историю Нового времени.

В социально-экономической части оно было право: впервые белорусская деревня получила доступ (в результате урбанизации) в здешние города, и закрепились там в определенных нишах: ра-

бочие крупных заводов, научно-технические и инженерные кадры, гуманитарная интеллигенция, местные властные элиты. Национальный идеал был при этом не столько реализован, сколько канализирован в направлении культуротворчества.

Но, тем не менее, культурно и политически продолжали существовать структуры зависимости, придававшие беларускому обществу того времени особые черты зависимости и переходности.

Базовым мифом общесоветского общества являлся миф социального освобождения угнетенных. В ситуации многонационального государства, занимающего пространство разных цивилизационно-культурных зон, каждая из которых генерировала свои микроистории, этот миф трансформировался в различие между освободителями и освобожденными. Национальностью освободителем был «великий русский народ», все остальные считались «освобожденными».

История всего евразийского пространства была оформлена в виде истории СССР, то есть, как определенный тип исторической телеологии. Национальные истории были построены как дополнительные.

Культура тоже была построена как иерархия «универсальных» достижений освободителя и «локального колорита» освобожденных. Таким образом, структуры колониального мира были полностью продублированы на новом уровне.

Тем не менее, одни «освобожденные» нации находились под вечным подозрением, а другие считались вполне лояльными. Беларусь была среди последних.

В системе беларуской советской идентичности существовали определенные легитимационные мифы, подчеркивавшие лояльность освободителям.

— Партизанский миф основывался на идее «всемирной борьбы беларусов с фашистскими захватчиками». Эта борьба, а также жертвы во Второй мировой войне ставили беларусов в неформальной советской иерархии народов на второе место после великого русского народа.

— Миф «искреннего беларуса» эксплуатировал образ «этнографически-локального отличия» без националистических элементов. Искренний беларус — значит лояльный беларус.

— Миф «лучших в империи» подчеркивал современный характер новой белорусской идентичности, новые индустриальные достижения.

— Миф преемственности рассматривал белорусский советский период как «успешное завершение» многовековой борьбы белорусского народа за свое освобождение и стремился вписать национальное движение начала XX века в повествование белорусской советской истории.

Культурная ситуация белорусского советского общества характеризовалась определенным типом бикультурности и билингвизма.

Русско-белорусское двуязычие системно возникло в 60-е годы XX века в результате урбанизации и перевода большинства средних школ на русский язык. Белорусский язык продолжал функционировать в деревне и в системе «высокой» культуры, но в администрации, на производстве и в городском повседневном обиходе господствовал русский язык.

Культурная идентичность тоже была разделена на две части: белорусскую (локальную) ответственную за этнографические особенности и местный колорит, и российскую, исполнявшую функции метакультуры, хранительницы универсальных культурных ценностей. В результате большинство населения находило себя в ситуации «между», в «серой зоне»...

А поляризация и разрыв белорусской и российской частей был связан с общим кризисом коммунистического режима и, соответственно, «советской идентичности».

Конец советской идентичности

Советскую идентичность разрушили следующие факторы:

— Собственно российский национализм, противопоставивший себя универсальной миссии советского периода, которая, согласно идеологам российского национализма, опасно растворяла русскость в универсальности;

— Сверхуниверсальное диссидентство, критиковавшее советскую империю как недостаточно универсальную;

— Запад, выступавший как образец альтернативной универсальности;

— Локальные культурные движения, которые, стремясь выйти из оппозиции локальное/универсальное, позиционировали

себя как потенциальные универсальности или брали Запад в качестве образца альтернативной универсальности.

Именно в рамках последнего процесса и возникло определенное движение белорусского культурного сопротивления, начавшее созреть с 80-х годов XX века.

Это движение было локализовано преимущественно среди культурных элит (реальных либо потенциальных), недовольных своим местом в системе советской культуры как локальных, этнографических, провинциальных.

Белорусское сопротивление выступало в форме возвращения правдивой истории и правдивой культуры, как попытка реабилитации многочисленных купюр, на которых базировался белорусский советский миф. А по своему содержанию оно было двойным сопротивлением: одновременно и антитоталитарным (через подчеркивание ценностей западной цивилизации) и антиуниверсальным (через реабилитацию локального). Это совпадение локального и западного полностью реализовалось в мифе ВКЛ — белорусского государства европейского типа.

В то же время, если говорить о белорусской идее конца 1980-х годов как определенном принципе легитимации и сохранения той реальной социокультурной целостности, которую мы обозначаем словом «Беларусь», то она проявила себя чрезвычайно неэффективно.

Взамен удержания этой цельности она предложила картину социума, погруженного в прошлое как в идеальную форму, тогда как реальность (современность) выступала ее неисправимой деградацией. Общество в этой картине было разделено на две части: сознательное меньшинство и колонизованное большинство. При этом большинству было отказано в легитимности его присутствия.

С другой стороны, белорусская идея стала побудителем процессов самоорганизации меньшинства (определенной социокультурной группы), придавшего определенную динамику всему социальному процессу и вынудившего «слабое» большинство оправдываться и искать другой принцип своей самолегитимации.

СОЦИОЛОГИЯ БЕЛАРУСКОЙ ИДЕИ

Николай Кацук

«В ряду вопросов, которые горячо и пылко обсуждаются теперь, едва ли не первое место принадлежит национальному вопросу и проблемам, с ним связанным».

Эти слова знаменитый российский социолог Питирим Сорокин написал в 1917 году, но кажется, что они касаются дискуссии, уже получившей название «языковой». Видимо, таков признак времени: если в обществе все хорошо и будущее не вызывает вопросов, подобные дискуссии невозможны. Они возникают тогда, когда общество сталкивается с неопределенностью или даже страхом перед тем, что будет дальше.

Дискуссия о языке выделяется своей длительностью (ее начало можно вести от статьи Юрия Дракохруста 1998 года в «Белорусской Деловой Газете»), числом участников, общественным резонансом и напряжением, которое свидетельствует о большой заинтересованности в ее содержании.

Она стала общественным событием, в котором отразилось состояние современного белорусского общества и нащупывались векторы его дальнейшего развития.

Этот текст — попытка осмысления некоторых итогов дискуссии и также ее социоанализа. По мере работы над ним «спор о языке» стал лишь основанием для рассуждений о белоруской идее.

Неопределенность нации

Так или иначе, центральным понятием дискуссии является понятие нации, известное своей неопределенностью. Сорокин писал: «Участники спора часто и сами не знают, ради чего ломают копья». В своей статье он занимался тем, что сегодня назвали бы «деконструкцией нации», а именно, рассматривал по порядку признаки, описывающие характер связей в национальном сообществе.

Среди них — единство крови (или расы), единство языка, религии, общность экономических интересов, единство господствующей династии (или исторической судьбы), а также — морали, права, философии, культуры. Его метод заключался в приведении примеров разнообразия перечисленных слагаемых в нациях и обратном выделении различий в каждом из них. Это он делал с позиций «реалистичной социологии» (натурализма).

Отдельно Сорокин рассматривал осознание принадлежности к определенному политическому телу. Но в этом случае его аргументация менее совершенна. Причисление, или осознание (идентификация и идентичность) «только ставит, а не решает вопрос».

Например, я как журналист отношу себя к определенному социальному телу — редакции (группа людей); как православный — к определенной церкви (тоже группа); как «подданный» России — к российскому государству (тоже группа); как человек, который говорит на русском, беларуском, французском и английском языках — ко всем лицам, которые тоже говорят на них. Во всех этих случаях у меня имеется «осознание своей принадлежности» к той или другой группе. Какая же из них является моей нацией? Порознь ни одна из этих связей не является национальной, а вместе они противоречат друг другу.

С позиций натурализма нации действительно не существуют. «Национальность» распалась на элементы и «исчезла».

А как же «национальный вопрос»? Сорокин видел выход в том, чтобы суть национального вопроса поместить в ряду правовых ограничений в сферах религии, политики, имущественного состояния, образования, профессии, языка и т.д. Национальное неравенство — только отдельная форма общего социального неравенства, из чего он делал вполне либеральный вывод, что поддерживать национальные движения следует лишь в той степени, в какой они борются против правовых ограничений и за социальное равенство.

В результате Сорокин построил либеральную утопию: «вся полнота прав должна быть дана каждому лицу, без различия на «эллина и иудея, раба и свободного».

Кстати, в своих размышлениях Сорокин пошел еще дальше и предсказал (в 1917 году, во время мировой войны!) создание Евросоюза как «сверхгосударственной организации всей Евро-

пы на базе равенства прав всех лиц, входящих в ее состав». Евро-союз в самом деле был создан, но утопия осталась утопией, так как неизбежно возникла проблема столкновения прав. Например, так случилась в современной Франции, когда было запрещено носить хиджаб, паранджу и другие религиозные отличия женщинам-мусульманкам. Что это, если не ограничение?

С другой стороны, история свидетельствует, что право наций на самоопределение обычно ограничивается геополитическими интересами праводателя. Если рассуждать дальше, то это противоречие приводит к статусно-ролевой теории, а социальные группы (например, журналистов или православных), которые казались цельными, тоже исчезают во множестве различий.

Все же теория Сорокина интересна тем, что позволяет реконструировать определенное понимание нации. Сегодня от нее осталась лишь обусловленность национального вопроса социальными практиками в виде юридических ограничений.

В свою очередь, возникает вопрос, достаточно ли ограничиться юридической редукцией в определении национальных проблем, или существуют и другие, не менее значимые. Его решение одновременно связано как с идеологическими представлениями, скрывающими практические интересы, так и со сменой подхода в знаниях.

Оппозицией натуралистического подхода в социологии является подход деятельностный, сопряженный с культур-социологией. Он возник одновременно с натурализмом и постепенно набирал силу. Вообще говоря, натурализм в современных условиях это анахронизм, он еще не умер лишь потому, что дает простые ответы на сложные вопросы.

В культурническом подходе, который можно вести от Эмиля Дюркгейма, социальная жизнь складывается из представлений, что не отменяет их принудительной силы. Также известна «теорема Томаса» — если ситуация определяется как объективная, она объективна по своим последствиям*. Дело в том, что невоз-

* Эмиль Дюркгейм (1858–1917) — французский социолог. Автор книг «Элементы социологии» (1889), «О разделении общественного труда» (1893), «Правила социологического метода» (1895) и других.

Уильям Томас (1863–1947) — американский социолог. Автор фундаментального исследования «Польский крестьянин в Европе и Америке» (5 томов, совместно с Ф. Знанецким, 1918–20), ряда книг, а также многочисленных статей. — *Прим. ред.*

можно произвольно определять ситуации, чаще всего они преподносятся как типичные и привычные.

К этому подходу примыкает популярная ныне концепция «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона. Согласно ей, нация является продуктом капиталистического книгопечатания, формирующего у людей ПРЕДСТАВЛЕНИЕ о своей принадлежности к некому сообществу. К книгопечатанию надо добавить средства массовой информации, систему образования, административные распоряжения (законы, указы, постановления и т.д.). Кроме того, определенную роль играют переписи населения, музеи, географические карты страны.

На самом же деле все сообщества, более крупные чем первобытные деревни (т. е. объединенные контактом лицо-в-лицо) — воображаемые. Сообщества надо различать не по степени их действительности или недействительности, а по тому стилю, в каком они воображаются.

Например, если ситуация, пусть даже «ошибочно», определилась в сознании как угрожающая для собственного представления о нации, то человек будет вынужден его (представление) защищать, то есть начнет относиться к другим людям как к союзникам или как к противникам и в этой связи учинять определенные действия.

Напомню, что он не способен определять ситуацию произвольно (по своему желанию). Это обстоятельство хорошо показано в ряде художественных кинофильмов о войне в Югославии. К примеру, на сербском доме появляется надпись: «Сербьы — вон из Хорватии». Несмотря на отношение к ней как к глупости возникает ситуация защиты имущества, и жильцы-сербьы превращаются в караульщики. Далее противостояние постепенно разворачивается в сторону эскалации, захватывая участников, увеличивая их число и вооруженность — одни хотя бы надпись восстановить, другие — не допустить этого. После первой крови эта ситуация превращается в ситуацию национального конфликта.

При этом исторические знания, равно как и убеждения в национальной исключительности (или преимуществе), играют вторичную роль. Отдельные люди и целые поколения помнят лишь то, чему были непосредственными свидетелями или в чем лично участвовали. Все остальное — это рассказы (повествова-

ния), из которых выделяются отдельные события, которым при дается значение сообразно ситуации, актуальной в данное время. Поэтому с социологической точки зрения история всегда пишется либо создается сегодня.

Обобщая, отмечу, что в культурническом подходе нация является общественным представлением. Оно может существовать вне конкретного человека, ибо имеет знаковую природу (транслируется через тексты и символы), а также материальную (т.к. закрепляется в действительности в виде архитектуры, планировки городов и зданий, памятников, кладбищ и т.д.). Но нация существует и внутри человека, ведь все то, что образует нацию, усваивается им, а затем воплощается (реализуется) в социальном, культурном и физическом пространстве. И все это происходит в процессе общественной практики.

Воплощения Беларуси

Итак, под понятием идентичности следует понимать не тождество, а именно воплощение. Человек в этом смысле является тем, что он олицетворяет.

Отсюда следует, что некая идентичность (еще раз скажу — воплощение общественных представлений) всегда существует, ибо основывается на собственной истории, обобщающей социальные практики. Но присутствие той или другой идентичности в сознании индивида, ее сила и значимость зависят от интенсивности тех общественных отношений, в которые включен индивид. Чем в большей степени его повседневная жизнь связана с какой-то деятельностью, тем сильнее идентичность.

Потому не удивительно, что в структуре идентичности обычно выделяют смысловые блоки — от самых сильных в центре до периферийных.

Во-первых, это воплощения узкого социального окружения — семьи, друзей и знакомых, соседей.

Во-вторых, воплощения сообществ по сходству поведения, то есть близость с теми, кто ведет такой же образ жизни, придерживается тех же политических взглядов, эстетических вкусов, той же религиозной веры и т.д.

В-третьих, близость к статусным группам — к людям той же профессии или служебного положения.

В-четвертых, последнее по значимости, — связь с абстрактными сообществами, которые труднее всего представить в своем воображении.

То, что «нация» находится на периферии концентрической структуры идентичности, — скорее правило, чем исключение. Вполне нормально то, что человек работает и отдыхает, растит детей, дружит, имеет какие-то увлечения («хобби») — то есть делает то, что составляет человеческую жизнь.

Но этот простой тезис позволяет поставить вопрос о практике нации как таковой. Может ли существовать «практика нации» — отдельная во всех смыслах? Каким образом соизмерить практику повседневной жизни отдельного индивида и «практику нации» как совокупности жизни большого числа индивидов?

Вероятно, человек может придавать своим поступкам нациотворческий характер — в этом случае каждое действие осознается им не только как направленное на какой-то результат (например, на создание художественного произведения), но и на полезность для нации. Но маловероятно, что такое отношение может иметь широкое распространение.

Другой вариант — существование определенного соответствия между какими-то традиционными социальными практиками определенного сообщества и его самоназванием. Один исследователь привел такой пример: когда-то в Гане правительство снизило закупочные цены на какао, это сильно подтолкнуло национальное движение народа ашанти, традиционно выращивавшего бобы какао. Так экономическая политика замкнулась на национальную, но лишь потому, что имелся общий носитель символических и социальных практик.

Применительно к Беларуси можно зафиксировать отсутствие практического слагаемого нации. По сей день вопрос: «Что должен делать человек, чтобы быть беларусом?» — остается без ответа. А если так, то главную роль играет не то, что он делает, а то, что делают из него*.

В этом плане анализ отдельных показателей (например, числа процентов) непродуктивен. Например, тот факт, что по данным переписей населения увеличивается численность белару-

* Надо уточнить, что речь идет о сущностном различии между «знать» историю и «делать» ее, т.е. между трансляцией и продуцированием. А также между тем, что есть, и тем, что должно быть. — *Авт.*

сов, свидетельствует лишь о привыкании к независимости. В этом случае главную роль играют «пустые ответы» типа «жить в Беларуси». Данная идентичность почти не затрагивает сознания и может быть названа «территориальной», или «здешней» («тутэйшай»).

Аналитически можно выделить два фактора, влияющих на сознание:

1) естественный (стихийный), который складывается из приспособления к символическому и физическому пространству просто вследствие присутствия в них;

2) искусственный (целенаправленный), который формируется специально организованной системой символического производства.

Понятно, что они воздействуют одновременно, иногда усиливая, а иногда ослабляя друг друга. Воздействие первого фактора более длительное и прочное, оно создает своеобразный фундамент из человеческих привычек, на котором строятся те или другие национальные проекты.

Из этого следует, что корни сегодняшнего «воображения Беларуси» надо искать именно в советской истории. Понятно, что история Беларуси не начинается с советского времени, но, подчеркнем, — люди, которые имеют причастность к белорусской идее, в своем большинстве происходят из СССР и, независимо от того, отвергают или одобряют советское наследие, они остаются сущностно связанными с ним.

Советский проект был направлен на «опустынивание» белорусского пространства. В советское время белорусскость сводилась к функции колорита, окрашенного под архаику. Почти единственной репрезентацией «беларускости» служил фольклор в виде румяных старушек, одетых в национальную одежду, а также песен, вышитых полотенец и поговорок. Большинство населения воспринимало все это как нечто оторванное от повседневной жизни и невозвратное прошлое, которое в современности вызывает какую-то неловкость или даже стыд.

Эти обстоятельства позволяют провести параллели между Беларусью и Латинской Америкой, выделяя сходство через понятие «креольства»*. Но есть важное различие. Если креольство строит-

* Креолы — см. сноску на с. 92 — *Прим. ред.*

ся как «неиспанская испанскость» в связи с отсутствием возможностей сделать карьеру в бывшей метрополии (Испании или Португалии), то беларусы такие возможности имели — при условии отказа от своей «беларускости», прежде всего — от «мовы»:

«После восьмого класса родители отправили меня из местечка в неблизкий свет — учиться аж под Москву. Довольно быстро я вернулся домой без науки, но с уверенной русской речью, на которой, не скрывая форса, говорил в местечке.

Ах, с каким восхищением и завистью смотрели на меня дружки, какой глубокой радостью светились глаза родителей, когда они слушали мою расейшину. /.../

Здешний язык был тем клеймом, которое обозначило место человека рядом с быдлом. И чтобы попасть в человеческий мир, надо было прежде всего удалить это клеймо*.

Ничто так не повлияло на такое отношение к родному языку, как образовательная политика. Дело не столько в числе беларуских школ, сколько в возможности не изучать беларуский язык. Известно, как дети «всех времен и народов» относятся к учебе. Если кто-то из них имеет официальное разрешение не изучать какой-то предмет, это сразу повышает его статус среди сверстников. В нашем случае беларусов, условно говоря, приговаривали к наказанию беларуским языком и литературой. Вдобавок, изучение этой литературы сводилось к формальным сюжетным схемам (кто куда пришел, с кем встретился и т.д.), которые — одно и то же что по-русски, что по-беларуски.

Как это случилось? Я не принадлежу к сторонникам теории заговора, потому объяснение, пусть пунктирное, ишу в обстоятельствах, не требующих злого намерения.

Как известно, после войны возникли массовые процессы русификации. Они происходили в первую очередь в демографической сфере и были связаны с большими человеческими и материальными потерями во время войны. Беларусь во всех смыслах лежала в руинах. Восстановление экономики и дальнейшая индустриализация были возможны только посредством миграции. Вакансии заполняли в основном русскоязычные специалисты (других не было) — инженеры, врачи, учителя, ученые, милиционеры, партийно-советские работники и т.д. При этом распреде-

* Акудовіч В. Мова // Акудовіч В. Дыялогі з Богам. Мінск, 2006.

ление в Минск (с точки зрения «обеспечения») было достаточно привлекательным — после Москвы, Ленинграда и Киева. Свою роль в превращении Беларуси в плавильный тигель советской нации сыграли и ее относительно небольшие размеры, и нахождение на «переднем крае советской родины», и урбанизация.

Чем крупнее был город, тем меньше использовался в ежедневных сношениях людей белорусский язык. Отсюда отношение к нему как к крестьянскому.

Мигранты привозили свою культуру, отказаться от которой в пользу белорусской было бы возможно, если бы не их перевес в социальном положении, и так белорусская культура постепенно теряла свою роль. С другой стороны, разве можно рассчитывать на то, что иноземцы бросятся восстанавливать еще и культурные руины на чужой им земле?

Преобразования одновременно закреплялись в физическом пространстве, создавались новые символы и мифы советской Беларуси — прежде всего это «республика-партизанка» с многочисленными памятниками, а также «сборочный цех СССР» с фабриками и заводами.

Перестройка только на короткое время нарушила привычный социальный порядок, объединив в отходе от «советскости» национальное с демократическим. Игорь Бобков написал:

«После 1991 года белорусская идентичность получила статус исключения или отдельного случая. Наличие независимого государства, с одной стороны, не позволяло декларировать ее полное отсутствие, с другой — белорусская действительность ничем не напоминала действительность современной культурно гомогенной нации с присущим ей определенным набором мифов, ценностей и стереотипов, которые обычно и создают поле национальной идентичности»*.

Но то ли не повезло, то ли не хватило времени, национальный проект остался мечтой, а личные пути граждан опять разошлись с путем Беларуси. Энтузиазм быстро исчез, и прошлое (привычка к «проживанию» в Беларуси) потянуло назад. Ведь остались тракторы «Беларусь» и автомобили «Белаз», которые и сегодня удачно соревнуются с зубрами и аистами относительно своей роли в «воображении» Беларуси.

* И. Бобков. Генеалогия белорусской идеи.

Поэтому отличительной чертой белорусского проекта остается то, что история (социальная история — в смысле развертывания во времени социальных практик, соединяющих слова и вещи в формировании социального пространства) почти не имеет своего объективированного состояния. Несоветские белорусские идеи и символы существуют либо в сознании немногочисленных носителей, либо в текстах, строящих описанный Валентином Акудовичем «архипелаг Беларусь». Акудович пишет:

«Начиная с «Мужицкой правды» Константина Калиновского и виленской «Нашей Нивы» (начала XX века), все белорусские издания прямо или косвенно исполняли роль отсутствующих общественно-политических институтов, которые бы могли решать соответствующие нужды белорусской Беларуси».

Этот факт находит отражение в том, что историческое действие сталкивается (всякое действие ради строительства нации априори историческое), во-первых, с враждебной действительностью (что не способствует закреплению идей в пространстве), а во-вторых, с привычными социальными практиками, которые превращают «беларускость» в своеобразное культурное гетто*.

Кстати, суть гетто заключается не столько в ограничении пространства, сколько в принципе жизни в нем. Смысл жизни в гетто заключается в том, чтобы только жить, то есть сохранять собственную жизнь. Действие делается самодостаточным, оно никак не касается внешнего окружения.

Но то, что плохо лежит, всегда кто-то поднимет.

Новейшая программа нациотворения

Ряд исследователей уже отметил изменения в политике властей, связанные с созданием идеологии белорусского государства. Но, полагаю, дело не столько в трансформации политической сферы, сколько вообще в создании нации в условиях информационного общества.

Это не национальный проект как таковой, ибо проект предусматривает какое-то представление о будущем. Скорее это про-

* «Как вернуться людям на Беларусь? По проспекту Франциска Скорины (теперь уже Независимости — *Авт.*) не пройти к храму и к Беларуси, если он по-прежнему ведет от памятника Ленину через Советский район в Первомайский, постепенно переходя в Московское шоссе» — В.В. Мацкевич. «Беларусь вопреки очевидности».

грамма, которая строится на определенных принципах действия, что позволяет оперативно реагировать на те или другие вызовы времени и включать в себя или отбрасывать различные содержания. Проект основывается на прошлом и направлен в будущее, программа же ориентирована только на современность.

Двигателем этой программы является эффект «делегирования и политического фетишизма», когда одно лицо, получив полномочия от множества лиц, основывает или создает группу.

Так происходит в разных политических системах, построенных на принципе представительства. Существенное отличие белорусской системы состоит в том, что постепенно создавалась монополия на политическое представительство белорусского народа вообще. Иначе говоря, одно доверенное лицо представляет весь белорусский народ в целом.

Эволюцию системы можно проследить по шагам. Первоначальное представительство народа президентом; далее перехват функций представительства в органах высшей власти (парламент, суд), в результате чего те вынуждены представлять народ только через президента и с его разрешения. Наконец, дело дошло до различных «слагаемых» народа — профессиональных союзов, ассоциаций национальных меньшинств, творческих объединений и т.д. В этом смысле становятся понятными запреты на использование слов «беларуский» и «Беларусь» в названиях газет и организаций, а также переименование улиц, перенос государственных праздников, замена государственной символики.

Здесь мы сталкиваемся с парадоксом: узурпатор тем надежнее защищен от обвинений во лжи, чем меньше численно его организация; отсутствие же реальных разоблачений свидетельствует о полном отсутствии такой организации. Что можно противопоставить такому человеку? Можно публично протестовать, можно начинать собирать подписи под петицией.

Последнее, естественно, и делается, но делается только в заранее заданных условиях и только в качестве частной инициативы, поскольку нельзя создать новую организацию.

Слагаемыми этой стратегии являются:

1. Отождествление с группой.

Для того, чтобы иметь возможность отождествить себя с группой и сказать: «Я есть группа», «Я существую, значит, группа существует», доверенное лицо должно каким-то образом раство-

риться в группе, отказаться от своей личности в пользу группы, вслух и торжественно заявить о себе: «Я существую только благодаря группе». Узурпация, которая осуществляется доверенным лицом, по необходимости скромна и имеет своей предпосылкой скромность.

2. Соучастие в незнании.

Осуществление символической власти основывается на ее молчаливом признании со стороны подчиненных.

Символическая власть есть власть, которая имеет своей предпосылкой признание, то есть незнание факта творимого ею насилия. Таким образом, символическое насилие, которое осуществляется служителем культа, возможно только при каком-то соучастии тех, кто испытывает на себе это насилие*.

3. В свою очередь для этого необходимо уверить других в своей необходимости. Отсюда и возникает дискурс «беспомощности» народа и постоянной заботы о «простом человеке», а также дискурс многочисленных трудностей и их преодоления, окрашенный в милитаристскую риторику типа «битвы за урожай». Таким образом, доверенное лицо — это тот, кто возлагает на себя священные неразрешимые задачи.

4. Эксплуатация эффекта оракула.

Редко бывает так, что если политик заявляет: «народ, народные массы», он не использует эффект оракула, то есть трюк. Смысл трюка — в одновременном продуцировании высказывания и его расшифровке, в создании впечатления, что «я — это другой», что представитель, будучи всего лишь заместителем народа, действительно есть народ, а значит все, что он говорит, это — сама правда и сама народная жизнь.

В данной связи заслуживают серьезного лингвистического анализа та двойная игра и те риторические приемы, в которых проявляется структурное лицемерие уполномоченных представителей, и в частности, их постоянные переходы от «мы» к «я».

Указанная программа нациотворения во многом похожа на советскую. В первую очередь это объясняется тем, что она стро-

* Индивиды, помещенные в изолированное и безгласное состояние, которые не имеют ни способностей, ни власти, чтобы заставить слушать себя и быть услышанными, оказываются перед выбором: либо молчать, либо доверить другим право говорить от своего имени. Это замечание прямо касается популярных теперь разговоров, почему люди голосуют за Лукашенко.

ится на привычках жить по-советски, точнее, жить в советском физическом и символическом пространстве. Соответственно этой программе, не надо ничего менять, надо только добавить новые смыслы к существующим привычкам. Даже референдум о двуязычии только закрепил эти привычки, ведь если относиться к его результатам серьезно, надо было перевести все телевизионные передачи в режим субтитров, как это делается в двуязычных странах — один язык слышат, другой — читают.

Беларусом, как и советским человеком, может быть любой, кто принадлежит к «прогрессивному человечеству». Беларусь — это СССР в миниатюре, остров спокойствия и благополучия в море кризисов, происходящих в «братских» странах.

В отличие от символов-идей, новейшие символы — это символы-вещи: тракторы, цимбалы, предприятия типа «Беларуськалий». Их очевидность и данность скрывают пустоту смыслов. В зависимости от текущего момента объяснение смысла можно мгновенно заменить совсем другим, но символ-вещь так и останется символом-вещью.

Программа предлагает и практики. Это послушный гражданин, который исполняет все требования анонимной власти — подобно пассажиру в купе поезда, который ни с кем не разговаривает, никому не доверяет и всегда закрыт на все замки. И также это потребитель, который покупает белорусское, например, «автономный пожарный сигнализатор»*.

Все то, что каким-то образом позволяет очертить или ограничить эту программу, безжалостно отбрасывается — язык, так как он чересчур локален; продолжительная история, ибо она связывает руки; Россия, ибо сегодня она одна, а завтра другая...

Даже на своем гербе Беларусь обозначена только контуром.

Борьба за языковую реальность

Возвращаясь к языковому вопросу, замечу, что в нем пересекаются почти все коллизии времени. А стремительное развертывание программы властей превращает белорусский язык в последний бастион идентичности.

* Остается добавить, что таким образом потребление администрируется — если, например, санатории и профилактории простаивают ввиду высоких цен и низкого качества услуг, власть все равно заставляет их потреблять. «Покупайте белорусское» — это не призыв, это приказ.

По моему мнению, главные факторы, которые повлияли на остроту языкового вопроса, следующие:

1. Реализация властью такой программы нациотворения, в которой нет места ни «беларускоязычным консерваторам», ни «русскоязычным либералам».

2. Существование общей оппозиционной социальной базы, внутри которой объединяются различные антилукашенковские интересы.

3. Исчезновение различий внутри оппозиции, кризис структурной оппозиционной идентичности.

4. Обострение, в связи с этим, чувства личной истории и смысла прожитой жизни.

Еще можно добавить сформированную советской и поддержанную новейшей государственной пропагандой склонность живописать самые жуткие последствия от победы оппонентов (например, изображается какой-то солдат или боевик, угрозой оружия заставляющий изучать беларуский язык).

Но по порядку.

С политической стороны дело проще. Напомню, что спор начался после двух референдумов, утвердивших «новую старую» символику и двуязычие. В оппозиционной среде началась борьба за монополию в противостоянии режиму. Борьба происходила и в социальном пространстве, и в символическом; пунктирно ее можно обозначить как противостояние ОГП и БНФ.

БНФ занимал консервативную позицию; ОГП была склонна к переменам, дескать, если возрожденческий проект не имел успеха (по крайней мере, на референдумах и телевидении), надо его отбросить и делать новый демократический проект на базе русского языка. Политически это имело смысл, ибо русскоязычная социальная база значительно шире, а если к этому добавить контрпропаганду государственных СМИ, получается почти единственный выход.

(Кстати, это противопоставление можно проследить и в сфере образования — Европейский гуманитарный университет и Коллегиум как альтернатива БГУ.)

Хуже то, что отражением борьбы за монополию в противостоянии стало исчезновение принципиальных различий между разными политическими течениями. Они, не без помощи властей,

стали одинаковыми в своей оппозиционности — кто в 1990 году мог представить соглашение между коммунистами и БНФ?

Потому вопрос: «За демократию — с языком или без языка?» — имеет только внутреннее значение. Но при этом практические последствия от его решения обусловлены разным культурническим отношением к беларускому языку, различными культурническими матрицами (путями подхода к языку).

Так или иначе, но сегодня выходит, что в одной из них язык — это средство, а в другой — ценность. Понятно, что язык является и ценностью, и средством, но если существует политическое требование определить «свое», то вопрос ставится просто: «за» или «против», язык или экономика?

Особо отмечу — я не намерен определять, какое отношение к языку хорошее, а какое плохое. Во-первых, если языком не пользоваться, он умирает, а во-вторых, я не верю (ведь я социолог) в существование ценностей, оторванных от носителей.

Ценность любого языка формируется практикой. Если человек с детства воспитывается на том или другом языке, сам язык, строя человеческое мировоззрение, является невидимым, прозрачным, транспарантным. Рефлексия по поводу языка возможна в случае столкновения с языковым «другим», и только после этого столкновения человек определяет, чем является для него язык. Например, чтобы читать Шекспира в оригинале или зарабатывать деньги, делая с него переводы.

В этой связи предложу гипотезу: ценностное отношение к языку зависит от личной истории. Уникальность беларуской ситуации заключается не в данности языка, а в возвращении к нему. По крайней мере, большинство моих беларускоязычных знакомых воспитывались на русском. Их переход на беларуский был сознательным, то есть — результатом самоопределения. В свою очередь, это придает отношению к языку личное, даже интимное звучание, язык для них — это личная судьба. К этому добавляется и то, что с языком связана их деятельность — литературная, исследовательская, издательская и прочая.

Так возникает тот самый «архипелаг Беларусь» — сообщество беларускоязычных интеллигентов (или интеллектуалов), связь между которыми основывается на сходстве личных путей к языку.

Но человек склонен отождествлять свое окружение со всем миром. Поэтому в условиях относительной замкнутости «архи-

пелага» происходит некритическое перенесение собственных качеств на всех белорусскоязычных, а языковое просветительство превращается в тезис «я смог, почему ты не можешь?».

Использование социологических или статистических данных основывается на той же логике представительства — кто, какая политическая партия в большей степени соответствует требованиям потенциальных избирателей. На самом же деле, это только игра в представительство, независимо от того, то ли это данные социологических опросов, то ли данные переписи, ведь сами выборщики в своем подавляющем большинстве таким вопросом не задавались. Главные для них вопросы традиционны: «остановить рост цен» и «повысить зарплаты и пенсии (иногда в качестве бонуса — «повысить духовность, усилить контроль и правопорядок»).

То, что и сегодня сельские жители в своем большинстве говорят по-беларуски, есть следствие незавершенности процессов урбанизации и связанной с ней русификации. Последняя просто не дошла до деревни.

Но из этого совсем не следует, что языковое поведение определяет доверие к президенту. Дело не в языке, а в образовании.

В заключение следует напомнить тезис неокантианца Рудольфа Лотце:

«То, что должно быть, является основанием того, что существует. А сущее предназначено для того, чтобы в нем реализовывались ценности».

Только надо учесть, что ценности сами собой не закрепляются. Надо их настойчиво закреплять.

ЗАПАДНОРУСИЗМ ВМЕСТО БЕЛАРУСКОЙ ИДЕИ

Павел Бич,

кандидат физико-математических наук

«Западнорусист» Иван Солоневич

Начну издаека — с персоны Ивана Солоневича (далее И.С.). Этот публицист, журналист и общественный деятель родился в 1891 году в белорусской семье на Гродненщине. Оба его деда были сельскими священниками Русской православной церкви, отец — школьным учителем. Учился в Гродненской и Виленской гимназиях, в 1915 году закончил юридический факультет Петербургского университета. Стал журналистом, совмещая эту профессию с участием в турнирах цирковых борцов.

Обе русские революции категорически не принял. Исповедовал православно-монархические убеждения, любил называть себя «белорусским мужиком», идеализировал самодержавную монархию, считая ее «диктатурой православной совести». Воевал на юге России в Белой армии, чудом избежал расстрела в Одессе. С 1921 по 1933 год работал в Москве инструктором в профсоюзных спортивных организациях. Трижды пытался бежать из «социалистического рая». При четвертой попытке, в 1933 году, был арестован. В 1934 году бежал из концлагеря на Беломорканале в Финляндию. Жил в Болгарии, Германии, Аргентине, умер в 1953 году в Уругвае после неудачной хирургической операции.

Основной труд его жизни — «Народная монархия», настольная книга современных русских монархистов. В нем он писал:

«Никакие мерки, рецепты, программы и идеологии заимствованные откуда бы ни было извне, — неприменимы для русской государственности, русской национальности, русской культуры... Политической организацией Русского народа на его низах было самоуправление, а политической организацией народа в целом было самодержавие... Царь есть прежде всего общественное равновесие. При нарушении этого равновесия промышленники создадут плуто-

кратию, военные — милитаризм, духовные — клерикализм, а интеллигенция — любой «изм», какой только будет в книжной моде в данный исторический момент».

Режим большевиков он оценивал как клику уголовников, как «диктатуру сволочей» (так называлась одна из его книг). Кредо его жизни заключается в словах:

«Я считал и считаю, что ненависть к строю, который отправляет в могилу миллионы людей моей родины, — это не только мое право, но и мой долг».

И.С. был убежденным сторонником западнорусизма и резко отрицательно относился к беларускому национальному движению. Он писал:

«Вся эта самостийность не есть ни убеждения, ни любовь к родному краю — это есть несколько особый комплекс неполноценности: довольно большие вождения и весьма малая потенция: на рубль амбиции и на грош амуниции».

Можем ли мы извлечь что-то полезное из творчества Солоневича? Думаю, что можем, ибо идеология западнорусизма живет у нас не только среди «лукашистов», но и в демократическом движении.

О мифе данности

Чтобы разобраться с западнорусизмом, попробуем найти критерий истины, для чего обратимся к теории познания. Люди искали такой критерий на протяжении всей своей истории. Не грех и нам вспомнить — что это такое?

Вначале на роль обладателей истины претендовали старейшины племен и жрецы. С появлением письменности ее кладезем стали священные писания, а в Средние века схоласты добавили логику. В конце средневековья из философии и метафизики выделилась эмпирическая наука со своими критериями истины — соответствие опыту (верификация) и использование математики. Заметим, что для наук о человеке оба этих критерия непригодны, т.к. постановка (повторение) эксперимента в истории невозможна, а сознание человека столь сложно, что математика пасует. Пасует до сих пор, несмотря на многозначные логики, теории игр, системно-структурный подход и т.д.

К началу XX века в теории познания наступил кризис. Оказалось, что в микромире нельзя получить однозначного результа-

та, результат опыта зависит от избранной методики и целей исследования (пресловутый «принцип дополнительности»). Более того, стало ясно, что математикой можно подтверждать любую фантазию. Теорий общественного развития накопилось великое множество и они зачастую противоречили друг другу (например, альтруизм и прагматизм, национализм и космополитизм, нищезанство и марксизм...). Выяснилось также, что ученые, как и обычные люди, видят в результатах опыта в основном то, что желают видеть, исходя из своих предположений.

Поэтому в науке утвердились следующие критерии:

1) логической простоты (чем меньше исходных гипотез в теории, тем она лучше);

2) принцип соответствия (новая теория должна обобщать прежние, например физика Ньютона — частный случай физики Эйнштейна);

3) принцип фальсификационизма Карла Поппера (осмысленными научными утверждениями являются только те, для опровержения которых можно придумать эксперимент; так, существование черта нельзя опровергнуть никакими экспериментами, следовательно, это понятие не верное и не ложное, а бессмысленное). Применение данного принципа к общественным наукам переводит в разряд бессмыслицы все или почти все их теории.

К середине XX века выяснилось, что и эти критерии плохо работают в науке. В частности, стало ясно, что научные теории в своих исходных гипотезах основаны на вере, т.е. фальсифицируемы. Следовательно, наука и религия мало отличаются друг от друга. Например, вера физиков в то, что Вселенная образовалась в результате «Большого Взрыва» не более обоснована, чем вера в то, что ее создал Бог.

Хаос же в общественных науках еще больше увеличился, когда в философии потерпел крах «Миф Данности» — вера в то, что существует некая Объективная Реальность, которую мы пытаемся познать. Реальность оказалась каким-то очень сложным образом связана с Сознанием Человека. Это вновь узаконило религию и мистику.

В настоящее время единственным критерием, которому еще доверяют, является предсказательная сила теории — истинным учением считают то, которое лучше предсказывает будущие из-

менения, события. Он может быть использован и в нашем случае.

«Миф Данности» раньше всего начал трещать в исторической науке. Давно было замечено, что в зависимости от мировоззрения, идеологии историков (и личных, и господствующих в их эпоху) те или иные исторические события получают совершенно разную трактовку. Более того, отдельные факты (битвы, войны, действующие лица) исчезают из поля зрения историков, а другие внезапно возникают из забытых или якобы недавно найденных летописей. (Совсем как элементарные частицы в зависимости от измерительных приборов, методик и гипотез ученых).

Рассмотрим для примера понятия «монгольское иго» и «Куликовская битва». Нас учили, что эта битва положила конец игу, что укладывалось в концепцию России монархов Петра I и Екатерины II — как форпоста европейской цивилизации. Но Московское княжество после этой битвы еще 100 лет подчинялось Орде, неизвестны также крупные восстания против татар и до, и после Куликовки. Все это ставит под сомнение утверждения о «невыносимом иге». И есть такие российские историки (например, Л.Н. Гумилев), которые считают завоевание татаро-монголами «русских» земель не злом, а благом, ибо при нем не могло быть тлетворного влияния Запада — этой обители Порока для русских консерваторов.

Сейчас некоторые историки ставят под сомнение и сам факт такой битвы, и место где она могла произойти, ибо ни одного материального свидетельства битвы не найдено (последняя версия гласит, что «поле Куликово» находилось в пригороде современной Москвы, примерно в 40 км от Кремля). Интересно то, как эти события касаются нас. Вначале в самых старых московских летописях выражается благодарность литвинам за защиту москвитов от татар. Потом, когда москвиты начали воевать с нами, наше участие в борьбе против татар стало принижаться, а Ягайло даже изобразили предателем своих «родных братьев — русских», ибо он якобы хотел помочь татарам.

Наконец, уже выдвинута версия, что Куликовская битва была всего лишь разборкой Тохтамыша и Мамаю, и наши предки оказываются всего лишь наемниками. Окончательная победа этой версии произойдет тогда, когда Россия в своем большинстве станет мусульманской и войдет в блок «Восток».

Последнее неизбежно. Тенденция считать Россию по сути Азией существовала всегда. Ведь писал поэт Александр Блок «мы скифы с жадными, раскосыми глазами», несмотря на то, что скифы не были монголоидами, а глаза у русских не раскосые. Большим сторонником «азиатскости» русских был и поэт Николай Гумилев — отец знаменитого историка Льва Гумилева. Теперешняя спевка «славянской» России и «тюркского» Казахстана — чем не новая Золотая Орда? Славянофилы в середине XIX века одевались так, что их на улицах Петербурга и Москвы принимали за персов. Афанасий Никитин молился Аллаху, москвиты в деревнях еще при Петре I с трудом понимали русско-славянский язык.

Все эти факты приведены как доказательства того, что углубляясь в историю, чтобы найти там основание для руководства в настоящем, мы не находим в ней никакой определенности, окончательной истины, неизменной Данности. С философской точки зрения это крах субъектно-объектной модели познания, когда историк — субъект, а история — объект. Для наших историков это означает, что их интерпретация истории Беларуси, сколько бы архивов они ни перерыли и раскопок ни произвели, никогда не совпадет с трактовками нашей истории соседями.

Между тем наши либеральные историки и публицисты (например, авторы журналов «Arche — Пачатак» и «Беларускі гістарычны агляд») упорно цепляются за «Миф Данности». Мы видим как они старательно («научно») пытаются отделить якобы подлинную трактовку истории Беларуси от трактовок, придуманных националистами. Валерий Булгаков, Анатолий Белый, Юрий Потупа, Алексей Дермант, Геннадий Саганович и другие первую трактовку снабжают термином «история», вторую — термином «миф». Какой оттенок имеет термин «миф», общеизвестно.

Концепции и прогнозы западнорусистов

Итак, что же предсказывал западнорусист Иван Солоневич:

«Страна /СССР/ ждет войны для восстания. Ни о какой защите «социалистического отечества» со стороны народных масс не может быть и речи. Наоборот, с кем бы ни велась война, какими бы последствиями ни грозил военный разгром, все штыки и все вилы, которые только могут быть воткнуты в спину красной армии, будут

воткнуты обязательно. Каждый мужик знает это точно так же, как это знает и каждый коммунист! Каждый мужик знает, что при первых же выстрелах войны он в первую голову будет резать своего ближайшего председателя сельсовета, председателя колхоза и т.п., и эти последние совершенно ясно знают, что в первые же дни войны они будут зарезаны, как бараны».

Как мы знаем, за исключением территорий Прибалтики, Западной Украины и Западной Беларуси, присоединенных к СССР за год — полтора до начала войны, мало нашлось людей, действовавших согласно этому прогнозу. Для того чтобы отстоять свое мнение, И.С. приводил факт сдачи в немецкий плен в первые месяцы войны 4-х миллионов советских солдат, которые якобы воткнули штыки в землю, не желая сражаться за большевиков. Естественно, такие тоже были, но все же основная масса оказалась в плену не из-за ненависти к большевизму, а вследствие стратегических просчетов большевиков (готовились к походу в Европу вместо обороны), бестолкового командования (толковые были уничтожены в 1937—38 гг.) и отсутствия опыта современной войны. Не было фактов и массовой выдачи немцам комиссаров, оказавшихся в плену. Такую участь заслужили только самые отъявленные мерзавцы.

Заметим, что об оккупационной политике нацистов эти 4 млн., сдавшиеся в плен, знать ничего не могли, т.к. еще не были в оккупации, а о намерениях фашистов могли судить только по листовкам немцев, сообщавших «правду Солоневича»: что в СССР фактически существует рабство, что он весь покрыт концлагерями, что большевикам надо воткнуть вилы в спину.

Вообще, свалить на нацистов факт провала прогнозов И.С. вряд ли возможно. Нацисты были такими, какими были — с их национальным социализмом и расовой теорией. В своих речах и публикациях, в отличие от большевиков, они ничего не скрывали. И все это не мог не знать И.С., проживавший в Германии с 1938 по 1948 год. Их оккупационная политика во время войны в целом была обычной — добиться благожелательного отношения населения оккупированной страны с целью выкачивания из нее сырьевых и людских ресурсов для военной победы.

И.С. живя в Германии, горячо приветствовал Гитлера до осени 1941 года и «раскусил» фюрера только тогда, когда войска Вермахта подошли к Москве! Хотелось бы спросить у него: а как

же Англия, сражавшаяся в одиночку с Германией уже два года? А как же растоптанные Франция и Польша? А как же геноцид отдельных наций? Выходит, что до осени 1941 года православный монархист Солоневич радостно потирал руки так же, как до 22 июня потирали руки его злейшие враги — сволочи-большевики в СССР?

Можно заключить, что западнорусизм показал свою неспособность прогнозировать события. Следовательно, в соответствии с избранным нами критерием истины, оказался непродуктивным.

Напомним, что идеологи западнорусизма изначально отрицают нашу нацию, считают ее русской (немного подпорченной польским влиянием), утверждают безусловное превосходство русской культуры над литвинской (беларуской). Они также утверждают, что русские национальные обычаи, русский характер и русский образ жизни являются образцовыми для нашего народа.

Идеи и концепции западнорусизма проникли в сознание нашего народа гораздо глубже, чем обычно думают. Даже самые передовые национально настроенные писатели, поэты, историки все еще стесняются называть русским все темное, что приходит к нам из России. Например, в их произведениях поляки, немцы, финны и прочие воюют не с русскими, а с царизмом, большевиками, «красными». При этом как бы подразумевается, что «где-то там далеко» есть хорошие русские, с которыми им не надо воевать, и которые им, нерусским, сочувствуют и могут помочь. Это называется смотреть на Россию сквозь розовые очки. Русские такая же нация, как и все остальные. Разве что русские проводят в жизнь черные замыслы своих правителей охотнее, чем другие нации.

Этот разный подход в оценке русских и нерусских народов и есть скрытый западнорусизм.

В истории в конкретное время и в конкретной стране могут проглядывать несколько общественных сил, но всегда имеется главная линия фронта противостояния. Такова сущность любой борьбы — петухов, борцов, команд на спортивном поле, армий на полях сражений. Следовательно, все силы нужно и можно

свести к двум или трем. В наших условиях проглядывают три основные силы:

- 1) лукашисты (стоят на позициях западнорусизма);
- 2) демократы (на первом месте для них социальные вопросы, на втором — национальные);
- 3) националисты (ставят на первое место национальное).

Наша страна до сих пор остается — по факту — колонией России, ибо в мире еще не было случая, чтобы власти нации, добившейся Независимости, сохранили бы колониальные символы (герб, флаг, гимн, денежную единицу, памятники...), колониальное название страны (Белая Русь) и так душили свою национальную культуру, как это делается у нас. Нашим властям внутренняя «Москва», сидящая в их мозгах, разрешает лишь торговаться о ценах на нефть, газ, молоко, а президенту — немного своевольничать во внешней политике. Единственный способ обосновать рабское поведение нашего руководства в отношениях с Москвой — это объявить, что мы с русскими один народ, что оно и делает. А этот тезис и является главным во всей концепции западнорусизма.

История однозначно свидетельствует, что сначала народы добиваются Независимости, и только потом начинают обустраивать свою жизнь согласно своим понятиям и обычаям. Константин Калиновский в своем предсмертном послании «Из-под виселицы» это хорошо понимал, когда написал «...да пакуль яна у нас будзе гэта няволя маскоуская, у нас нічога не будзе».

Эдвард Войнилович, которого, кстати, весьма ценил Петр Столыпин, отмечал, что казалось бы прогрессивные реформы по освобождению крестьян, в Беларуси были полностью искажены вследствие принципа не учитывать национальную специфику нашего края.

Следовательно, все идеологи, ставящие национальное на второй план, попадают в один лагерь с лукашистами. В нашем случае это коммунисты, демократы, борцы за права трудящихся, «объединенные граждане», «европейцы», социал-демократы, громадовцы и т.д. Они вроде бы борются за народ, а народ к их борьбе равнодушен. Почему? А потому что они не учитывают главную закономерность развития народов — сначала национальная независимость, потом — все остальное.

Фраза А.Г. Лукашенко «о чарке и шкварке» это фактически лозунг большинства вышеперечисленных. Они своей деятельностью создают у нас в стране удушливую атмосферу трусости и жлобства, охватывающую все слои населения. Их прогноз, что мировой экономический кризис выведет людей на улицы, не осуществился. Какое еще требуется доказательство лживости этой идеологии?!

Нас не должен вводить в заблуждение тот факт, что Запад поддерживает демократов, но не поддерживает националистов. Запад давно прошел стадию становления своих национальных государств и уже забыл, что такое национальный гнет. Ему понятна только борьба за права человека, демократию, политкорректность и т.п. А не понимая нас, они не могут и эффективно помочь нам. Поэтому наши демократы вместе с Западом ничего не могут сделать с Лукашенко, ибо ни те, ни другие не понимают — с кем (точнее — с чем) они имеют дело. У нас не просто диктатура, которую, как заметил Карл Ясперс, очень трудно победить только внутренними силами. Дело еще и в том, что длительное господство чуждой нам русской культуры привило нашему народу комплекс неполноценности, парализующий волю к сопротивлению.

Но вернемся к Солоневичу. Как все, кто отказывается от своей нации в пользу нации господствующей, он плохо понимал русских, сильно их идеализировал. Он, как нерусский и европеец, недооценивал патриотизм русских людей и присущую им ненависть к западным (европейским) народам. Русскую привычку охаивать все свое на словах, он, как и многие иностранцы, ошибочно принимал за отсутствие у русских национализма.

Наполеон записал в своем дневнике: «Это варвары, они сжигают свои дома, чтобы не дать нам переночевать в них всего одну ночь». Французов поразило факт дикой ненависти к ним, выразившийся в поджоге русскими своей потерянной столицы. И это факт времен царя Александра I, когда увлечение французской культурой в России достигло кульминации, когда не было пропаганды ненависти к иностранцам, когда при царском дворе и в администрации преобладали иностранцы. Как писал Александр Пушкин: «ни слова русского, ни русского лица...»

Можно привести множество фактов дикого национализма русских. Например, мало на свете народов, которые предписы-

вали бы своим женщинам (шпионкам) ложиться в постель к врагу, чтобы выведать у него важную информацию, как это практиковалось в КГБ; мало на свете народов, которые готовы всю жизнь прожить в запущенной провинции, лишь бы хорошо жила столица их страны (Москва). Нацисты, несмотря на весь их расизм, не опускались до призыва убивать всех русских подряд, в отличие от Ильи Эренбурга, призывавшего «убей немца». И таких «Эренбургов» в России множество.

Русский патриотизм держится на русском мракобесии, которое проистекает как из хронического отставания во всех сферах жизни от западных наций, так и из ненависти к свободе и к тем нациям, которые сотни лет живут в условиях экономической и политической свободы. Видимо, причина этой ненависти заключается в том, что первые 400 лет своего формирования нация великороссов находилась в рабском подчинении у татар.

Другая характерная особенность русских — их специфическое раболепие (в форме любви к своим вождям и начальникам и готовности выполнить любой их приказ). Этот своеобразный «коллективизм» Петр Чаадаев объяснял равнодушием русских к Добру и Злу, говоря иначе — их аполитичностью. Говорят, это от господства у них 400 лет крепостного права. Но ведь эту «крепость» им никто не принес извне! Сращивание уголовного мира с милицией и чиновничеством в России в наши дни опять заставляет вспомнить Чаадаева.

Если добавить сюда еще слабое чувство меры у русских, которое заставляет их кидаться в крайности, затрудняет им разделение своего и чужого, порождает у них с одной стороны способность к сопереживанию, общительность, отзывчивость, а с другой — тягу к захвату чужого, закабалению, угнетению; если добавить сюда их маниакальное стремление быть всегда и везде первыми (самыми великими), то мы получим главные компоненты русской души, которыми можно объяснить всю историю России и спрогнозировать ее поведение в будущем.

Михаил Салтыков-Щедрин писал о многочисленности в России породы людей с «твёрдой душой прохвостов». Это выражение любил цитировать И.С., правильно считая, что именно они являются низовой опорой большевистского режима, но он заблуждался, считая их порождением только этого режима.

Все западнорусисты, плохо понимая русских, рано или поздно оплачивают свое заблуждение дорогой ценой. Это можно показать на примере двух известных деятелей — Феликса Дзержинского и Михаила Тухачевского. Строго говоря, они не были западнорусистами, ибо не считали себя беларусами, но, так же как и они, считали национальное несущественным. Ощущая свою нерусскость как «второсортность», как источник постоянного недоверия в националистической (пусть марксистской) русской среде, оба лезли из кожи вон, чтобы стать «своими среди чужих». А потому брались за самые грязные дела.

Первый возглавил ВЧК, занимавшуюся массовым уничтожением реальных и потенциальных противников большевиков, второй не остановился перед травлей газами тамбовских мужиков, сражался против независимости Польши, штурмовал восставший против большевиков Кронштадт.

Большого доказательства надежности и преданности, кажется, придумать трудно. Но к 1925-му году русские большевики, перестреляв явных и потенциальных «контрреволюционеров», стали душить не только другие революционные партии, помогавшие им захватить власть, но и крестьян с рабочими. У Феликса как нерусского и европейца раньше, чем у остальных партийцев, это вызвало протест и он начал критиковать Политбюро ЦК. В 1926 году он умер при невыясненных обстоятельствах — то ли был отравлен, то ли сердце не выдержало мысли, что не за то боролся. А Тухачевского, скорее всего, погубило непонимание сути русского раболепия — качества особо нужного в военной среде. И его расстреляли в компании с русскими и нерусскими высшими военачальниками, тоже считавшими, что их таланты делают для них раболепие не обязательным.

Нас не должно смущать то, что вместе с нерусскими в России уничтожали и уничтожают также и чистокровных русаков. Ведь люди свободные от мракобесия и раболепия — это не типичные русские. А мы говорим о господствующей в России тенденции: всех, кто борется против мракобесия, раболепия и имперской политики, там традиционно считают изменниками и врагами России, заслуживающими уничтожения — при молчаливом одобрении народных масс.

Западнорусизм и судьба нашего народа

Теперь посмотрим, какую зловещую роль сыграл западнорусизм в судьбах нашей нации. Придуманый идеологами царизма во второй половине XIX века, он сопровождался окончательным переименованием нашей нации из литвинов в «белорусов», т.е. в некий вариант русских.

То, что из-за распространения славянского языка и христианства восточного обряда наши восточные и южные земли иногда называли русскими (а их жителей — русинами), не может оправдывать этот шаг. Все государства имеют ядро, вокруг которого впоследствии собираются окраины. У нас такое ядро — земли исторической Литвы, т.е. западной и центральной Беларуси.

При возникновении государства определяющими факторами являются: 1) политический (мера допускаемой свободы); 2) цивилизационный (какой тип человеческих отношений и какое искусство являются образцовыми); 3) ментальный (генетический). По всем этим критериям у нас с русскими очень мало общего.

Могли ли дети и внуки нашей шляхты, помнившие, что их предки, имевшие Шляхетские Вольности и веками сражавшиеся против русских за свободу своей Родины, принять переименование в «белых русских»? Очевидно, что «нет». Поэтому они либо «подались» окончательно в поляки, либо выпали из политической жизни и деградировали.

Правда, и здесь нашлись исключения, самое яркое среди которых — бывший повстанец 1863 года Франтишек Богушевич. Он в своих книжечках для народа стал проповедовать «русскость» в форме «беларускости». При этом в соответствии с господствующими тогда социальными учениями воспевал исключительно «мужиков», чем навсегда связал «беларускость» с примитивизмом, отсталостью, невежеством, забитостью. Это хорошая иллюстрация к тезису о том, что «дорога в болото вымощена лучшими намерениями».

Трудно придумать более эффективный способ ликвидации нашей нации, чем переименование литвинов в «бело-русов». Благодаря ему произошел раскол общества по вертикали: на «эксплуатируемых — бедных — белых русских — крестьян —

православных» и «эксплуататоров — богатых — поляков и летувисов — панов — католиков».

Западнорусизм возник в среде православных мыслителей «отечественного производства» (Михаил Коялович и иже с ним), но прижился среди выходцев из низших сословий, которые в Москве и Петербурге осваивали вместе с русской молодежью социальные теории Маркса, Энгельса, Плеханова и прочих идеалистов-радикалов. Социалистическая направленность белорусских политических партий привела к тому, что в 1917–1918 годах все крупные и средние землевладельцы, промышленники и торговцы, способные финансировать проект создания независимого государства в Беларуси, либо оказались вне политики, либо стали работать на Польшу. Эдвард Войнилович в своих воспоминаниях подчеркивал, что его, как и других богатых людей, отталкивало от белорусских крестьянских партий резкое преобладание «социального» над «национальным». В результате денег на белорусское дело и на создание армии они не дали, несмотря на то, что сами были этническими белорусами и прекрасно понимали отличие Крэсов от Короны.

Пустая казна БНР и наивная надежда на справедливость решений Третьего Всероссийского съезда Советов (т.е. полное непонимание имперской сути русской души, отсюда запоздалое провозглашение независимости) привели к падению БНР.

Несколько позже русские под прикрытием классовой борьбы занялись уничтожением сознательного национального элемента. Профессор Максим Петров пишет, что в 1923–28 гг. наших соотечественников арестовывали в 20 раз чаще, чем жителей России. А в 30-е годы они уничтожили и своих помощников национал-коммунистов, основателей БССР*. Наш земляк Юзеф Пилсудский вполне мог разделить судьбу Держинского и Тухачевского, если бы «вовремя» (как он сам отметил) не сошел с социалистического поезда на станции Независимость Польши.

Идеи западнорусизма вкупе с переименованием литвинов в «белых русских» за несколько поколений полностью изменили «политическую физиономию» нашего народа. Так, крестьяне западных областей Беларуси в 1863 году не только симпатизировали восставшей ополяченной шляхте, но и участвовали в восста-

* Альманах Деда», 2009, вып. 2, с. 136.

нии. Через три поколения правнуки тех же селян создали на деньги Москвы компартию Западной Беларуси (КПЗБ), развернули яростную антипольскую пропаганду, стреляли в 1939 году в спину отступавшим польским пограничникам.

Несмотря на это, после присоединения Западной Беларуси к БССР советские власти репрессировали националистически настроенных членов КПЗБ как «ненадежный элемент» и «агентов польской охранки», а все места в администрации заняли чиновники, приехавшие из России или тогдашней БССР (русифицированной Восточной Беларуси). Этот факт еще раз показывает, что западнорусисты идеализируют, не понимают Россию и русских.

В 90-е годы XX века богатых людей, способных финансировать создание Независимой Беларуси уже не было, а все национальное — стараниями русских пропагандистов и их «пятой колонны» в Беларуси — большинство нашего народа воспринимало как фашизм. Местные «белые русские» не хотели разъединяться с Россией. Наши демократы (такие как Шушкевич, Гончар, Титенков, Синицын, Лебедько, Федута и пр.) вели себя как типичные западнорусисты, не поддерживали националистов из БНФ и помогли прийти к власти Лукашенко. От импичмента Лукашенко спас, напомним, российский десант во главе с тогдашним премьер-министром Виктором Черномырдиным.

Лишенные затем всех государственных должностей, оказавшись в оппозиции, демократы стали создавать разные демократические партии, придумывать новые символы на свои партийные флаги, проповедовать социальные лозунги — о низких ценах, о высоких зарплатах... То есть, пошли по тому же пути, что их идейные предшественники в 1918–1920 годах — социаллисты-революционеры, социалисты-федералисты, социал-демократы и прочие.

Наши демократы, проповедуя дешевые «чарки и шкварки» думают, что тем самым они приближаются к народу, понимают его нужды. Но то, что творится в подсознании нашего народа, видящего вокруг смерть своей национальной культуры и национальных традиций, — об этом знают лишь психологи. Москва и ее идеологи среди «здешних» понимают роль подсознания гораздо лучше, чем демократы. Например, проспект Франциска Скорины (если учесть, что это главная улица страны, принять во

внимание сотни адресов организаций на этой улице) гораздо сильнее своим «Франциском» отвязывал нас от России и привязывал к Европе, чем теперешняя «Незалежнасьць». И они его переименовали.

Или взять установку на сельских дорогах крестов московской церкви — с нижней наклонной перекладиной. Кресты на дорогах — это католическая традиция, в России такой традиции никогда не было и нет сейчас, но у нас их ставят. Смысл этой операции Москвы ясен — используя понятие Бога, закрепить на нашей территории. В подсознании селян на телегах, дачников на автомашинах, грибников и сборщиков ягод, выходящих из леса, эти кресты должны связывать Москву с Богом, а когда эти кресты покроются мхом, Москву-Бога — с нашей стариной-историей. Такая хитрая агитация особенно действует на детей, усваивающих эти кресты вместе с березками, соснами и другими атрибутами Родины.

Или взять стенды со слоганами «Мы — белорусы», «Я люблю Беларусь», «Вместе — мы Беларусь». Только сейчас и то с большим трудом и пока еще не до всех доходит, что наше рабство связано со словом «Русь». Тем временем наши враги уже заранее принимают меры — внушают нам идеологию рабства через подсознание.

Наша оппозиция, если она хочет прийти к власти, должна сначала превратить население на территории РБ в нацию. Лозунг «Жыве Беларусь», который кричали 20 лет на митингах, был ошибочным, он в принципе не способен пробудить народ. Следует заменить его, например, боевым кличем наших воинов: «Гэй ліцьвіны — Бог нам радзіць!» Или таким, который предлагает А.Е. Тарас: «Наша страна — прэвыше всего!»

Ясность в понимании того, кто мы и в каком положении находимся, есть первое условие правильной политики оппозиции.

А если говорить более конкретно, надо заняться усердным просвещением народа, возвращением ему исторической памяти, славного прошлого нашей Литвы и литвинов (вместо того, чтобы молчаливо отдавать нашу историю и наших героев в безраздельную собственность полякам, летувисам и русским); начать разбирать завалы лжи, окружившие нас. Нужно начать работу по ликвидации на нашей земле позорных свидетельств колониального настоящего — переименованием улиц, сносом памятни-

ков «пламенным революционерам», разоблачением политики московской церкви (то есть РПЦ) как колониальной и оккупационной.

Только тогда сдвинется с мертвой точки движение за беларускую «мову» и культуру. Народ заговорит на своем языке при том условии, что начнет себя уважать, а это может произойти лишь благодаря постижению своей подлинной истории. В самом деле, одно дело перейти с русского на беларуский, думая, что мы восточные славяне и с русскими один народ (как это твердит нам Москва), и совсем другое — зная, что генетически мы балты, потомки древних ариев, в противоположность русским, которые генетически являются потомками угро-финнов, а ментально — наследниками азиатов-ордынцев.

Одно дело перейти на беларуский язык, веря российской пропаганде, что с русскими у нас общая история, и совсем другое дело — зная, что русские это наши вековые враги, которые во все времена уничтожали нас и нашу культуру.

Одно дело думать, что христианство пришло к нам из Киева, что мы с русскими и украинцами составляем особое православное царство, и совсем другое — знать, что христианство пришло к нам с Запада, от моравских, полабских и немецких миссионеров, и что православная автокефальная церковь загнана у нас в глубокое подполье. Загнана именно за то, что посмела объявить свою независимость от Московской патриархии!

Одно дело думать, что мы пропадем без России, и другое дело знать, что они нам не доверяют, а потому тянут новые нитки газо-нефтепроводов в обход нашей страны, чтобы в решительный момент поворота к подлинной Независимости отключить от энергоносителей и тем самым поставить нас на колени.

Если все наши оппозиционные силы займутся такой просветительской работой, то число их сторонников быстро возрастет в разы. И тогда вопрос о смене власти будет решен мирным легитимным путем.

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСКОЙ НАЦИИ

Захар Шибeko,

доктор исторических наук, профессор

За два столетия национального угнетения беларусы не превратились ни в поляков, ни в русских. Но и «настоящими» беларусами мы пока не стали. Я полагаю, что для выяснения перспектив беларуской нации следует кратко рассмотреть проблемы ее развития в прошлом и на современном этапе

1. Неразвязанные узлы

Религия

Вследствие многоконфессиональности страны по-прежнему не соединились в единое целое христианская и национальная идеи.

Религиозность не стала характерным отличием беларусов, не стимулирует их собственную культуру и национальную элиту, как это происходит у соседей — в Польше, Летуве, Украине. В результате теряется возможность консолидации общества на основе какой-то одной конфессии. Атеисты, православные, католики, униаты, протестанты (баптисты, евангелисты, новоапостольская церковь, лютеране и др.), сектанты — общая картина очень пестрая.

В таких условиях беларуской нации остается придерживаться идеалов либо атеизма, либо национализма: первый отвергает религиозность, второй выходит за ее рамки. Национализма у нас явно не хватает. Преобладают атеизм и стремление масс к социальному равенству. В этом — специфическое отличие беларусов от соседей.

Следовательно, современная Беларусь может существовать только как атеистическое либо как националистическое государство. Во всяком случае до той поры, когда (и если!) православные, католики и протестанты заменят конфронтацию диалогом и перейдут на беларуский язык.

Язык

Во времена царизма в губерниях Северо-Западного края используемый язык служил отличительным признаком не национальности, а социального положения: белорусский считался «сельским», польский — «панским», русский — языком власти, чиновников. Поэтому беларусу, чтобы «выйти в люди», надо было утвердить себя в качестве «русского» или «поляка».

Наша история сложилась таким образом, что белорусский язык не установил прочной связи с национальной идеей. А русский язык принес с собой сверхнациональные ценности (православные, коммунистические, либеральные, технократические и т.д.). Поэтому и сегодня среди беларусов нет понимания исключительной важности сохранения и развития своего национального языка. Владение «чистым» белорусским языком остается уделом небольшой части населения (максимум 10 %).

Но есть основание смотреть в будущее с оптимизмом. В условиях глобализации русский язык превращается из фактора культуры в техническое средство образования и межнационального общения. Кроме того, по мере расширения международных контактов, особенно на личном уровне, сильно возрастает значение иностранных языков, в первую очередь английского.

В то же время в рамках собственной культуры белорусский язык — вне конкуренции. В этой сфере и русский язык предстает всего лишь как диалект белорусского, в форме так называемой «трасянки».

Историческое и культурное наследие

Историческое беспамятство и культурная неосведомленность — это результат утраты собственной исторической и культурной традиции. Вдобавок, в многочисленных войнах и грабежах были уничтожены либо похищены артефакты нашей истории и культуры, сегодня они украшают зарубежные музеи, в первую очередь российские.

История советской Беларуси началась в 1919 году, а всё, что происходило на белорусской земле до этой даты, коммунистические власти считали либо польским, либо русским. Поддержку государства получала только «пролетарская» культура, по своему содержанию преимущественно космополитическая, но с весьма отчетливым «русским акцентом». Именно поэтому ис-

торический и культурный багаж большинства жителей современной Беларуси (в том числе ее политических лидеров) позволяет им чувствовать себя сравнительно комфортно только среди представителей культуры «русской по форме, советской по содержанию».

Эта ситуация неизбежно изменится после освоения населением своего культурно-исторического наследия и создания современной белорусской массовой культуры.

Отчуждение от власти

В Беларуси укоренилось преклонение перед властью, основанное на страхе, связанном, в свою очередь, с веками деспотического произвола. Народ по привычке все еще ставит власть выше церкви, выше самоидентичности. Так уж повелось: если власть русская, то и народ русский, если власть польская, то и народ польский, а если власть советская, то и народ советский. За «беларуское» власти всегда укоряли: и российские, и польские, и советские.

Поэтому белорусы сначала называли себя «тутэйшымі» («здешними»), а позже — «советскими людьми». Им, в принципе, было все равно, какая власть, лишь бы не мешала жить своими личными интересами. Жизненный опыт настойчиво подсказывал, что к любой власти можно приспособиться. Белорусы научились очень хорошо это делать.

Наша ментальность

Белорусы думают немного не так, как другие. Европейцы не понимают белорусов. Белорусская интеллигенция не понимает своего народа, а народ — свою интеллигенцию. Более того, простые белорусы иногда не понимают друг друга. А все потому, что наш народ не знает собственной ментальности и не рассказывает о ней другим.

Распространение трафаретов городской жизни (вследствие массового переселения селян в города в 1960–80-е гг.), накладывавшихся на привычки и традиции деревенской жизни, развило у наших горожан феномен «недоурбанизированной ментальности».

Такая ментальность проявляется в следующих характерных чертах:

(а) Важная ее черта — мифологизация, склонность к утопиям и мифам, в первую очередь к социальным.

(б) Она также проявляется в отсутствии у граждан развитого исторического сознания. Сельский житель редко интересуется прошлым всей своей страны, ему в основном интересен родной угол.

(в) Еще одна крестьянская традиция — стремление к самоизоляции, к хуторской жизни — желание спрятаться от всех (от власти, от злого соседа, от дурного глаза). Эта черта и сейчас присуща нашим горожанам. Они слабо контактируют между собой. Вечерами сидят у телевизоров, в свободные дни ездят на свои «сотки» или в родную деревню. Между тем город объективно делает своих жителей взаимозависимыми. Простой пример: лишите город электричества на несколько часов и его функционирование приостановится; если же электричества не будет неделю, город окажется на грани массового вымирания.

(г) Для крестьянского менталитета характерно отсутствие развитого национального сознания. У других европейских наций на страже национального сознания стоит государство, опирающееся на сеть взаимосвязанных между собой городов. Но поскольку беларусы долгое время были нацией не только безгосударственной, но и не городской, это закономерно замедлило процесс их национального самоопределения.

(д) Сервилизм (проще говоря — холуйство) тоже имеет сельское происхождение. Корни беларуского сервилизма тянутся со времен крепостного права. В эпоху «второго крепостного права» (коллективизации) эти корни усилились. У беларуских крестьян не было ни времени, ни возможности вытравить их.

(е) Для беларусов характерно не только холуйство, но и чрезмерная спесивость. То и другое — две стороны одной медали. Перед сильными и богатыми — пресмыкаться, перед теми, кто слабее (или беднее) — задирать нос, гоношиться.

(ж) Еще одна черта недоурбанизированной ментальности — завистливость. Говорят, что больше всего беларус радуется тогда, когда у соседа сдохнет корова. Может быть, наши недоброжелатели преувеличивают, но стремления к взаимной поддержке, к взаимопомощи нам действительно не хватает.

Холуйство, спесивость и завистливость — это именно те качества психики, которые мешают сплоченности и консолида-

ции общества. Кстати говоря, по произведениям классиков мировой литературы известно, что холуйство, спесивость, зависть были присущи крестьянству всех народов во все времена. В этом плане белорусские селяне (в том числе переселившиеся в города) ничем особенным не отличаются от других. Разве что маловато стремления избавиться от названных грехов.

Но по мере появления все большего числа горожан в третьем, четвертом и следующих поколениях, феномен «недоурбанизированной ментальности» непременно исчезнет.

2. Причины нынешнего положения

Беларуский вариант городской идентичности

Специфику белорусской нации и многие недоразумения в наших отношениях со странами Западной Европы объясняют местные особенности городской идентичности.

Европейские города в своем развитии прошли три этапа:

- 1) открытый аграрный город;
- 2) закрытый торговый, самодостаточный, свободный город;
- 3) индустриальный город, подчиненный государству, «вмонтированный» в национальное государство, которое само сформировалось по образцу свободных городов.

В странах Западной Европы городская идентичность постепенно превратилась в идентичность национальную.

На белорусских землях в ранний период существования ВКЛ тоже существовали открытые города. В период расцвета ВКЛ и его конфедеративного союза с Польшей сложились здесь и полузакрытые города, внутренне свободные, хотя внешне зависимые от крупных местных феодалов (магнатов). По образцу свободных городов было создано свободное шляхетское государство (политическое и социальное).

А вот белорусское национальное государство не успело возникнуть. В результате разделов Речи Посполитой белорусские земли были вырваны из европейского контекста развития и наильно помещены в сферу российского азиатства. В России не город господствовал над деревней, а деревня (в лице дворянства) — над городом.

В российской истории не было ни одного периода, благоприятного для независимого развития городов по своим внутренним

законам. Поэтому не города моделировали национальное государство московитов, а Московское государство моделировало города по своему образцу. Государство это было деспотическим, ибо с самого начала (с XIII века) являлось составной частью Золотой Орды, с присущим ей жестким иерархическим подчинением мелких феодалов более крупным вплоть до великого хана (или царя).

Российские власти путем насилия и мелочной регламентации переделали города ВКЛ (Беларуси) на свой манер. Поэтому беларуская городская идентичность не переросла в государственную идентичность. Напротив, сельская идентичность оказала существенное влияние на идентичность городскую. Но первая принципиально мешает формированию современных наций. Горожанам сельского происхождения, каковых у нас по-прежнему большинство, до конца своей жизни не удастся преодолеть бессознательное недоверие (даже враждебность) к городской цивилизации. Помимо всего прочего, это недоверие трансформируется у них во враждебность к Европе как цивилизации городов.

До тех пор, пока город не подчинит себе деревню, пока не распространит на нее городское сознание, пока не урбанизирует крестьян — до тех пор нельзя будет говорить о единой консолидированной нации. Вот почему для того, чтобы стать современной европейской нацией, нам нужна городская ментальность.

Урбанизация и национальная консолидация

Городские центры до последнего времени не способствовали консолидации жителей Беларуси. На то был ряд причин:

а) Беларусь долгое время были не только лишены собственной государственности, но и оставались преимущественно сельской нацией (всего 17% горожан по переписи 1897 года).

б) Средневековая традиция городской жизни беларуского народа была прервана в конце XVIII века, с той поры он никогда не ощущал себя господином в городах своей страны. Город остается ментально «чужим» для большинства беларусов даже сегодня.

в) Беларуский город демографически очень долго (до второй половины XX века) проигрывал деревне. Между тем власти Рос-

сийской империи традиционно опирались на деревню, а не на город.

г) Стремительный рост городского населения в 1960—80 годы не привел к трансформации сельской ментальности переселенцев в городскую. Между тем, крестьянские по ментальности нации не только разобщены, но и беззащитны перед угрозами извне. Они стремятся приспособливаться к любой власти, вместо того, чтобы упорно бороться за свой суверенитет, свои права и интересы.

д) В белорусских городах и в XIX и в XX веках отсутствовало демократическое управление. Они не дали образцов для формирования современного правового государства.

е) Массовая культура, создающаяся в настоящее время в наших городах и нивелирующая нацию, в основном использует русский, а не белорусский язык.

ж) Минск не является бесспорной столицей Беларуси. Он и не лучшая столица, так как лишен славного исторического прошлого (например, по сравнению с Полоцком или Новогрудком).

Только городская модель государства создает ситуацию гомогенности: «все жители Парижа — парижане, все жители Франции — французы». Государства сельского типа создают условия лишь для межэтнических конфликтов, как в деревне — кто чью границу земельного надела запахал. Яркий пример из новейшей истории — конфликт между азербайджанцами и армянами. Государства, крестьянские по своему духу, только и занимаются тем, что провоцируют подобные ссоры.

Новую социальную модель нации (в частности, с неизбежным разделением граждан на богатых и бедных) тоже могут принять люди только с городской ментальностью, ибо крестьяне традиционно стремятся всех уравнять и всё разделить.

В связи с этим возникает вопрос — смогут ли современные белорусские города сформировать национальное самосознание у большинства граждан и консолидировать нацию, как это сделали города Западной Европы? Сможут ли они стать образцовыми городами демократии, чтобы и государство в результате стало демократическим? Иными словами, смогут ли они пройти тот прерванный царской и большевистской экспансией путь

взаимоотношений с государством, который прошли города Запада?

Это — не просто. Тем более, что те города, которые ранее терпеливо выращивали национальную идентичность, на Западе всё больше становятся транснациональными и транскультурными. В них уже проявляется функция разрушения национальных традиций.

Думаю, что белорусские города прежде чем вступят в разрушительную фазу, обязательно пройдут пропущенную ранее созидательную. Процессы глобализации еще не затронули их (разве что Минск, да и то немного). Оптимизм придает и то обстоятельство, что белорусам присуща ментальность либерального типа. Русские, напротив, отличаются ментальностью тоталитарного типа.

Очевидно, что разобщенность белорусов возможно преодолеть только в рамках урбанизированного менталитета и только в рамках городской цивилизации. Поэтому наш народ должен учиться пользоваться достижениями городской цивилизации. Урбанизация ментальности сельских жителей ведет к постепенной ликвидации их традиционного противостояния горожанам. По мере усиления «духовной урбанизации» провинциализм («ту-тэйшасць») постепенно исчезнет, утвердится авторитет национальных центров. Придет осознание того факта, что Минск и Брест, Гомель и Витебск, Могилев и Гродно — это наши Москва и Варшава, Париж и Берлин, Прага и Будапешт...

Именно тогда белорусские города сыграют свою консолидирующую роль.

Союз ... с кем?

После распада Российской империи белорусы уже 90 лет идут, казалось бы, неизвестно куда. В XIX веке белорусы стремились к союзу с соседними народами, но как свободные со свободными, равные с равными. И на протяжении всего XX века их неизменной фундаментальной идеей тоже оставалась идея федерализма.

Именно федеративный союз предлагали всем соседям деятели БНР. Идея федерации с Польшей либо с Россией питала надежды белорусских патриотов на объединение своих земель в межвоенный период. С той же идеей были связаны надежды на

поддержку Беларуси государствами Западной Европы во время Второй мировой войны.

В составе Советского Союза — этого нового варианта Российской империи — беларусы в определенной степени реализовали свои идеалы федерализма. Нынешнее стремление к союзу с Россией, присущее части политической элиты и народа, не означает полное отсутствие национального самосознания. Сейчас речь идет не об этнической солидарности с русскими, а солидарности государственной, политической.

Стремление к федерализму не является свидетельством собственной недостаточности, якобы присущей беларуской нации. Это всего лишь стратегия выживания в условиях сложной геополитической ситуации. Думаю, что стремление к федерализму, временно монополизированное Россией и ее сторонниками, в конечном итоге приведет беларусов от «имперской унии» — через независимость — к общеевропейскому пути (унии демократической).

Привязанность к России

В отношении беларусов закрепилось мнение (преимущественно в России), будто они мало отличаются от русских и не видят своего будущего вне России. Но правда заключается в том, что в советский период истории, особенно после 1945 года, беларуский народ подвергся сильнейшей русификации, намного превзошедшей всё, что делалось в этой области при царизме. Поэтому после провозглашения независимости Беларуси в 1991 году сразу вернуться к уровню национального самосознания 1920-х годов было невозможно. Именно это обстоятельство стало одной из главных причин политического поражения Беларуского народного фронта.

Парадокс современного беларуского государства состоит в том, что оно до сих пор не стало инструментом национализации своих граждан. Скорее наоборот — способствует их денационализации в пользу русской нации. Среди причин такого феномена — сила исторической инерции (то есть, российского провинциализма). Эффект этой инерции таков, что Беларусь, уже отрезанная от России, вплоть до недавнего времени повторяла все ее движения. Складывалось впечатление, что создается еще

одно параллельное русское государство и еще одна параллельная русская нация.

Интрига в жизни беларусов

Всякий раз, когда беларусы заявляли о своем праве на независимую политическую жизнь, соседи интерпретировали это как чью-то интригу. Так, беларускую газету «Наша Ніва» русские считали польской интригой, а поляки — русской. Провозглашение БНР в Москве считали интригой польской, а появление БССР в Варшаве восприняли как русскую интригу. Даже сейчас провозглашение независимости Беларуси кое-кто расценивает как интригу ЦРУ! Что ж, беларусы прошли хорошую школу интриг, а потому могут легко превратить их из средства оскорбления в оружие самообороны.

Идеалы свободы беларусов

Не только иностранцы, но и сами беларусы очень мало знают об идеалах свободы, складывавшихся в беларуском крае во времена двухсотлетнего господства России. Отсюда проистекают сомнения в жизнеспособности беларуской нации. Однако новая и новейшая история беларусов — это именно история их стремления к независимости от России.

В нашей освободительной борьбе можно выделить пять периодов.

1. Первый проходил под флагом возрождения утраченной государственности — Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Он характеризовался пропольскими иллюзиями. За первые 70 лет российского господства беларусы четыре раза — в 1794, 1812, 1831 и 1863 гг. — включались в безрезультатную борьбу народов бывшей Речи Посполитой с царизмом. Через этап напрасных надежд на возврат шляхетской свободы прошли также поляки, украинцы и летуvisы. Тем не менее, приверженность народов бывшей Речи Посполитой идеалам свободы ускорила отмену крепостного права в Российской империи.

2. На втором этапе пропольские иллюзии сменились пророссийскими. Этот этап начался в 80-е годы XIX века, когда беларуские народники (группа «Гомон») выдвинули идею административно-культурной автономии Беларуси в составе России. Опять-таки, через этап напрасных надежд на российскую демократию

прошли не только беларусы, но и соседи — украинцы, летуvisы, поляки. И все же стремление народов Российской империи к национальной автономии позволило в конце концов свергнуть режим самодержавия, в рамках которого такие надежды оставались нереальными.

3. Третий период (1917—1945) отличался разнообразием вариантов. Наряду с сохранением идеи автономии, а затем федеративного союза с Россией, постоянно возникали другие проекты. В первую очередь надо отметить идею полной независимости Беларуси. За нее боролись деятели БНР, патриоты Западной Беларуси, беларуские патриоты времен Второй мировой войны, «лесные братья» и подпольщики послевоенного антисоветского сопротивления.

Третий период прошел для беларусов, летуvisов, украинцев, поляков под знаком поиска и реализации идеалов национальной государственности. Они не могли быть идентичными, а потому вызвали массу конфликтов и недоразумений. Этим обстоятельством воспользовались такие социально опасные экспериментаторы как коммунисты и нацисты. И все же совпадение идеалов народов Восточной Европы позволило им избавиться от угрозы нацистского порабощения.

4. Четвертый этап (1950—1984 гг.) оказался самым мрачным. Беларуская нация находилась в коматозном состоянии. Политическая оппозиция не существовала. Генерировать национальные идеалы после бойни 30—40-х годов было просто некому. О независимости мечтали лишь единицы, имена которых большей частью остались неизвестными. Лишь в беларуском зарубежье идея независимости Отчизны сохранялась, наполняя смыслом жизнь политических изгнанников. Эта идея приводила беларускую эмиграцию в ряды борцов за демократию, способствовавших краху коммунизма.

5. С середины 1980-х годов, вслед за горбачевской либерализацией, начался пятый период — период возрождения и осуществления в Беларуси идеалов независимости. В отличие от предыдущих периодов, ныне они соединяются с идеалами интеграции в международное сообщество. Именно международная солидарность позволила беларусам вместе с другими народами Восточной Европы избавиться от коммунистического тоталитаризма.

Однако для окончательного утверждения своих национальных идеалов гражданам Беларуси еще предстоит преодолеть советизацию, духовно-идеологическую и экономическую зависимость от России, выработать цивилизованную модель сотрудничества с ней, а также с другими европейскими странами.

3. Путь в будущее

Ускоренная национализация

За годы советской власти белорусы утратили культурно-национальные достижения нескольких столетий. Поэтому в 1991 году пришлось заново начать движение по пути осознания своего национального единства и избавления от российского провинциализма, так же, как свыше ста лет назад мы начали избавляться от польского провинциализма.

Но существует принципиальное отличие от ситуации прошлого. Ныне этот процесс осмысления происходит в условиях независимого белорусского государства. Период, когда белорусы хотели быть «русскими», завершился после референдума 1995 года. В 1996 году идею «нового западнорусизма» сменила идея федеративного союза с Россией. Всеобщее недовольство неискренностью российских стремлений к интеграции породило в 1997 году идею белорусского панславизма. Но если славянские народы Балкан идея славянского единства в свое время спасала, то белорусов — губила. Россия по-прежнему настолько «любит» Беларусь, что готова проглотить ее целиком. Поэтому идея панславизма быстро утратила в белорусском обществе свою привлекательность.

Утратили популярность и планы интеграции «по-советски». Уже никто не верит в то, что проявлений дружеских чувств в отношении к России достаточно для того, чтобы она подкармливала Беларусь. Все эти изменения общественного настроения — суть движения живой белорусской нации. Она ускоренными темпами воспроизводит прежний столетний путь. Сегодня народ осознает свою самобытность гораздо отчетливее, чем в 1991 году. Национализация «новой номенклатуры» тоже идет, хотя и в замедленном темпе.

Выбор модели нации

Исторический опыт показывает — надежнее всего рассчитывать на собственные внутренние силы. Беларуский национальный проект на протяжении двух столетий остается малоуспешным в значительной мере именно потому, что в его основе лежала ориентация на внешние силы. А они никогда не поддерживали национальные стремления беларусов.

Но, исходя из реальной ситуации, нам надо ориентироваться не на культурную (этноязычную) модель нации, которая была эффективной в XIX веке, а на современную государственно-политическую (функциональную) модель.

Правда, не стоит забывать, что государственно-политическая модель тоже строится на основе языка, культуры, традиций титульной нации. Суть в том, что национальные ценности в рамках государственно-политической модели неизбежно принимают представители всех этносов страны. Все, что имеется в Беларуси — беларуское. Все граждане Беларуси являются беларусами. Этот факт позволяет всем жителям нашей страны чувствовать себя хозяевами на своей земле, воспринимать Беларусь во всей совокупности того, что в ней есть хорошего и плохого.

Уже все поняли, что в современном Минске живут минчане, в Полоцке — полочане. А вот в Беларуси пока еще живут беларусы, русские, поляки, украинцы, евреи, татары и прочие — все сами по себе. Они еще не научились считать себя беларусами русского, польского, украинского, еврейского, татарского или иного происхождения.

Национальная элита и национальный проект

Национальная элита традиционно терпела поражение в борьбе за распространение национальной идеи, так как ее периодически уничтожали, либо переманивали к себе на службу соседние государства. А национальный проект не получал надежного финансирования.

Поэтому деятельность беларуской интеллигенции по созданию современной нации станет эффективной только тогда, когда на помощь интеллектуалам придут «новые беларусы». По мере повсеместного утверждения принципов частной собственности и свободного предпринимательства носители национальной идеи избавятся от монополизма государства и обретут независи-

мый источник финансирования в лице национальных банкиров, торговцев, фабрикантов, фермеров, «среднего класса». Только тогда перестанет работать принцип: какова власть — такова и нация.

Жители Беларуси останутся гражданами своего государства при любой геополитической ориентации властей. Но экономическая мощь вернет им утраченный духовный суверенитет и национальное самосознание, а политическим лидерам — уверенность в своих силах. Нынешняя слабость национальных политических партий — в первую очередь от нищеты.

Испытание будущим

В независимой Беларуси существуют два варианта достижения цивилизованности — через свою собственную культурно-историческую традицию и через российско-советский провинциализм. В 1991–1995 годах преобладал первый вариант, который его противники объявляли «гибельным» для народа. После 1995 года преобладает второй вариант, который опять-таки рассматривается оппонентами как путь «в никуда». В том и другом случае мы имеем дело с излишней драматизацией, прищущей политикам и журналистам.

Безусловно, самоутверждение современной белоруской нации на основе отечественной культурно-исторической традиции — лучший вариант. Однако и отрыв от исторической традиции лишь усложняет процесс самоутверждения, но не прекращает его. В крайнем случае, национальное самоутверждение может происходить и на основе российского провинциализма. Разумеется, путь от такого провинциализма к белорускому национальному самосознанию является более долгим и менее продуктивным.

Наличие национально ориентированной политической оппозиции (пусть слабой идейно, организационно и политически), а также обострение — в условиях мирового экономического кризиса — вопросов экономической целесообразности ставят сторонников российского провинциализма в крайне сложное положение. Следовательно, неизбежен и «дрейф» властвующей элиты в направлении национальной культурно-исторической традиции. Иного пути для нее просто не существует, если только исключить вариант полного отказа от государственного суверенитета и добровольной передачи власти руководству соседнего государства.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ КОЛОНИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Тарас Кузё (профессор, Канада)

Одним из результатов распада СССР в декабре 1991 года стала деколонизация последней в мире империи.

Постсоветские колониальные страны в области формирования нации и государственного строительства проводят примерно такую же политику, что и другие постколониальные страны, ибо тоже стремятся избавиться от колониального наследия.

Главную роль при этом играет освобождение национальной истории от стереотипов, навязанных бывшим имперским центром, создание (или возрождение) национальной историографии, помогающей консолидировать граждан новых национальных государств. Во всех странах (в т. ч. принадлежащих к «цивилизованному Западу») национальная историография, мифы и легенды являются важнейшей составной частью национального сознания.

1. Советская национальная политика: роль исторической памяти

СССР – колониальная империя

Бывший СССР соответствует определению империи с четко выделенным центром (Москва, РСФСР) и периферией (остальные республики). В центре находились государственные учреждения империи, а руководство на окраинах осуществляли чиновники, назначенные властвующей элитой имперского центра.

Из журнала «Nationalities Papers», 2002, vol. 30, № 2. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

Майкл Доил определяет империю как «отношения, при которых одно государство формально или неформально контролирует политический суверенитет других государств». Подобное определение точно соответствует советским реалиям.

Окраины (союзные республики) подчинялись центру. Местная элита управляла окраинами от имени центра. Центр подчинял себе, контролировал и охранял окраины, хозяйничал в них, исполнял роль посредника, перераспределял средства.

Господствующей идеологией в советской империи был марксизм-ленинизм и, что еще важнее, российский империализм. В многонациональном советском государстве русских называли «старшими братьями». В советское время только Россия, единственная из 15 союзных республик, не изображалась «родиной» титульной нации. «Родиной» для русских был весь Советский Союз — такая политика умышленно стремилась связать воедино русское и советское самоопределение (идентичность).

В случае с западными империями национальные государства образовались до завоевания колоний в других частях света. Поэтому Англия и Франция смогли сравнительно легко расстаться со своими колониями — они вернулись к национальному государству, возникшему раньше империи. Но были два исключения, когда границы между центром и периферией оказались «размытыми», — Ирландия и Алжир, колонии, включенные соответственно в британскую и французскую метрополии. Разрыв с этими внутренними колониями обошелся в миллион жизней в Алжире и привел к многолетнему кровавому конфликту в Северной Ирландии (в Ольстере).

В период с 1922 по 1947 годы Ирландия была доминионом, подобно другим «белым» британским колониям (Канада, Австралия и Новая Зеландия). Обретя в 1947 году независимость, Ирландия потеряла промышленно развитый, но этнически неоднородный северный регион: Ольстер отошел к Британии. Украина же, наоборот, унаследовала аналогичную область — Донбасс, где проживает 20% ее населения.

Между Ирландией и Великобританией сохранялись особые отношения. Граждане Ирландии, проживавшие в Великобритании, имели равные права с местным населением, могли участвовать в выборах. Когда в 1922 году образовалось Ирландское Свободное Государство, 96% его экспорта приходилось на Соеди-

ненное Королевство. Несмотря на все меры с целью уменьшения зависимости от британского рынка даже сегодня 50% ирландского экспорта идет в Соединенное Королевство. Великобритания — крупнейший инвестор в ирландскую экономику. Отделение Ирландии от Соединенного Королевства лишь немного ослабило связи (экономические, человеческие, культурные) между двумя государствами.

Между Ирландией и Украиной прослеживаются параллели в том, как преодолевается колониальное наследие. Ирландское Свободное Государство пыталось возродить ирландский гэльский язык, но из этого замысла ничего не вышло. Сегодня всего 2 % населения пользуются ирландским языком в повседневном обиходе. Большинство ирландцев слушает британское радио, смотрит британское телевидение. Нечто похожее происходит и в Украине, где сохраняют свою популярность российское радио и телевидение. В обоих случаях могучее влияние языка-гегемона из соседней страны углубляет последствия колонизации — англизацию (в Ирландии) и русификацию (в Украине).

К моменту обретения независимости как в Ирландии, так и в Украине населению был присущ двойной патриотизм: англо-ирландский и русско-советский. Англо-ирландцы гордились своим ирландским происхождением, но не отвергали связь и с «высшей» английской культурой. Они были патриотами своего края, как и «русско-советские» ощущают привязанность к украинской земле.

Идее «краевого патриотизма» противопоставляется этническо-культурный концепт нации, выдвинутый в Ирландии Гэльской Лигой, а в Украине — Обществом украинского языка и «Рухом» (Движением). Национальное освобождение связывается с культурным национализмом, который должен защитить от культурного и языкового наступления Англии в одном случае, России — в другом. Отсюда — призывы зачеркнуть столетия англизации и русификации. Но поскольку установить ирландскую или украинскую этнокультурную гегемонию вряд ли возможно, приобретение местным национализмом цивилизованных форм замедляется.

В ирландско-британском случае до сих пор не решена проблема «обида на колонизатора». В этом плане на ирландско-британские отношения весьма похожи украинско-российские. Так

что не следует надеяться, что украинско-российские отношения нормализуются в течение ближайших десятилетий.

Ирландия потеряла, а Украина едва не потеряла свой язык. Ирландию колонизовали англичане и шотландцы, Украину — русские. И в Ирландии, и в Украине преследовали католиков (в Ирландии католики получили избирательное право намного позже протестантов). В обеих странах произошла ассимиляция высших слоев общества. И ирландцы, и украинцы превратились в «неисторические» крестьянские нации, лишённые национальных господствующих элит. В Ирландии погибли десятки тысяч, в Украине — миллионы, обе страны извели голодомор, которому в Ирландии частично, а в Украине в большой степени способствовали власти метрополии. Миллионы ирландцев и украинцев уехали в Северную Америку, а также (в украинском случае) — в Сибирь и на российский Дальний Восток.

И в Ирландии, и в Украине колонизация остановила рост населения, тогда как в метрополиях он происходил быстрыми темпами. В 1654 году, когда Московия и Запорожская Сечь (Левобережная Украина) подписали Переяславльский договор, численность населения в обеих странах была примерно одинаковой. Сегодня в России она втрое больше, чем в Украине.

И в ирландском, и в украинском случаях неприязнь к господствующей нации, передававшаяся из поколения в поколение, в огромной мере повлияла на формирование образа «колонизатора». Англичане в течение столетий обращались с ирландцами как с варварами и вырожденцами. Английская и русско-советская национальная политика презирала, соответственно, гэльский и украинский языки, считала их «мужицки-ми», непригодными для современного мира.

После распада царской империи русские не стали создавать свое независимое государство. Вместо этого в 1922 году Россия навязала прежним колониальным окраинам идею Советского Союза. Центр этого государства (Москва) с 1934 года вернулся к царской национальной политике, направленной на слияние имперской территориальной (советской) и этнической (русской) идентичности.

Во второй половине 1991 года все союзные республики отделились от СССР, приняв декларации о суверенитете. РСФСР пришлось с этим смириться. Российские лидеры желали сохра-

нить конфедеративный союз независимых государств на постсоветском пространстве, в котором Россия по-прежнему доминировала бы в политической, военной, экономической и культурной сферах. Но такое понимание СНГ резко отличалось от идеи «цивилизованного развода», который поддерживала Украина, — для нее независимость была абсолютной ценностью.

Все 90-е годы Российская Федерация колебалась между идеями собственного национального государства и конфедерации с бывшими «союзными республиками». Но последние видят в такой конфедерации новый вариант подчинения, а не равноправного союза, поэтому он не находит поддержки даже у таких пророссийских государств, как Армения и Казахстан.

В трех колониальных странах — Украине, Беларуси и Молдове — целью политики имперского центра была либо полная ассимиляция народов, рассматривавшихся как ответвления единого русского племени (украинцы и беларусы), либо создание новой нации путем искусственного отделения бесарабов (молдаван) от румын.

Украина и Беларусь получили тяжелое колониальное наследие, от которого они вряд ли когда-нибудь освободятся до конца. Русский язык был языком прогресса (урбанизации, индустриализации, науки и техники), а также языком власти. Украинский и беларуский языки считались местными диалектами, на смену которым придет русский язык, как только оба этих народа ассимилируются в единую русскую нацию. Украинцы и беларусы усваивали мировую культуру через посредничество русского языка, тогда как украинский и беларуский языки утратили будущее и были оставлены умирать в деревенских хатах.

Советская историография и формирование наций

После 1934 года советская историография в основном вернулась к модели истории времен царской империи. Прочитав такую историю, «сам царь остался бы доволен». Эта историография служила имперской национальной политике компартии, разрабатывала и навязывала новую историческую мифологию, чтобы объединить все народы вокруг русского «старшего брата».

К середине 50-х годов советская историография с ее мифами прошла полный круг возврата к российско-имперскому образцу. Так, после нескольких ревизий, советская историография пре-

вратила советскую версию украинско-российских отношений в точную копию официально принятой в царское время. В 1954 году «Тезисы о воссоединении» (к 300-й годовщине Переяславльского договора 1654 года между Запорожской Сечью и Москвией) во многом повторяли схемы «официальной национальной политики» Николая I, впервые сформулированные в 30-е годы XIX века (например, в изданной в 1837 году «Русской истории» Николая Устрялова).

Основополагающими моментами исторического мифа советской историографии были следующие:

— превосходство «великороссов» («старших братьев») над всеми остальными;

— отсутствие национальной вражды между русскими и нерусскими как в прошлом, так и в настоящем;

— эти мифы должны были способствовать становлению советского (русского) патриотизма;

— господство России над Украиной и Беларусью было не результатом «завоевания», а «возвращением» под царскую опеку.

— нерусские народы не завоевывались, а присоединялись к Российской и советской империям только путем «объединений» и «воссоединений»;

— «объединение» и «воссоединение» давало в основном положительные результаты и в любом случае было «меньшим злом» (например, для Центральной Азии «объединиться» с Россией было «лучше», чем покориться Британии, для Беларуси было «лучше» подчиниться России, чем Польше);

— националистические выступления против империи не соответствовали желаниям народов, которые только и мечтали о том, чтобы слиться с русским «старшим братом»;

— предельная централизация управления объявлялась прогрессивным шагом;

— нерусские народы Союза неспособны создать собственные независимые государства;

— русская цивилизаторская миссия принесла много пользы соседним народам.

Согласно с новой национальной политикой СССР (версии 1947 и 1954 гг.), восточные славяне принадлежат к единому историческому сообществу, имя которому — «русский народ». Украинцы и беларусы не отдельные этносы, а местные ответвления

русского племени. Потому независимое государство для них — явление неестественное, существовать оно может исключительно «временно», до «объединения» с Россией.

Советская историография с ее русоцентризмом ограничила общую историческую память и самосознание народов в составе СССР пониманием своей этнографической специфики как географических единиц России. В восточной части Украины и в Беларуси эта царско-советская историография трансформировала историческую память и национальное самосознание населения в этнографический местный патриотизм, который не противоречил советско-русскому патриотизму.

2. История и национальное самоопределение на постсоветском пространстве

Историография и формирование нации

История никогда не бывает действительно объективной. По мнению Джонатана Фридмана, «сознательная политика заключается в том, чтобы связать современность с жизнеутверждающим прошлым. Поэтому бывшее выстраивается согласно со стремлениями тех, кто сегодня пишет учебники истории». Следовательно, «вся история, в том числе и современная историография, является мифологией», ибо «история — это отражение современности в прошлом»*.

Невозможно сформировать новое национальное самосознание, объединяющее население, без опоры на мифотворчество. Через мифы пробуждается понимание общей судьбы, они «делают акцент на сплоченность в борьбе против врагов, более ярко очерчивают границы». Чтобы возродить и изобрести новое «воображаемое сообщество», националисты всегда обращаются к прошлому. Энтони Д. Смит пишет:

«Без мифов, коллективной памяти и символов, проводящих раздел между участниками сообщества и «иноземцами», без культурной элиты, которая разрабатывает и объясняет мифы, настоящий этнос существовать не может»... «Мифы придают культурному сообществу ощущение значительности и содержательности, ощущение принадлежности к организованному народу».

* Русский и советский историк Михаил Покровский (1868–1932) утверждал то же самое: «История — это политика, опрокинутая в прошлое». — *Прим. ред.*

А колонизаторы стремятся стереть историческую память, и вместе с ней — национальное сознание, чтобы таким образом упростить ассимиляцию «туземцев». Поэтому возрождение исторической памяти, обновление национальной историографии тесно связано с возрождением национального сознания в противопоставлении себя — «Другому» (бывшей метрополии). Соответственно, вопрос о том, кому «принадлежит» прошлое, — это вопрос о том, кому принадлежит власть в настоящем.

Большинство населения бывшей колонии приветствует переосмысление прошлого, но у национального меньшинства может возникнуть ощущение измены. Например, русским тяжело привыкнуть к тому, что в Украине, Молдове и Казахстане они превратились в национальное меньшинство (в Беларуси они срослись с правящей элитой титульной нации). К тому же прежняя российская политика уже не рассматривается во вновь созданных независимых государствах в положительном свете.

После того периода, когда бывшие хозяева заставляли их думать, что сами они неспособны ни к чему без помощи «старшего брата», национальные элиты в бывших союзных республиках СССР стремятся вернуть себе чувство собственного достоинства. А для этого необходимо покончить с национальной дискриминацией и избавиться от комплекса неполноценности, привитого имперскими властями.

Главное в деле возвращения самоуважения — доказать право на собственную национальную историографию. Колонизаторы навязывают «покоренному народу» свое видение его истории, ведь это один из методов «овладения, управления и господства над разными сферами деятельности».

Если же политическое руководство бывшей колонии (как в белорусском случае) не считает, что в имперскую эпоху их страна являлась колонией, тогда у него нет причины отказываться от традиционной имперской историографии. Украина, строящая действительно независимое государство, отвергла советскую историографию, прославляющую «старшего брата» и не признающую за украинцами права на самостоятельность. В отличие от нее Беларусь, стремившаяся до недавнего времени к объединению с Россией, по-прежнему использовала историографию советского времени.

В постколониальных государствах властвующая элита ставит историкам задачу «доказать» право коренного населения на собственную историю. Без национальной истории они так и останутся пассивными объектами политических процессов, а их национальное сознание и впредь будут формировать бывшие колонизаторы. Искажение, переименование истории колонизованных стран — важный аспект колониальной политики. И касался он как бывшего СССР, так и Африки с Азией:

«В конечном счете колониальные власти стремились убедить коренных жителей в том, что колонизатор принес свет в их мрак» (Г. Бгабга)

В постсоветских странах идет мучительная борьба за то, кому задавать тон в культурной политике новых независимых государств: «нативистам» или «ассимилированным». Эти группы имеют разные взгляды на формирование нации, на содержание национальной историографии и мифологии. «Нативисты» видят колониальное прошлое исключительно в мрачных красках. «Ассимилированные» же если и критикуют его, то выборочно, коммунисты, например, рассматривают это время как «золотой век», не подлежащий критике.

Не исключено, что «нативистам» придется пойти на компромисс с «ассимилированными», делить с ними власть, а культурное верховенство не будет принадлежать ни тем, ни другим. Украина дает пример компромисса между «нативистами» (украинофилами) и «ассимилированными» (русофилами).

Возвращение прошлого: формирование наций в бывшем СССР

Советский Союз оставил в наследие 15 государствам, возникшим на его территории, путаные представления о национальной идентичности. Больше всего от русификации и денационализации пострадали украинцы и беларусы, так как их стремились полностью ассимилировать в советскую имперскую Россию. Из 15 государств только четыре — три балтийских (Летува, Латвия, Эстония) и Армения имели консолидированные национальные сообщества. В остальных странах население еще не приобрело характерных признаков того, что политологи и антропологи называют коллективной самоидентификацией.

Потому в процессе «перехода от империи» для постсоветских государств чрезвычайно важную роль играет формирование национального гражданского сообщества и становление институтов государственности. По мнению ряда ученых, недоформированность нации «несет в себе наибольшую угрозу проекту политического и экономического либерализма в Восточной Европе». Государства должны быть способны проводить свою собственную политику, а нации должны завоевывать приверженность граждан. И вот постсоветские государства оказались в патовой ситуации: с одной стороны — «пережитки империи», с другой — «недоразвитая демократия», с третьей — «недоформированные нации».

Во многих постсоветских странах до сих пор неясно содержание «национальной идеи». От того, какую форму она примет, зависит, кто будет задавать тон в культуре государства. Поскольку Российская Федерация стала правопреемницей СССР, то она по определению стала наследницей империи. Между тем, в национальных мифах, составляющих фундамент государств и придающих целостность их национальным идеям, бывший захватчик выступает в роли главного антагониста.

В определении центра, титульной культуры (то есть «культурной гегемонии»), государственного (официального) языка, государственных символов, историографии на каждое государство неизбежно влияет его прошлое. Все постсоветские страны унаследовали этнокультурное понимание наций от советской национальной политики. Каждая республика (за исключением РСФСР) считалась родиной своей титульной этнической группы, где — теоретически — данная этническая группа должна была задавать тон, а ее язык — иметь официальный статус.

Постсоветские государства не могут бесстрастно подходить к решению следующих вопросов:

— кто должен играть определяющую роль при определении данного политического сообщества: только титульная нация или титульная нация и русские;

— на какой национальной историографии остановить свой выбор;

— является ли бывшая метрополия враждебным «Другим»;

— сколько иметь государственных языков (только свой или также русский);

— какие избрать национальные символы (флаг, гимн, герб, названия органов власти, денежной единицы и пр.).

Постсоветские страны ищут теперь свою «утраченную» историю в доимперских временах, чтобы доказать, что и у них был свой «золотой век», что прошлое подтверждает их право на собственное независимое государство. Это особенно существенно тогда, когда между бывшей метрополией и колонией остаются территориальные споры. Каждой нации необходимо уяснение общих исторических корней, чтобы в далеком прошлом увидеть ростки национального единства.

В СССР нерусских учили, что им не была нужна независимость, что они всегда желали только одного — объединиться с русским «старшим братом». Потому все попытки восстановления самостоятельности рассматривались как «измена», так как они разрушали это единство.

Жители постколониальных стран разобщены по религиозным, региональным и классовым признакам. Часто только элита разделяет державотворческую концепцию формирования «воображаемого сообщества». Что до остального населения, то оно отождествляет себя со своей небольшой местностью и не проявляет приверженности к новообразованному национальному государству. И в «третьем мире», и в странах бывшего СССР процесс формирования нации и государства обычно замедлен тем, что идет рука об руку с деколонизацией.

В постсоветских странах происходит переход от империи, когда национальное государство строится на базе унаследованного псевдогосударства (прежнего «административно-этнографического округа»). В них, как и в других в постколониальных странах, «переход от империи» имеет четыре слагаемых:

- (1) формирование нации;
- (2) строительство государства;
- (3) демократизация;
- (4) создание рыночной экономики.

Цивилизованный национализм и национальное единство помогают преодолеть разобщенность общества, некогда способствовавшую их завоеванию.

Империи в наибольшей мере разрушают культурные основы колоний. В нашем случае — культуру титульных наций в Украине, Беларуси и Казахстане. Здесь коренное население массово

русифицировалось либо стало двуязычным. Джерри Смолич пишет:

«Социальные группы можно выделить в отдельные культурные сообщества именно на основе стержневых ценностей. Если группа теряет свои стержневые ценности, то в результате она распадается как сообщество, способное сохранять свое единство на протяжении поколений».

Когда размываются эти стержневые ценности (язык, культура, национальная историография, коллективная память), когда под угрозой оказывается национальная идентичность, тогда особое значение приобретает культурная жизнь. Именно на основе национальной культуры происходило объединение народов для сопротивления империи. В 1980-е годы народные движения в трех балтийских странах, в Украине и Беларуси, в Молдове, Грузии и Армении возникли на волне борьбы за свои национальные и общедемократические права, ибо советская имперская политика несла угрозу их культурам и языкам.

Опасность увеличилось переселение русских в нерусские республики бывшего СССР. Русских переселенцев Москва в большом количестве направляла в Латвию и Эстонию, Украину и Беларусь, Молдову и Казахстан. В 80-е годы титульная нация составила менее половины населения в Казахстане, чуть более 50 % — в Латвии.

В постколониальных государствах бывшего СССР элиту и простой народ часто разделяют культура, язык, региональные различия, разные внешнеполитические ориентации. Одни сохраняют верность родной культуре, другие ассимилировались в культуру бывшей метрополии — России. Идеологический раскол между «нативистами» и «ассимилированными» очевиден на примерах Украины, Беларуси и Казахстана. Советская национальная и экономическая политика привела в этих странах к разобщенности титульных наций, создала ситуацию, когда большую часть населения составляют русскоязычные.

В Беларуси колониальное наследие оказалось настолько сильным, что А.Г. Лукашенко, став президентом, пытался снова присоединить страну к бывшей империи. Это единственный пример в новейшей истории, когда бывшая колония стремилась вернуться под власть метрополии. Что касается самого Лука-

шенко, то он со своей советской ментальностью «младшего брата России» не видел противоречия в такой политике, ибо считал, что между Беларусью и Россией нет существенных национально-этнических различий. Беларуский случай (положительная оценка колонизации) — аномальное явление в постколониальных государствах.

3. Национальная идентичность на постсоветском пространстве: исторический аспект

Украина

Политическая «оттепель» второй половины 80-х годов дала возможность обсуждать ранее запретные темы, в том числе в историографии. В результате стали частично отбеливать национальных исторических деятелей, которых раньше представляли только в черном цвете; во-вторых, историки стали задавать вопросы «почему?» и «кто виноват?»

Кроме того, проявилась интересная тенденция: историки национальной ориентации преимущественно происходили из национально более сознательной Западной Украины. Одна из причин тому — преобладание выходцев из Западной Украины среди украинской диаспоры. Они финансируют переиздание ранее запрещенных книг по истории Украины или сами пишут новые. Впервые опубликованная в 1989 году и с тех пор трижды переизданная книга канадского историка Ореста Субтельного «История Украины» разошлась общим тиражом 800 тысяч экземпляров на украинском и русском языках, стала самым массовым популярным учебником истории.

В конце 80-х — начале 90-х произошла реабилитация украинских писателей, интеллигентов, политических, исторических деятелей. Союз писателей создал комиссию во главе с Дмитрием Павлычком, чтобы исследовать «белые пятна» в украинской истории. Со страниц украинской прессы звучали призывы улучшить обучение, исследование и описание истории Украины — поначалу их совсем не приветствовали реакционеры из КПУ. Но плотину прорвало, и КПУ ничего не могла сделать. Украинские историки ссылались на своих российских коллег, которым разрешили реабилитировать своих историков и вернуться к яв-

но имперской российской историографии. В 1988 году 100-тысячным тиражом была переиздана 12-томная «История государства Российского» Н.М. Карамзина, в которой российская история рассматривается в великодержавном русле, а украинцы и беларусы считаются ответвлениями единого «русского народа».

Неформальные объединения, политические партии, народные фронты стали развенчивать русско-советские исторические мифы; одновременно их все больше и больше критиковала интеллигенция, а также национал-коммунисты. Основанное в марте 1989 года украинское общество «Мемориал» стремилось возродить историческую память, повлиять на сознание народа через раскрытие «белых пятен» советской истории. Впервые переосмысливались советские праздники.

Когда украинцы утверждают, что строят свою державность на фундаменте «тысячелетней традиции», то имеют в виду, что средневековую Киевскую Русь надо считать первым протоукраинским государством. Понятно, что это ставит в трудное положение российских и западных историков, традиционно придерживавшихся имперских стереотипов XVIII–XIX веков: дескать, «Киевская Русь» была первым «русским» государством. Без Киевской Руси Россия оказывается младше Украины.

Антрополог К. Уондер подчеркивает, насколько важную роль играет история для постколониальной Украины:

«История предлагает богатые месторождения сырья, чтобы создать постсоветскую национальную культуру, доказать свое право на государственность. Новые исторические мифы, новые версии истории, изложенные в исторических работах, и являются тем краеугольным камнем, на котором новое украинское государство пытается укрепить национальное чувство на основе общего исторического прошлого в стране с весьма разнообразным, к тому же политически пассивным населением».

В новой национальной мифологии Украина предстает европейским миролюбивым государством, ставшим жертвой иноземных завоеваний (со стороны Польши и России). Она имеет традицию демократических институтов казачества, а также долгую историю, подтверждающую ее право на независимость. Главный урок украинской истории состоит в том, что спровоцированный Советами голодомор 1932–33 годов, унесший 7 мил-

лионов жизней, Чернобыльская катастрофа 1986 года и другие трагедии случились лишь потому, что Украина в то время не была суверенным государством. Таким образом, самостоятельность рассматривается как несомненное благо, ее прославляет интеллектуальная и властная элита как единственную возможность избежать повторения былых трагедий. История играет значительную роль в том, чтобы отстоять исконное право украинцев на свои земли, когда его начинают оспаривать другие государства, прежде всего Россия.

Преподавание и популяризация украинской истории неотъемлемы от формирования нации и государства. История не только дает украинцам ощущение связи с предками, но и стремится объединить все население в единое национальное сообщество, способствует возвращению к «европейской цивилизации». Ежегодно 24 августа украинский День независимости отмечается в Киеве не только военным парадом, но и театрализованным представлением, показывающим преемственность новообразованного государства с предыдущей 1000-летней историей.

После того как в течение пяти десятилетий втаптывалось в грязь имя «немецкого шпиона», «буржуазного националиста» Михаила Грушевского — историка начала XX века, старейшины украинской историографии, его реабилитация стала чрезвычайно важной задачей. С обретением независимости предложенная Грушевским историческая схема сделалась официальной линией. По мнению представителей власти, значимость фигуры Грушевского — в его приверженности украинскому национальному возрождению. Он разработал концепцию исторического развития украинского народа. «История Украины-Руси» Грушевского в 11 томах (которую западноевропейские историки обходили вниманием, а советские всячески порочили) — это «историческая Библия украинского народа»...

Украина продолжает создавать (строить) гражданскую нацию, корни которой — в культуре, истории и языке титульной этнической группы, то есть украинцев. В преподавании истории украинская система образования на всей территории страны (включая Крым) опирается на национальную историографию. Содержание школьных учебников одинаково для всех регионов страны. Школьные учебники воспитывают у детей уважение к украинскому языку, государственным символам, националь-

ным традициям и ценностям, а также толерантность к другим народам. В школе украинскую историю изучают раньше, чем всемирную.

Оценки украинских историков, как и содержание школьных учебников, изменились по семи ключевым вопросам:

1. Киевская Русь рассматривается либо как целиком протоукраинское государство, либо как образование, на наследие которого украинцы имеют преимущественное право. Государственным символом Киевской Руси был трезубец, а денежной единицей — гривна (дополнительный аргумент в пользу 1000-летней традиции государственности).

2. Переяславльский договор 1654 года считается уже не «воссоединением» двух ветвей одного народа, а конфедеративным договором равных. Украину к нему принудило нежелание Польши признать Русь (Украину) третьим членом Польско-Литовского государства.

3. Царская власть оценивается сугубо отрицательно, ибо принесла в Украину крепостничество, ликвидацию национальной элиты и денационализацию.

4. Австрийское господство описывается более положительно, ибо позволило формировать украинскую нацию.

5. Украинская Народная Республика, Гетманщина и Директория в период 1917–1921 годов объявлены законными попытками создания собственного государства.

6. Сталинизм назван инициатором открытой войны против украинского языка, культуры, национальной элиты. Искусственно вызванный голодомор 1933 года признан геноцидом украинцев.

7. Партизаны-националисты из Украинской Повстанческой Армии в годы Второй мировой войны изображаются борцами и против нацистов, и против коммунистов. Для украинской постсоветской историографии это самый противоречивый и сложный период.

Беларусь

Беларусы тоже утверждали, что строят свою независимость на фундаменте «многовековой традиции державности». В 1991–1994 годы в Беларуси разворачивалась программа национально-возрождения через переосмысление былого с национальной

позиции. Россия изображалась уже не освободительницей, а хищным зверем, возвращенные из забвения борцы с Москвой чествовались как национальные герои.

Д. Сенфорд высказал мысль, что «чем моложе государство, тем больше вероятность появления в его новой историографии «золотого века». Таковым стал период Великого Княжества Литовского, в которое входила вся Беларусь и где белорусский язык и белорусские законы имели статус государственных. В 1991–95 годы Беларусь официально использовала герб ВКЛ — Погоню.

С 1991 года национальная историография стремилась возродить легендарное прошлое, подчеркивая неразрывную связь Беларуси с Западной Европой, ее отличие от России и «славную» историю. В результате историография стала полем борьбы «нативистов» и «ассимилированных» за национальную идентичность белорусов. В течение трех лет, предшествовавших избранию в 1994 году президентом А.Г. Лукашенко, белорусская историография отличалась как антисоветской, так и антироссийской направленностью. Она отрицательно оценивала российскую имперскую политику с конца XVIII века, ибо та способствовала денационализации Беларуси.

В 1991 году в Минске был переиздан «Краткий очерк истории Беларуси» Всеволода Игнатовского (1926 г.). Как и «История Украины-Руси» Грушевского, эта книга рисует историю Беларуси, с присущей ей национальной идентичностью, принципиально отличной от российской. «Герои», возвращенные в белорусскую историю после 1991 года, воевали не только против тевтонских рыцарей, татар и поляков, но и против московитов (русских). Они как бы призывали к возвращению в Европу, показывали отличие белорусского национального характера от русского. Вот как описывал задачи среднего образования в 1991–94 гг. один белорусский ученый:

«Изучение белорусской истории в 5–11-х классах должно способствовать национально-культурному возрождению белорусского этноса через ознакомление с неповторимым историческим путем, материальной и духовной культурой (беларуского) народа, оценку его национальной самобытности и ценностей в контексте славянской, европейской и мировой культуры».

Избрание в июле 1994 года президентом А.Г. Лукашенко повернуло белорускую историографию назад, в русофильско-советское русло. Лукашенко решил отказаться от новых учебников по истории, написанных после 1991 года, ввиду их якобы «националистического уклона». Отвергнув достижения национальной исторической школы, он вернул старые советские учебники истории, чтобы нивелировать различия между белорусами и русскими, обосновать свою идею присоединения страны к бывшей советско-российской метрополии. Многие белорусские писатели протестовали против «этой попытки обратить вспять реку истории, атаки на духовную и интеллектуальную свободу нашего народа». Но Лукашенко долго оставался непоколебимым, ибо видел в возврате к имперско-советской историографии образца 1934 года способ обеспечения поддержки своей политике, направленной на создание белоруско-российского союза.

Прекратились все негодные для властей исследования. «На независимых историков сегодня смотрят как на оппозиционеров», — укорял один автор. Вице-премьер В. Заметалин предупреждал, что «провокационные» материалы будут вычеркнуты из учебников по истории Беларуси, ибо «националистическая оппозиция» поддерживает альтернативную историографию, осуждающую репрессии 30-х годов против белорусской культуры.

Вот основные идеологические постулаты нынешней русофильской проимперской белоруской историографии:

1. Самоопределение белорусов связывается с российским пространством, а не с Западной Европой. Роль белорусов в истории ВКЛ замалчивается. Как замечает С. Бьюрант, «тех, кто хочет связать судьбу Беларуси с Россией, мало интересует Вильня, Виленский край, белорусское наследие Великого Княжества».

2. Преследование белорусского языка и культуры как при царском режиме (например, уничтожение Греко-католической (униатской) церкви в 30-х годах XIX века, запрет белорусского языка в 1866 году), так и при Советах (например, массовые убийства в БССР в 1937–41 гг.) обходится вниманием.

3. Советская власть якобы была «благоприятной» для Беларуси.

4. До образования СССР Беларусь не существовала. Потому основа белоруской государственности — советская Беларусь, впервые провозглашенная в 1919 году.

5. В бывшем СССР Беларусь была «младшей сестрой» России.
6. Русских опять изображают только «освободителями», но не захватчиками и не колонизаторами.
7. В 1995 году вместо национальной символики была возвращена слегка измененная советская.
8. Беларусь была одним из наиболее «образованных» регионов СССР.
9. К белорусскому языку относятся свысока как к деревенской речи. Если человек избирает родным языком русский, то это считается показателем «прогресса».

Выводы

В 13 из 14 нерусских республик бывшего Союза происходит «прощание с империей», включающее в себя строительство и консолидацию национальных государств. Только в Беларуси не наблюдается «перехода от империи», неотъемлемая часть которого — перемены в национальной историографии.

(1) Формирование нации в постсоветских республиках западной части СССР (за исключением Беларуси) осуществляется согласно либеральной модели и сочетается со строительством гражданского национального сообщества.

(2) Беларусь пошла другим путем, так как государственная власть оказалась здесь в руках «ассимилированных» — русскоязычных «советских». Они попытались провести беспрецедентный эксперимент по интеграции колонии назад в бывшую империю*. Лукашисты утверждали, что никакой «колонизации» Беларуси не было, что Россия была добрым «старшим братом».

(5) Россия не создала своего национального государства до момента формирования империи. Только распад советской империи дает Российской Федерации шанс превратиться в национальное государство.

Но в России до сих пор не появился такой лидер, который бы резко порвал с имперским прошлым и сделал выбор в пользу национального государства. Руководство России никак не может определиться, быть России национальным государством, либо возглавить новый союз и претендовать на роль «великого государства», либо совмещать первое и второе. Царская и советская

* Как мы видим сейчас, этот эксперимент полностью провалился. — *Ред.*

империи оставили россиянам глубокий постимперский кризис самоидентификации, связанный с поиском ответа на вопрос, где все же находится «Россия».

Итак, главная мысль автора состоит в том, что переосмысление прошлого, возрождение национальной истории и коллективной памяти играют основополагающую роль в «прощании с империей» и преодолении колониального наследия.

В постсоветских государствах возвращение национальной истории происходит одновременно с отказом от царско-советских имперских исторических моделей, лишивших эти нации прошлого, настоящего и будущего.

Новая национальная историография стремится доказать право новообразованных государств на независимость, обращаясь к «золотому веку» в доимперской истории. Она отвергает навязанный империей образ своей нации как «младшего брата», а ее культуры — как «более низкой», провинциальной.

ПОСЛЕ КОММУНИЗМА — НАЦИОНАЛИЗМ

Роман Шпорлюк (профессор, США)

1. После коммунизма

Эрнест Гелнер в своем эссе «Возвращение туземца» (1996 г.) следующим образом сформулировал главную проблему посткоммунистического периода:

/Это /«проблема построения либерального, стабильного и зажиточного общества на руинах тоталитарной индустриальной идеократии. Она является исторически абсолютно новой, в результате никто не знает способов ее решения, и, кстати, — никто не знает, существуют ли такие способы вообще» (1).*

Несомненно, что такое событие, как распад СССР, заслуживает самого внимательного анализа. Почему после коллапса коммунистического режима и краха марксистско-ленинской идеологии Советский Союз не сохранился как единое государство, пусть под другим названием? Были популярны тезисы, согласно которым следовало ожидать, что советское государство выживет.

Во-первых, за более чем 70 лет советской власти в СССР образовалась новая социокультурная общность — «советский народ». Так считало большинство западных исследователей.

Во-вторых, СССР был наследником имперской России, хотя и под вывеской марксизма. Здесь образовался своего рода симбиоз национализма и коммунизма:

«Традиция российской державности была имперской традицией; в советскую эпоху эта традиция соединилась с ведущей ролью России в коммунистическом мире. Распространение коммунизма было почти тождественно распространению или возобновлению власти России...» (2).

Отметим, что подобной мысли придерживались многие из так называемых «буржуазных фальсификаторов» — знатоков

Из журнала «Arche», 2001, № 5. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

* Идеократия — господство в обществе какой-то одной идеологии. — *Прим. ред.*

российских дел и явно не сторонников коммунизма. В частности, они полагали, что 1917 год способствовал формированию современной русской (советской) нации примерно таким же образом, как 1789 год стал переломной датой в возникновении французской.

В-третьих, СССР был своего рода образцом успешной национальной модернизации, хотя последняя формально осуществлялась под лозунгами коммунистической доктрины как социалистическая индустриализация.

Более 30 лет тому назад Э. Гелнер писал в одной из своих работ о национализме:

«Хотя у нас недостаточно оснований утверждать, что советское государство может исчезнуть, есть определенные надежды, что исчезнет по крайней мере марксизм».

По мнению Гелнера, марксизму было суждено приобрести «достаточно скромную роль элемента русской национальной чести, патриотизма и антирелигиозности», однако государство, созданное на основе марксистской идеологии, должно выжить. Советский вариант марксизма, по Гелнеру, — это реинкарнация /новое воплощение — *Ред.*/ российского национализма.

Наш подход имеет другой вид: мы рассматриваем коммунизм как разновидность национализма и, соответственно, сравниваем его с другими формами национализма.

Конечно, теперь мы ясно видим то, чего Гелнер когда-то не предугадал. Во-первых, он проигнорировал нерусские народы СССР, их национальные идеи и идеалы — но если учесть, в какое время он делал свои выводы, это не странно. К тому же он считал социалистическую индустриализацию своего рода этническим плавильным котлом. Во-вторых, Гелнер не рассмотрел вариант, при котором сами русские могли бы иметь какие-то собственные представления о своей национальной идентичности, выходящие за границы официальной коммунистической идеологии.

У событий 1991 года была собственная интеллектуальная предыстория. На границе 80–90-х годов произошла «трансформация» образа СССР: его начали трактовать как модернизированный вариант империй XIX века, более того — представлять как колониальную империю. Марк Бесинджер напоминает:

«К концу XX века империи стали /.../ объектом упреков и презрения со стороны тех, кто претендовал на статус наций с собственными государственными границами. Наиболее распространенной формой национализма, развившегося на большинстве территорий Советского Союза, стал антиколониализм. То, что по привычке рассматривалось как единое государство, вдруг повсюду начали пренебрежительно трактовать как империю» (3).

В этом хоре антиимперских и антиколониальных национальных движений не последнюю роль сыграли сами русские. Именно Россия возглавила «парад суверенитетов» — ту лавину деклараций независимости, которая привела к Беловежскому соглашению. Даже в советской еще печати накануне 1991 года можно было найти статьи с такими названиями, как «Россия против Москвы» или «Россия выходит из СССР». Николай Пэтру в этой связи пишет:

«...успех русской идеи в формировании альтернативной концепции русского национального сознания, помимо прочего, позволяет нам понять неожиданное отсутствие народной поддержки запоздалых попыток КПСС демократизироваться после 1989 года» (4).

Но если отказ русских от имперского наследия в пользу русского национального самоопределения оказался новым явлением, то отношение к СССР как к прямому наследнику царской империи имело более длинную историю. Чтобы лучше понять возникновение странного российского антиимперского феномена конца 80-х — начала 90-х годов и смысла других событий того времени, обратимся к этой истории.

Без знания докоммунистической истории России, Украины и Беларуси невозможно ни понять их современное положение, ни осмыслить будущее. Энтони Смит отметил:

«...для понимания современных наций и национализмов мы должны исследовать не только современные процессы и нужды, но и генеалогию наций» (5).

Я не утверждаю, будто именно национализм явился причиной коллапса коммунизма. Меня интересует другое — как падение коммунизма (независимо от причин) способствовало распаду одного государства и возникновению новых, в частности независимых России, Украины и Беларуси.

2. От традиционных культур к национализму и нациям

Начнем с истории русского национализма, русской нации и Российской империи в эпоху национализма, а также обратимся к такой теме, как отношения марксизма и коммунизма до и после 1917 года. Ричард Пайпс утверждал, что Россия стала империей до того, как сформировалась русская нация (6). Можно добавить, что Российская империя сформировалась также и до возникновения современного русского национализма.

Правление Екатерины II и Александра I было периодом, когда государство возглавило процесс модернизации и формирования нации — именно это обеспечило ему поддержку новорожденной интеллигенции. Лишь много позже новая российская интеллигенция начала борьбу за ограничение самодержавия, однако царизм отказывался трансформироваться в конституционную монархию. Единственной «уступкой» вызовам времени стало провозглашение лозунга «православие, самодержавие, народность». Самодержавие с того времени трактовалось не только как система, освященная небесами, но и как определяющая черта русской национальной идентичности.

Результатом стало то, что Николай Рязановский определил как «расхождение путей» — именно так называлась его книга, в которой он исследовал раскол просвещенной России на два враждебных лагеря (7). С учетом остроты конфликта можно утверждать, что происходило формирование двух русских наций. Одна сохраняла приверженность самодержавию и официальной политике, вторая — выступала сторонницей конституционного строя, а позже и революции.

Этот внутривосточный раскол значительно осложнился в результате исторической экспансии России на Запад. После разделов Речи Посполитой под властью царя оказались украинские земли западнее Днепра, вся территория современной Беларуси и большая часть Летувы. В 1815 году основные этнические польские территории тоже вошли в состав империи.

Возникновение «украинской идеи» в XIX веке начало подорывать «русское единство». Идея, согласно которой украинцы — подобно чехам или полякам — представляют собой отдельный народ и не уступают в этом смысле русским, в глазах последних

была тождественна идее развала России. Можно также предположить следующее: то, что России удалось сделать до эпохи национализма (имеется в виду интеграция «Малороссии», т.е. Левобережной Украины, в состав Московского царства в XVII веке), в XIX столетии повторить не удалось. Вторая волна территориальных приобретений, импорт «малороссов» и «белороссов» в Россию из ликвидированной Речи Посполитой поставили проблему переписывания истории, то есть создания новой схемы «русской истории», с целью обоснования общего «русского» этнического происхождения упомянутых народов.

Замечания относительно Украины полностью применимы и к Беларуси, единственным отличием может быть то, что русская общественность знала о существовании отдельной белорусской идентичности еще меньше, чем об украинской.

В этом месте целесообразно вспомнить также и Польшу, и ее роль в формировании Украины и Беларуси. С древних времен Польша имела самые тесные отношения с предками современных украинцев, белорусов и летувисов. Американский византист и историк Восточной Европы (украинец по происхождению) Игорь Шевченко пишет, что «без Византии могло бы и не быть ни Украины, ни Беларуси..., с другой стороны, их могло бы также не быть без Польши...». Вплоть до начала Второй мировой войны Беларусь и Украина являлись зоной русско-польского противостояния.

3. Русомарксизм

Вспомним еще один фактор, который стал преградой процессу формирования русской нации — марксизм. Во второй половине XIX века, еще до того, как проблемы развития русской нации были в достаточной степени осознаны обществом и конфликт между двумя подходами к пониманию природы нации (либеральным и самодержавным) был разрешен, значительная часть просвещенного общества подпала под влияние марксизма.

Марксизм вмешался во внутривосточные споры об идентичности и исторической миссии и фактически создал «альтернативную» Россию — в виде революционного движения. Значительная часть русскоязычных россиян нерусского происхождения влилась в ряды этой антигосударственной, революционной

России. Вследствие чрезвычайной остроты противостояния между этими двумя «нациями» в России, в отличие от других стран Европы, не произошла национализация марксизма. Напомним, что даже в Австрии времен Габсбургов унитарная и централизованная социал-демократическая партия трансформировалась в федерацию национальных партийных организаций еще до 1900 года.

Если нерусские народы империи Романовых создавали свои собственные партии, то русские этого не сделали — никогда не было «русской» социал-демократической партии, построенной на этнической русской основе. Русские создали партию, для которой принципиальным в названии было слово «российская», ибо эта партия стремилась охватить своим влиянием всю территорию империи (кроме Польши и Финляндии) и всех подданных царя, независимо от их этнического происхождения.

В состав Российской социал-демократической рабочей партии вошло немало представителей нерусских народов. Эти «националы» боролись против царизма и его русификаторской политики, однако не превращались в сепаратистов или националистов, защищавших право своих этнических групп (и территорий) на обособление от империи. Напротив, они объединились с русскими и другими «националами» в революционном движении, для которого полем деятельности стала вся империя. Принадлежность этих людей к русской культуре и языку была следствием русификаторской политики царского правительства — таким образом он сам готовил своих оппонентов, переходивших в революционный лагерь. Альфред Дж. Райбер отметил:

«Влияние революционных доктрин российской интеллигенции (главным образом через посредничество российских университетов) на нерусские просвещенные элиты было одним из наиболее неожиданных последствий ассимиляторской политики... Ведущие деятели народничества и марксизма среди интеллигенции народов Прибалтики и Кавказа, евреев и финнов принадлежали к числу наиболее русифицированных представителей этих народов. ...В 1905 году самодержавие ощутило последствия этой ошибочной политики» (8).

По моему мнению, в данном случае возможен другой подход в анализе: революционное движение было частью процесса нациотворения, точнее, проявлением аномалий этого процесса.

Хотя ассимиляция осуществлялась успешно, ее последствия оказывались непредвиденными и прямо противоположными ожидаемым. Как отмечает Райбер, именно политика русификации способствовала возникновению национализма среди меньшинств:

«...Это была эра национального пробуждения финнов, балтийских народов, армян, евреев и татар-мусульман» (9).

Российский марксизм хорошо адаптировался к двум особым чертам российской действительности, превратив их в свои преимущества: первая — многоэтнический состав населения; вторая — несформированность самой большой этнической группы (русских) как нации.

Ленин без колебаний использовал упомянутые обстоятельства. Он откровенно признавал, что в условиях капитализма главным направлением развития общества является национальное государство. Капитализм без национального государства был невозможен. Вот мысль Ленина до 1917 года: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями».

Тем не менее, Ленин не только не пропагандировал идею распада империи на отдельные национальные государства — наоборот, он выступал против сторонников этой идеи. Он не реорганизовал свою партию в «русскую» социал-демократию. Более того, отказывал другим народам в праве создавать собственные социал-демократические партии и сотрудничать с соотечественниками из немарксистского лагеря ради создания независимых Армении, Беларуси, Латвии, Украины и т.д. Вместо этого он настаивал на том, что в Российской империи все социалисты должны принадлежать к единой партии.

Ленин обосновывал свою позицию тем, что с точки зрения перспектив пролетарского дела в мировом масштабе наличие великих держав дает преимущество. В этом аспекте его «русомарксизм» был отзвуком «австромарксизма» империи Габсбургов. При том его партия не ставила себе целью интеграцию всех народов России в единую «русскую» нацию, пусть даже социалистическую. В эпоху национальных государств Ленин мечтал о «свободном союзе наций», преодолевших национальные границы.

Ленинские взгляды были диаметрально противоположны позиции его прежнего коллеги, а затем идеологического оппонента Петра Струве, эволюционировавшего от социализма Маркса к национализму Листа*. Обеспокоенный подъемом украинского национального движения, Струве предугадал возможность «раздвоения» (в случае с беларусами это было бы уже «утроение») российской нации. То, о чем Струве писал как о перспективе ближайших лет, вскоре воплотилось в реальные попытки украинцев и беларусов (по крайней мере, части их) обособиться от России в 1917–1920 годы.

Ленин трактовал проблему национального единства россиян иначе, чем Струве. В 1914 году он написал статью «О национальной гордости великороссов», в которой изложил теорию о наличии двух «великорусских» культур и наций. Одна из них — это нация декабристов и Чернышевского, вторая — нация Победоносцева и черносотенцев**.

4. Советский эксперимент

В 1918-м году стало очевидно, что большевики не собираются выступать в роли строителей нации. Пролетариат не «утвердил себя как нация», вопреки прогнозам Маркса. Большевики провозгласили своей целью демонтаж российской нации в качестве первого шага к мировой революции. Соответственно возникла потребность максимально защитить наследие империи от национальных революций нерусских народов, включая те, где во главе стояли социалисты (например, в Грузии и Украине).

Но, поскольку большевистская революция не переросла в мировую, вопреки надеждам Ленина и Троцкого, Сталин выдвинул идею построения социализма в одной, отдельно взятой, стране. Как следствие, на определенном этапе появилась концепция «советского народа» — в дальнейшем она в значительной мере

* Фридрих Лист (1789–1846) — немецкий мыслитель. В противовес теории трудовой стоимости выдвинул теорию производительных сил, основой которых считал «умственный капитал» (достижения науки и технологии). Был также теоретиком германского национализма. — *Прим. ред.*

** Константин Победоносцев (1827–1907) — юрист. Преподавал законоведение и право будущим царям Александру III и Николаю II. В течение 25 лет (1880–1905) был обер-прокурором Синода. Автор трехтомного «Курса гражданского права» (1896 г.). По мнению большевиков, занимал крайне реакционные позиции в области просвещения и в национальном вопросе.

стала реальностью. Многим знатокам истории имперской России понятно, что идея «советского народа» фактически является переизданием концепции «официальной народности». Канонический советский вариант этой концепции включал в себя русский язык как язык высшей культуры и тщательно подобранный набор элементов русской культуры.

Во времена царизма даже та культура, что содержалась за государственный счет, не превратилась в слугу самодержавия, который бы беззастенчиво воспевал его ценности, — поэтому во многих произведениях русской литературы и искусства, унаследованных Советским Союзом, имелись элементы несоветской русской идентичности. Стремясь создать нечто вроде «русско-советской» культуры, власть получила вместо этого специфический коктейль, содержащий неусваиваемые элементы, которые в конце концов вызвали «отрицание» Россией «советизма».

Официальным установкам по отношению к нерусским народам тоже недоставало последовательности. С одной стороны, народы Советского Союза получили «территориально-политический статус» в виде республик, причем даже те, кто в тот момент пребывал на докапиталистической стадии развития. Формирование наций в России и в СССР существенно отличалось от процесса нациогенеза в Западной Европе. На Западе сначала сформировались территориально-государственные сообщества. В имперской России (и в Восточной Европе вообще) нации сформировались сначала как культурно-исторические сообщества и только после этого приобрели территориально-государственный статус.

С другой стороны, эти тенденции, напомилавшие гораздо более давний западный опыт «территориализации национальностей», совпали с выкорчевыванием традиционных национальных культур, которые в XIX веке сформировались как «буржуазные». Российский исследователь Липкин отмечает (1995 г.), что «сохранились и даже культивировались только этнографические, фольклорные уровни этих культур». На место национальных культур «пришли «пролетарская» культура «социалистического реализма»... и идеология марксизма-ленинизма» (10).

По Липкину, советская система стремилась законсервировать все нерусские народы СССР на уровне этнографических сообществ. Их лишали права превратиться в современные нации

в том смысле, в котором Гелнер и его последователи трактуют нации индустриального общества. Ленинско-сталинский вариант марксизма рассматривал нации только как этнокультурные сообщества, отвергая такой фундамент как современные политические и экономические структуры.

Липкин также дает интересную интерпретацию того, что произошло после смерти Сталина. После 1953 года, отмечает он, возник «общественный спрос» на возрождение национальных культур, сформировавшихся в XIX веке, — это стало следствием интенсивной урбанизации соответствующих народов. Поэтому в период относительной либерализации послесталинских десятилетий строители советских наций, стремясь урбанизовать, осовременить их, вернулись к историческим достижениям XIX века. Вдохновение и образцы они искали прежде всего на Западе.

Говоря о досоветском периоде, Липкин верно замечает, что в XIX веке Санкт-Петербург играл роль Парижа («столицы мира») для Украины, Беларуси, Прибалтики и Молдовы. Правда, это замечание справедливо только до определенной черты. Некоторые народы, ставшие советскими только во время либо после Второй мировой войны, пребывали в зоне определяющего влияния других столиц XIX века. Например, для западных украинцев таким центром была Вена, для прибалтов — Берлин. И мы не можем игнорировать роль польской культуры и польского национализма на большом пространстве западнее Днепра и южнее Двины, их влияния на формирование современных культур и наций украинцев, летуvisов и беларусов. В период десталинизации эти традиционные «западные» соперники культурного господства имперских столиц (Петербурга и Москвы) восстановили свое влияние в европейских республиках СССР. Советский Союз в 1945 году значительно отличался от Советского Союза 1938 года — в его составе оказались страны Балтии и западноукраинские регионы, ранее входившие в состав Польши, Чехословакии и Румынии.

Созидая новую Украину в границах, о которых раньше могли только мечтать самые заядлые националисты, советская власть вычеркнула Польшу из списка исторических противников Украины и превратила ее в потенциального союзника. Одновременно, поставив Украину вне рамок польской истории и сформировав новую Польшу как этнически однородное государство, Ста-

лин создал предпосылки для демократизации польского национализма. После 1945 года полякам пришлось смириться с потерей своих восточных территорий и сосредоточиться на освоении пространства между Балтикой и Одрой — Нисой. При этом для определенной части поляков, не принадлежавших к сторонникам коммунизма, борьба за независимость Польши от Москвы была прямо связана с поддержкой национальных устремлений Украины, Беларуси и Летувы.

После 1953 года события в советском блоке в Европе и в мировом коммунистическом движении не только превратились в составную часть Великой Битвы двух мировых социально-политических систем, но и в значительной мере стали фактором внутренней жизни в СССР. Не следует рассматривать 1991 год в СССР без обращения к событиям 1956 года в Польше и Венгрии, «пражской весны» 1968 года, Гданьска и «Солидарности» 80-го — такой подход был бы весьма ограниченным. Андреас Капелер верно подметил, что польское национальное движение сыграло чрезвычайно важную роль в подрыве основ Российской империи в XIX веке и советской империи в XX столетии (11).

Укоренение идеи «официальной народности» советского образца после 1953—56 годов происходило не только в новой международной ситуации, но и в условиях возобновления противоположной тенденции — формирования современных наций. Возникновению этой тенденции способствовало то обстоятельство, что советская власть сохранила за республиками некоторые формальные черты государственности. Наличие этих символических атрибутов (в частности, территориально-административных) в значительной мере облегчило распад СССР в 1991 году.

Понятно, что Советский Союз распался не только потому, что на момент создания суверенных сообществ, которые хотели превратиться в национальные государства, они имели свои административные границы. Не менее важным было то обстоятельство, что Москва и Ленинград утратили свою роль и статус центров мировой цивилизации. Не только народы СССР, но и сами русские искали ответы на свои вопросы на Западе. Советский Проект как альтернативный вариант мировой цивилизации проиграл Великую Битву с капиталистическим Западом. Первыми это осознали восточные европейцы, затем пони-

мание этого факта пришло и к народам СССР — роль авангарда здесь сыграли прибалты, а в Украине — западные украинцы.

Таким образом, во второй половине XX века набирали обороты процессы, похожие на те, что происходили в России в XIX веке. Отличие заключалось в том, что на этот раз нерусские народы и национально сознательные русские противопоставляли себя марксизму-ленинизму, советской общественной системе и территориально-политическому строю, который они считали имперским. Именно этот нонконформизм создал широкие интеллектуальные, исторические и психологические условия для того взрыва, который произошел в 1991 году.

5. Нации и национализм в послекоммунистический период

Что нового о национализме мы можем узнать, рассматривая опыт борьбы между ним и коммунизмом после 1917 года?

В книге «Нации и национализм» Гелнер писал:

«Национализм не является тем, чем он нам кажется, но он также не является тем, чем он считает себя сам. /.../ Национализм принципиально склонен к обману или самообману. Дело в том, что национализм является по существу масштабным введением высокой культуры в обществе, где более низкие культуры издавна господствовали в жизни большинства, а в определенной мере — и всего населения...

Это создание анонимного, деперсонифицированного /обезличенного — *Ред.*/ общества, которое складывается из самодостаточных индивидов, способных заменять друг друга, объединенных главным образом общей культурой... /Это общество возникает/ на месте предыдущей сложной системы локальных сообществ и фольклорных культур, которые систематически самовозобновлялись на локальном уровне силами этих микросообществ. Вот что происходит на самом деле. Однако это — полная противоположность тому, что утверждают националисты и во что они так пылко верят» (12).

Нет нужды спорить с Гелнером. Некоторые националисты излагали свои взгляды вполне понятно, их можно назвать представителями «научного национализма» в противоположность национализму «утопическому». Из первых следовало бы напомнить Фридриха Листа, его последователями в России были Сергей Витте и Пётр Струве. Но замечания Гелнера о том, что

риторика национализма значительно отличается от его практики, заслуживают более широкого комментария с учетом того, что мы знаем о национализме в посткоммунистическую эру.

Кенетт Майног и Берилл Уильямс, формулируя собственную концепцию, высказали мысль, созвучную аргументам Гелнера. Они утверждают:

«Национализм как идеология является не менее универсалистским (общечеловеческим), чем коммунизм... Обе доктрины (подобно любой другой идеологии) представляют собой комбинацию общего и особенного» (13).

Постсоветские российские авторы, выясняя причины коллапса Советского Союза, приходят к аналогичному выводу об «универсалистской (общечеловеческой) компоненте национализма. Они утверждают, что антикоммунистические национальные движения, возглавляемые прозападными элитами, были наиболее сильны в европейских республиках СССР (Эстонии, Латвии, Литве, в западных регионах Украины), а центром русского прозападного национализма была Москва. Эти противники коммунизма отказывались от «советской цивилизации» в пользу западных (так называемых «общечеловеческих») ценностей и западной цивилизации.

Противостояние коммунизма и национализма на уровне общественной практики (а не только на уровне теоретико-философских споров) не только рельефно выявило «всечеловечность» последнего, но и продемонстрировало слабые черты советского коммунизма, которые до того времени старательно скрывались. Их противостояние стало полномасштабным лишь после 1945 года, когда коммунистические режимы российского образца были навязаны странам намного более развитым в плане современной национальной державности, чем Россия и другие советские республики. Оно приобрело глобальный характер в виде Сражения двух мировых систем. В этом сражении советская модель модернизации проиграла, и коммунизм стали рассматривать (в том числе и в СССР) как «неудачную форму модернизации».

Обращаясь к теме «этнофикации» народов в советские времена, мы видим, насколько односторонним было коммунистическое видение национализма. Современный национализм говорит на языке партикуляризма, но практикует универсализм: он дей-

ствует в соответствии с общечеловеческими ценностями и стандартами, он берет пример с самых передовых. Теперь несложно заметить, что сила национальных движений в Советском Союзе заключалась в их двойственной сути: то, что извне казалось этническим обособлением и даже изоляционизмом от Москвы, на самом деле было стремлением присоединиться ко всему миру, но не через посредничество Москвы, а самостоятельно.

Национализм направлен на подрыв и ликвидацию империй. Национализм — это прорыв за границы империй. Национализм не только подрывает империи интеллектуально, отстаивая идею национального существования в мировом контексте: от имени общечеловеческих принципов он исповедует принцип самоопределения сообществ, подчиненных империям. Признания этой «универсально-подрывной» роли национализма явно недостает анализу столкновения цивилизаций в посткоммунистическом мире Сэмюэля Хантингтона.

Таким образом, возникновение национальных государств на постсоветском пространстве значительно облегчило доступ народов СССР к участию в делах человечества по сравнению со временами «интернациональной» советской империи. Анализируя причины распада СССР в исторической ретроспективе, мы должны признать полностью верным тезис Эрика Гобсбаума — «самый простой способ понять взрыв сепаратизма в 1988—1992 годы — это воспринимать его как последствие незаконченного дела 1918—1921 годов». Можно согласиться с ним в том, что «некоторые из взрывных проблем 1988—1992 годов были созданы в 1918—1921 годы» (14).

Однако не следует забывать и то, что современная ситуация формировалась также под влиянием новых факторов, в частности, взаимодействия коммунизма и национализма в период между 1917 и 1991 годами.

С одной стороны, существует государство, которое называют Российской Федерацией, — оно презентует себя как многонациональное государство. В этом плане мы видим решительный разрыв с историей России как империи, основанной на внеэтнических принципах. С другой — в России продолжают споры об идентичности русских: как соединить их самовосприятие в качестве этнического сообщества («русский народ») с идеей россий-

ской политической нации («российский народ» или «народ России»)?

Некоторые из тех, кто отвергает любую форму политического или правового определения русской нации, настаивают на том, что западные идеи и институты принципиально несовместимы с Россией. Например, Владимир Махнач утверждает:

«Концепция, согласно которой нация — это сообщество граждан государства, существует только на Западе. В России, всей Азии, Африке нация — это этнос и только этнос... Никогда не будет нации «Индия» или нации «Россия».

Для Махнача (и других русских националистов) Украина и Беларусь являются частями России, а украинцы и беларусы являются «русскими», как и великороссы.

Хотя постсоветская Россия и считает себя демократической страной, построенной на принципах, формально похожих на западные демократии, есть немало людей, требующих возврата к известной триаде «православие, самодержавие, народность». Поэтому нет ничего странного в том, что западные специалисты высказывают по отношению к России 1990-х годов суждения, вполне применимые к России 1890-х.

Независимой Украине удалось избежать этнических и религиозных конфликтов, она не стала «второй Югославией», как в начале 1990-х годов предрекали некоторые аналитики. Но, подобно России, Украина тоже столкнулась с проблемой определения собственной идентичности как страна и как нация. Понятие «народ Украины» в Конституции 1996 года охватывает всех граждан государства, однако некоторые из них настаивают на том, что «настоящими украинцами» являются лишь те, кто считает родным языком украинский (и пользуется им в повседневной жизни), и определяют себя украинцами «по национальности», то есть по этническому происхождению.

Интересно то, что этническо-языковое определение нации поддерживают противоположные политические группировки, с одной стороны — украинские националисты из западных регионов, с другой — русские националисты, которые жаждут превратить Украину в двухнациональное украинско-русское государство (о крымских татарах, для которых территория современ-

ной Украины тоже является Отечеством, в этих спорах обычно забывают).

Понятно, что внутренние проблемы Украины неотделимы от такого внешнего фактора, как отношения с Россией. До сих пор идут дискуссии о том, должны ли украинцы снова сближаться с Россией, образуя нечто вроде евразийского сообщества, или же двигаться в обратном направлении и искать сближения с другим традиционно не менее важным для них государством — Польшей, а через нее — с Европой. Отношения с Украиной остаются чрезвычайно важными также и для России.

Если независимые Украина и Россия пытаются определиться насчет своего будущего, отвергая, каждая по-своему, советское прошлое, то Беларусь движется в противоположном направлении. Президент Лукашенко является сторонником нового «советского» государства. Он совсем не стремится превращать Беларусь в провинцию России с губернатором в Минске: он хочет, чтобы Россия, Беларусь и другие создали какое-то большое общество, выгодное всем членам. Но его несоветские стремления встречают сопротивление белорусского национального движения, желающего превратить Беларусь в форме независимой демократической республики в часть Европы.

Поэтому в Беларуси борются не столько две концепции белорусской национальной государственности, сколько две национальные идентичности — одна белорусская, другая — «советская». При этом последняя, хотя и исповедует русскоязычность, явно не относится к русскому национализму. Кто из них победит — зависит не только от поведения населения этой страны, но в значительной мере и от внешних факторов. Международные отношения и мировое сообщество с его всеобщими стандартами играют очень важную роль в формировании национальных идентичностей. Этнический фактор влияет на внешнюю политику — но нельзя не заметить и обратной связи.

Есть ли смысл употреблять понятие «советская национальная идентичность», как я это сделал в связи с Беларусью? Очевидно, да, — но до определенной степени. Советский Союз должен был сначала исчезнуть с карты мира, чтобы мир убедился в том, насколько он продвинулся в формировании «советского народа». Теперь мы видим, что определенные категории населения бывшего СССР на самом деле принадлежат к этой аморфной массе.

Но является ли этот «советский народ» русскоязычным? Социологические исследования показывают, что значительное число жителей Восточной Украины, независимо от пометки «русский» или «украинец» в паспорте, считают себя прежде всего «советскими» (вторым важным признаком они называют региональную принадлежность). Советская идентичность сохраняется преимущественно среди населения «красного пояса» бывшего СССР, и приверженность этих людей советским ценностям искушает назвать их луддитами посткоммунистической эры*.

Возникает вопрос: почему этот «советский народ» не поднялся на борьбу за советскую систему тогда, когда коммунисты еще были у власти? Один из возможных ответов таков: «советский народ» по определению был таким сообществом, которое ничего не делало самостоятельно, во всем им руководила партия. Когда эта партия раскололась изнутри, а ее лидеры утратили влияние, не нашлось других организаций (например, профсоюзов, молодежных организаций), которые бы защитили систему. Еще один фактор — поддержка антисоветских альтернатив со стороны части коммунистов.

Впрочем, и в Украине, и в Беларуси в результате того, что они до сих пор не определили ясно свое понимание нации, все еще существует достаточно большая «переходная» прослойка, которая колеблется в выборе своей национальной или этнической самоидентификации. Стандартное поведение представителей этой прослойки — быть советским человеком утром, русским днем, украинцем или беларусом вечером (последовательность может меняться).

На этом этапе невозможно предугадать, ограничатся ли они какой-нибудь одной, конкретной формой национальной идентичности (русской, украинской или беларуской), или же возникнут какие-то новые регионально-идеологические формы самоидентификации (нечто вроде «донбасской национальности» с советскими политическими и культурными идеалами). Коммунизм оставил после себя значительное социально-психологическое наследие, пережившее его политическую и институциональную смерть.

* Луддиты (от фамилии подмастерья Неда Лудда) — участники стихийных выступлений против промышленного прогресса в Великобритании конца XVIII века. — *Прим. ред.*

6. Выводы

Эрнест Гелнер оценивал последствия падения коммунизма глубоко пессимистично:

«Я обеспокоен распадом Советского Союза не потому, что был сторонником идеологии, которая создала его, — наоборот, я всегда ее отвергал, — я исхожу из более абстрактных соображений, которые касаются принципа континуальности и последствий его нарушения.

У русских есть печальная поговорка об их исторической роли в Европе: их роль заключается в том, чтобы показывать другим, как не надо что-то делать. Современная ситуация, к сожалению, дает им шанс еще раз подтвердить эту поговорку. Способ, которым происходит демонтаж приобретений Российской Революции, может привести к катастрофе не менее масштабной, чем сама Революция» (15).

Я пытался показать, что демонтаж наследия Российской революции все же менее разрушителен, чем сама эта революция. Неожиданно мирный (в сравнении с мировым опытом) переход от Советского Союза к независимым государствам России, Украины, Беларуси и других бывших союзных республик происходил под лозунгами национализма. Именно он объединяет современность не только с советской эпохой, но и с историей до 1917 года.

Источники цитат и ссылок

1. Gellner E. Return of a Native // Political Quarterly. 1996, vol. 67, № 1, p. 12.
2. Nodia G. Nationalism and Democracy // Nationalism, Ethnic Conflict and Democracy. Baltimore, 1994, p. 19-20.
3. Beissinger M.R. How Nationalisms Spread: Eastern Europe Amidst the Tides and Cycles of Nationalist Contention // Social Research, 1996, vol. 63, № 1, p. 115.
4. Petro N.N. The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture. Cambridge and London, 1995, p. 119.
5. Smith A.D. Memory and modernity: reflections on Ernest Gellner's theory of nationalism // Nations and Nationalism. 1996. Vol. 2. № 3, p. 377.
6. Pipes R. Introduction: the nationality problem // Handbook of Major Soviet Nationalities. New York, 1975, p. 1-5.
7. Riasanovsky N.V. A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia, 1801-1855. Oxford, 1976.
8. Rieber A.J. Struggle Over the Borderlands // The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia. Armonk, 1994, p. 81.

9. Там же, p. 79-80.

10. Липкин А. «Духовное ядро» как системообразующий фактор цивилизации: Европа и Россия // *Общественные науки и современность*. 1995, № 1, с. 64.

11. Kappeler A. *Russland als Vielvolkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall*. Munich, 1992, p. 179.

12. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Ithaca, 1983, p. 56–57.

13. Minogue K. & Williams B. *Ethnic Conflict in the Soviet Union: the Revenge of particularism // Thinking Theoretically about Soviet Nationalities: History and Comparison in the Study of the USSR*. New York, 1992, p. 233.

14. Hobsbawm E.J. *Nations and Nationalism since 1789. Programme, Myth, Reality*. (2 ed.) Cambridge, 1991, p. 164, 165.

15. Gellner E. *Return of a Native*, p. 45.

ИМПЕРСКИЙ ДИСКУРС РОССИИ СТИМУЛ ДЛЯ НАЦИОНАЛИЗМА В БЫВШИХ КОЛОНИЯХ

Александр Грицанов,
кандидат философских наук

Старая песня на новый лад

Достаточно длительный по политическим меркам период правления в России «сборных команд» президентов В.В. Путина и Д.А. Медведева наглядно продемонстрировал традиционную предопределенность политики России — имперской — внешней, авторитарной — внутренней.

Активный экспансионистский курс присущ этой державе уже более пяти столетий. Точкой старта можно считать «дранг нах Вест» московского князя Ивана III, нацеленный против Новгорода (1456 г.), Ливонии (1480 г.), Великого Княжества Литовского (1492 г.). Его внук Иван IV направил агрессию Москвы также и на восток, против Казанского и Астраханского ханств, а потом за Урал.

В духе этого традиционного курса, московские политики и идеологи всю территорию бывшей Российской империи считают своей исторической вотчиной. А это огромное пространство от Варшавы до южной части Курильских островов, от архипелага Франца-Иосифа до Кушки. Правящая элита Москвы и Санкт-Петербурга и в XXI веке руководствуется агрессивными политическими, экономическими и культурными стратегиями, соответствующими такой геополитической модели. Беларуский исследователь А.Е. Тарас верно подметил:

«Несмотря на исчезновение СССР с политической карты мира и значительные изменения, произошедшие во всех сферах жизни российского общества, большинство официальных российских изданий события царского и советского прошлого по-прежнему рассматривают в духе канонов... отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС. По-прежнему «правильным» считается только то, что до

Discursus (латин.) — довод, аргумент; Discours (франц.) — целенаправленная аргументация.

1917 года соответствовало имперским амбициям Петербурга, а с 1918 года — аналогичным устремлениям Москвы... Дескать, захват Российской империей этих стран /бывших союзных республик СССР/, оголтелая русификация, уничтожение национальной культуры, насаждение московской церкви — все это делалось ради блага порабощенных народов!» (1).

Имперская мифология

В результате государственного переворота 7 ноября (25 октября) 1917 года к власти в России пришла интернациональная террористическая организация. Сначала она именовала себя РСДРП, затем РКП(б), ВКП(б) и, наконец, КПСС.

Эта организация объявила главной целью своей деятельности «мировую революцию». В русле данного курса в декабре 1922 года на руинах Российской империи был создан Советский Союз. Так впервые во всемирной истории появилось геополитическое образование, которое с момента своего рождения открыто заявило о претензиях на мировое господство. Речь шла о перспективе создания Всемирной Республики Советов.

Коммунистические поэты публично предвещали времена, когда их «новая Родина» будет цвести «от Англии до Японии». Название (СССР) было выбрано удачно: без какого-либо упоминания о географическом месторасположении. 20-й советской республикой вполне могла стать Финляндия, 28-й — Болгария, а 39-й — Греция или Турция. Это ничего бы не изменило по существу.

Дальнейшие исторические события убедительно доказали, что идеи «мировой революции» и «всемирной республики советов» были всего лишь маскировкой традиционного курса Российской империи, направленного на безграничную внешнюю экспансию. Коммунистический Советский Союз оказался «новым изданием» царской Российской империи. Именно поэтому исследователи характеризуют СССР как «квазифеодальную империю».

Данный термин является маркером конкретной системы социальных отношений и культуры (цивилизации), вытекающих из специфической структуры ментальности и определяющих шкалу общественных ценностей.

Ментальным стержнем всякого традиционного культурного (цивилизационного) уклада является системный миф, представ-

ляющий собой комплекс взаимосвязанных мифологем. Для российско-советской квазифеодальной империи базовым выступает имперский миф. С.Н. Гавров предложил удачную версию комплекса мифологем, составляющих «скелет» идеологии Российской империи — СССР — современной Российской Федерации (2).

Миф Святой Руси – Имперского государства.

В национальном и культурном контексте «Святая Русь» понятие не столько географическое и историческое, сколько близкое к платоновскому «эйдосу» — понятию, существующему вне зависимости от возможности своего эмпирического воплощения. Это «благословенная святая Русь, для которой ничего не нужно, ни прав, ни внешнего богатства, ни порядка, ибо жребий ее не от мира сего...» (3).

Согласно и православному, и коммунистическому идеалу, именно Святая Русь должна «спасти» весь остальной мир: в этом тезисе проявляется мессианский комплекс, устойчивый к изменениям исторического и социокультурного контекста. Более того, и сегодня «поиск путей спасения мира, России не прекратился. Он продолжается» (4).

Миф Святой Руси постепенно превратился в миф Имперского Государства. Он наиболее важен в рамках национальной стратегии Российской империи — СССР — Российской Федерации. Имперское государство выступает в качестве метафизической квинтэссенции мифического «народа-богоносца», имеющего мало общего с конкретным народом, живущим на определенной территории.

Интересы этого государства абсолютно приоритетны по отношению как к отдельному человеку, так и к обществу в целом. Имперское государство продолжает в этом отношении традицию, идущую от государств Древнего Мира:

«Пред этой общей волей государства отдельный гражданин был совершенно беспомощным и бесправным... Государство было как бы земным богом, отдельный же человек был рабом этого земного бога» (5).

В рамках мифа «Святой Руси» имперское государство и является той силой, которая способна привести человечество в эсха-

тологический рай, достигнуть конца истории, установить тысячелетнее царствие Божье на земле (= коммунизм).

Имперское государство выступает не только средством осуществления, но и целью «божественного проекта», поскольку земной рай должен быть не только организован по принципу российского имперского государства, но и быть ИМ САМИМ, расширившимся если не на все континенты, то хотя бы на всю Евразию. Миф имперского государства проявляется, в частности, в базовом тезисе (аксиоме), согласно которому государство должно быть сильным, и чем оно сильнее, тем ближе к идеалу. Отсюда следует необходимость усиления его любыми средствами, не считаясь с ценой очередного укрепительного проекта.

Миф Святой Руси — Имперского Государства раскрывается через 7 основных исторических мифологем:

(1) Московия является единственной законной преемницей Киевской Руси. Другие русские земли, в соответствии с ролью, предначертанной свыше (Богом!), только периферия, центром выступает сначала Киев, в последующем — Москва (временно уступившая свой статус Санкт-Петербургу).

То, что эта мифологема не соответствует исторической реальности, — очевидно. В неангажированной философии истории Евразии утвердился тезис о врожденном (генетически обусловленном) антагонизме между русскими (финно-тюркским этносом) и поляками-беларусами (балто-славянским этносом) (6).

Была ведь и другая линия развития, условно обозначаемая как демократическая традиция, идущая от Киевской Руси через Новгородскую и Псковскую республики. Но главные роли в ней играли не финско-тюркские, а славянские земли, развивавшиеся под властью Великого Княжества Литовского, где города приняли магдебургское право, где отношения между центральной властью и народом регулировались в договорной форме. Поэтому имперская идеологическая традиция Московии эту линию всегда отвергала, замалчивала, не признавала.

(2) Святая Русь (она же Московское царство, Российская империя, СССР, Российская Федерация) постоянно пребывает в окружении внешних врагов. Ей приходится терпеть незаслуженные обиды от коварных и агрессивных соседей, но сама она никогда ни на кого не нападает. Окрестные земли Святая Русь присоединяет только тогда, когда они «сами просятся» под руку

Москвы. Оказание братской помощи тоже вынужденное, ее приходится оказывать, откликаясь на зов угнетаемого кем-то народа, и отказать в этой просьбе никак нельзя, поскольку глас народа есть глас Божий.

(3) Святой Руси приходится наносить превентивные удары отнюдь не с целью агрессии, а лишь для того, чтобы упредить агрессивные намерения врага, спасая при этом как отдельные народы, так и целые регионы. Вхождение в состав Российской империи является благом для ближних и дальних ее соседей, поскольку «правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь — первое государство на Земле» (7).

(4) Наделение окружающего мира, прежде всего Запада — главной цивилизационной альтернативы феодальной империи — набором отрицательных, а то и просто губительных для российского человека свойств. Подозрительному и негативному восприятию окружающего империю мира способствует постоянно воспроизводящаяся «сложная международная обстановка», что подкрепляется исторической статистикой. В российской истории военные периоды преобладают над мирными («за 36 лет петровского правления Россия знала всего один по-настоящему мирный год») (8). При этом «за кадром» остается тот факт, что инициатором подавляющего большинства военных кампаний (например, захвата Сибири, Прибалтики, Кавказа, Средней Азии) была именно «Святая Русь».

(5) Мифологема «Россия — Запад». Запад в такой системе координат является не только извечным врагом, но и антиподом России, «зазеркальем», местом, откуда нельзя вернуться не испорченным умственно и душевно.

Эта мифологема вменяет в обязанность всякому подданному империи набор антизападнических свойств. В ее контексте все построено на противопоставлении абстрактного российского и столь же абстрактного западного человека — как тезиса и анти-тезиса.

Так, если на Западе с конца Средних веков наблюдался постепенный переход к индивидуальным жизненным стратегиям, то в российской Евразии сохранялась общинность, которая в своем высшем проявлении перерастает в Соборность:

«Общинное начало составляет основу, грунт всей русской истории, прошедшей, настоящей и будущей... Общинный быт в сущес-

тве его... основан не на личности и не может быть на ней основан, но он полагает высший акт личной свободы и сознания — самоотречение» (9).

Если на Западе понимание частной собственности находится в традиции римского права, то на Востоке мы видим ее неприятие. То же самое касается стремления жить не по писаному закону, а по интуитивно ощущаемой Правде, то есть — «по совести». На практике это всегда означало произвол, означает то же самое и сегодня. К этому же смысловому ряду можно отнести отторжение меры во всех человеческих проявлениях и умеренности в материальной сфере жизни.

(6) К внешним врагам Святой Руси (Имперского государства) во все исторические эпохи примыкают враги внутренние. Только за последнее столетие к внутренним врагам причисляли левые партии, в том числе РСДРП и анархистов, затем, после 1917 года, мелкобуржуазные, дворянские и образованные слои общества, а также представителей различных группировок внутри партии большевиков. В поздний советский период список дополнили активисты правозащитных организаций и диссиденты вообще.

В 1990-е годы представления о внутреннем враге «диверсифицировались» в зависимости от политических симпатий и антипатий различных частей российского общества: впервые в истории России враг не назначался сверху в директивном порядке. Но десять лет жизни без четкого облика «внутреннего врага» и без единственно верной идеологии оказались для политических традиций России чем-то в высшей мере непривычным, поэтому авторитарная социально-культурная традиция подталкивала своих adeptов к поиску того и другого. Другое дело, что их совокупные творческие способности в сфере идеологии не идут дальше очередных интерпретаций на неувядающую тему православия, самодержавия и народности...

(7) Империя является единственно правильным и возможным способом социально-исторического бытия.

Многие исследователи неоднократно отмечали, что особенности великорусского национального характера, заметно обусловившего так называемый «советский характер», в значительной мере сформировала Русская православная церковь. А для нее характерна приверженность к безнадежно устаревшим (в культурном, социальном и политическом аспектах) учениям

первых веков христианства (к творениям «отцов и учителей Церкви») и враждебность ко всему иностранному, особенно к латинским христианам, «которых ненавидели и боялись» (10).

Именно эта особенность идеологии Имперского государства и ментальности великороссов способствовала консервации экстенсивных жизненных стратегий, в том числе хозяйственных. Не случайно, а закономерно все инновации, особенно технологические, приходили в Московию, Россию и СССР из Европы, а не вызревали внутри страны.

Полуфеодальный характер различных областей советской жизни не остался незамеченным для компетентных иностранных наблюдателей. Так, писатель Генрих Бёлль писал:

«Намеков на царизм в сопоставлении с коммунизмом в СССР в XX веке достаточно, — и все они кажутся мне убедительными. Ибо СССР явно феодальное государство, в котором угнетение осуществляется под другим знаком...» (11).

И добавил, имея в виду иерархичность всей советской системы (центр и периферия, категории, ранги и т.п.):

«Советский Союз — укомплектованное феодальное государство».

Стимул — реакция

Идеологическое и культурное наследие российско-советской империи сохраняет весьма значительный деструктивный потенциал как в отношении экономического роста России, так и в отношении процессов укрепления суверенитета в бывших «союзных» республиках.

Как уже сказано, культурно-цивилизационная система Советского Союза сложилась в виде квазифеодальной империи (выросшей из традиций Российской империи) с сопутствующим ей набором мифологем пропагандистско-агитационного толка. Данные идеологические установки по-прежнему влиятельны на постсоветском русскоязычном пространстве.

Ради наглядной демонстрации сохранения прежних имперских российских мифологем в полном их объеме приведем фрагмент текста, адресованного одним из московских духовных «мудрецов» своим оппонентам из Летувы. Осмысливая то, как на постсоветских просторах «национальные интеллигенции создают ксенофобские настроения», он пишет в газете «Московские Новости»:

«В еще советской Литве прославлялось Великое княжество Литовское, включавшее в себя в годы расцвета кроме территории нынешней Литвы земли нынешней Белоруссии, почти всю Украину, берег Черного моря. Восточная граница княжества проходила около Можайска. С удовольствием обсуждались документы, доказывающие, что Московское государство признавало верховную власть Литвы. Мог ли народ с такой историей быть частью страны, управляемой русскими?»

Но дело в том, что могучее средневековое государство называлось великим княжеством литовцев и русских, глава его именовался русским словом *князь*, а не европейским аналогом *герцог* или литовским *кунигас*. Языком летописей и двора был русский, по-русски пели колыбельные матери будущим великим князьям (все их отцы были женаты на русских). Русские составляли около 90 % населения государства. Можно говорить о неравноправии литовцев — ведь выходец из коренной Литвы не мог сделать карьеру без знания русского языка. Князья не завоевывали русские земли — они сами присоединялись, сплачиваясь против общих врагов — рыцарских орденов и татар. И Москвы. Тогда она не была центром всего русского...

Не могли сражавшиеся за независимость с Москвой Новгород, Тверь и Рязань знать, что Русское государство сложится вокруг Москвы. Не знали этого и жители Смоленска и Полоцка, погибавшие за право жить в государстве литовцев и русских, не желавшие идти под Москву. Не было русско-литовских войн — сражались два русских государства, претендовавших на власть над всеми русскими. Литовцы были меньшинством в том, которое проиграло...» (12).

Как видим, нынешние московские идеологи не считают население «соседней страны с центром в Минске» потенциальным партнером в разделе культурного и цивилизованного наследства ВКЛ. А вот Летуву они воспринимают всерьез. Известно, что «приватизацию» всего исторического наследства ВКЛ исключительно летувисами Москва последовательно поддерживала и в советские времена:

«В обмен на лояльность мощной национальной интеллигенции и национал-коммунистов в Литовской ССР, одной из «союзных» республик, рядом с коммунистической была разрешена националистическая идеология, которая основывалась на исторических мифах (про завоевание литовскими князьями белорусских земель, определяющую роль литовских земель в ВКЛ и т.д.)» (13).

К белорусским же исследователям, угодничающим перед нынешней властью — мало искушенной в хитросплетениях исторической и современной геополитики — у них отношение вполне

презрительное. То есть именно такое, какое заслужили официальные беларуские историки — в виде откровенных издевок над несмышленими «братьями меньшими». Например, автор статьи в «Московских Новостях» обращает внимание читателей на то, что «новейшие исследования бакинских историков доказывают, что Ветхий Завет переведен неверно: Бог творил Адама и Еву отнюдь не в междуречье Тигра и Евфрата, а в Карабахе, очевидно, уже тогда азербайджанском». Далее он говорит:

«Можно и Франциска Скорину назвать белорусским ученым, а его «Библию русску» — переводом на белорусский язык, но вот сам Скорина так не думал» (см. 12).

Понятно, что сценарии «геополитического развода» бывших советских союзных «республик-сестер» различаются между собой. Тем не менее, очевидна ситуация «несправедливости» межкультурных войн, проводимых современной Россией:

«Один вывод... является бесспорным: в течение всего рассмотренного периода /за последние 250 лет/ именно Россия являлась *атакующей* стороной по отношению к Польше — если отбросить все лицемерные заявления российских государственных деятелей и «национал-патриотов» на этот счет /.../.

Имперское мышление современных российских идеологов, политиков, деятелей культуры, равно как и значительной части рядовых граждан, не позволяет им признать вину своего Отечества перед любым народом, когда-либо поработанным их предками, прадедами или дедами. Это касается не только Польши, но и всех бывших союзных республик, автономий и других национальных образований СССР. Советский Союз уже заплатил собственной гибелью за такую позицию. Заплатит и Россия...» (14).

Сохранение идейной установки на удержание любой ценой всей прежней территории Российской империи (СССР) в сфере определяющего влияния Москвы неизбежно способствует развитию национализма в постсоветских республиках, а также угрожает культурной идентичности и геополитической целостности самой Российской Федерации.

Кремль пытается сегодня восстановить в массовом сознании граждан новых независимых государств такие мифологемы Имперского государства (в его коммунистическом варианте) как «советский народ — новая историческая общность людей», «три

братских славянских народа с общей судьбой», «Москва — мать городов русских» и т.д. При этом средства «восстановления» применяются сугубо силовые. Это чередование «кнута» и «пряника» (применительно к Беларуси); экономическое давление (в отношении Украины); финансовый шантаж (государства Средней Азии); открытая вооруженная агрессия (Грузия).

Однако всякое действие неизбежно рождает противодействие. Чем сильнее давление из Москвы на прежнюю «периферию», тем сильнее противоположная ему реакция отторжения. Поэтому любые попытки Москвы вернуть свое государство и его бывшие колонии к прежнему статусу закономерно способствуют усилению национализма — в самых разных его проявлениях — не только в бывших «союзных республиках», но и в автономиях самой Российской Федерации.

Цитированные источники

1. Тарас А.Е. Анатомия ненависти (Русско-польские конфликты в XVIII—XX вв.). Минск, 2008, с. 4.
2. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи (Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России). Москва, 2004, с. 220—231./
3. Новгородцев П.И. Идея права в философии В.С. Соловьева /В кн.: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. Москва, 1991, с. 528.
4. Спиваковский Е.И. Достоевский: Судьбы России (Идеи — загадки — дискуссии). Москва, 2003, с. 26.
5. Гессен С.Н. Политическая свобода и социализм /Избранные сочинения. Москва, 1998. с. 107.
6. См.: Тарас А.Е. Анатомия ненависти..., с. 201.
7. Карамзин Н.М. История государства Российского. Том XIII. О древней и новой России.
8. Пайпс Р. Россия при старом режиме /Пер. с англ./ Москва, 1993, с. 70.
9. Самарин Ю.Ф. О мнениях «Современника», исторических и литературных /В кн.: Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. Москва, 1996, с. 431—432.
10. Кёнигсбергер Г.Г. Средневековая Европа, 400 — 1500 годы /Пер. с англ./ Москва, 2001, с. 264.
11. Бёлль Г. Солженицын и Запад /Собр. Соч., том 5 / Москва, 1996, с. 531.
12. «Московские новости». 2006, № 41.
13. Невядомая Беларусь. Аналітычныя эсэ. Мінск, 2008, с. 43.
14. Тарас А.Е. Анатомия ненависти..., с. 781./

Заключение:

ЧТО ЗНАЧИТ «БЫТЬ БЕЛАРУСОМ»

Анатолий Тарас (профессор)

Вот уже 19 лет мы живем в независимом государстве — Республика Беларусь.

На его нынешней территории люди поселились еще в доисторические времена, после окончания ледникового периода, но наше государство совсем юное. Даже для человека 19 лет не считаются «биографией», что уж говорить о державе.

Более четырех пятых населения страны составляют беларусы, но беларуским языком пользуется в повседневной жизни не более четверти жителей страны. Три четверти населения проживает в городах и поселках, однако у беларусов пока еще преобладает крестьянская ментальность.

Беларуское государство идет по пути буржуазного развития, но многим его гражданам, несмотря на это, по-прежнему нравятся идеалы и ценности социализма...

Давайте вместе подумаем о том, что значит быть беларусом сегодня.

1. Порознь или вместе?

Досадно видеть разобщенность граждан нашего государства. На кого только мы не делимся! На горожан и селян, «коренных» и «пришлых», лукашистов, и демократов, верующих и атеистов, «западников» и «восточников», самостоятельных хозяев и людей наемного труда... Беларусы тратят на противостояние друг другу массу времени и сил. В результате каждый в отдельности остаётся беспомощным «винтиком».

Разобщенность беларусов проявляется на всех уровнях — от политического до бытового. Одни выступают за действующего президента, другие за оппозицию. Кто-то считает, что Беларусь должна объединиться с Россией, другие, что лучший вариант — вступление в Евросоюз. Часть граждан сознательно говорит

только на белорусском языке и осуждает тех, кто пользуется русским. Другая часть считает белорусский язык безнадежно устаревшим, отказалась от него, не верит в возрождение «мовы».

Линий раскола в нашем обществе столько, что невольно задумываешься, существует ли вообще белорусский народ? Многие люди в нашей стране и за ее пределами полагают, что Республика Беларусь всего лишь географический и политический феномен, а не социокультурная реальность.

Причины разобщенности белорусов

Нельзя объяснить такую ситуацию каким-то одним фактором. Причин несколько.

Во-первых, разобщенность является серьезной проблемой жителей наших земель с давних пор. Во времена ВКЛ и Речи Посполитой они тоже дробились по многим признакам — этническому (на западе страны — литвины, на востоке — русины), языковому (шляхта и мещане говорили на польском, крестьяне на разных диалектах так называемого «старобеларуского»), религиозному (католический Запад, православный Восток), культурному (в городе — польско-еврейская культура, на селе — беларуская). Эти различия успешно использовали в своих целях соседи — Польша и Россия, всячески их раздувая.

Во-вторых, вспомним, сколько раз Россия едва ли не «под корень» уничтожала нашу национальную элиту: в 1831 году, в 1863—1864, в 1918—1921, в 1930—1941... Этот «лесоповал» сопровождался ликвидацией образовательных институтов Северо-Западного края (затем БССР), имевших национальную специфику. В том же ряду — уничтожение униатской церкви в 1839 году и навязывание православной церкви московского образца.

В результате была прервана связь между поколениями нашей интеллигенции — создательницы и главной носительницы национального самосознания (по научному — идентичности). Иными словами, российские власти, и царские, и советские, на протяжении 200 лет успешно осуществляли культурно-национальный геноцид в белорусских губерниях своей империи*.

* Напомню эти губернии. Виленская (включая Свенцяны), Витебская (включая Режицу и Себеж), Гродненская (включая Белосток и Дрогичин над Бугом), Минская, Могилевская (включая Гомель). Их территория значительно превосходила современные области с теми же названиями.

В-третьих, из 9,5 млн граждан Беларуси 6,5 млн (67 %) живут в малых городах, поселках и деревнях. Среди их жителей преобладает традиционная психология «тутэйшых» («здешних», «местных»). Но такие люди не мыслят категориями истории, политики, культуры, они «просто живут». Еще точнее — стремятся приспособиться к любой ситуации, не пытаясь изменить ее.

В-четвертых, политическая, духовная, культурная и образовательная сферы жизни белорусского общества продолжают испытывать мощное давление со стороны России.

В-пятых, ни в одной постколониальной стране не удалось быстро построить благополучное общество. Отсутствие политического опыта у новой властвующей элиты, длительное уничтожение национальных корней и наиболее активной части общества еще долго тормозят развитие стран после обретения ими формальной независимости. Беларусь в этом смысле не является исключением.

Слабость национального самосознания в постколониальных странах приводит к тому, что интересы внешних «друзей» (правильнее сказать — врагов) сильнее влияют на политику и экономику таких стран, чем их собственные. И тогда страна, юридически обладающая независимостью, продолжает играть роль марионетки в руках опытных «кукловодов».

Разобщенность белорусов выгодна нашим соседям, но только не нам самим. Отсутствие национальной идеи и национального единства делает нас слабыми, мешает давать надлежащий отпор геополитическим и культурным влияниям соседних народов и государств.

Поэтому консолидация народа на базе национальной идеи, понятной массам и способной воодушевить их, должна стать важнейшим направлением внутренней политики руководства государства — ради своей же безопасности.

Что объединит нацию?

Что объединяет поляков, французов, шведов и прочих? Прежде всего, общая для большинства граждан национальная идея (она служит маяком, ориентиром) и осознание гражданами самих себя частью нации (национальное самосознание).

Эту задачу решают в первую очередь системы образования, пропаганды и культуры. К сожалению, образованием, пропа-

гандой и культурой с целью формирования национальной идентичности (самосознания) в нашей стране фактически не занимается ни власть, ни интеллектуальная элита общества. Последняя к тому же раздроблена, пребывает в депрессии. Вот почему в Беларуси до сих пор используют программы, учебники, пособия, созданные в советские времена и пропитанные духом пресловутого «западнорусизма». Частичные изменения и дополнения не решают проблему.

Пора бы уже понять и представителям власти, и «простым людям», что все мы граждане одного государства, независимо от этнического происхождения, вероисповедания, политической ориентации, имущественного и социального положения каждого индивида. Основой для нашей государственности в настоящее время должно быть именно то, что идеологи КПСС и СССР называли «национализмом» и «сепаратизмом».

Быстрее достичь единства общества нам поможет изучение своей истории, своей культуры, а также художественных произведений наших выдающихся литераторов (таких как Янка Купала, Владимир Короткевич и Василь Быков) — не имеет значения, на белорусском языке или в русских переводах.

2. Знание истории Отечества

Ответы на вопросы о том, с какого рубежа вести отсчет белорусской государственности, вокруг каких событий прошлого строить национальную идеологию, делят белорусов на два лагеря.

Представители одного считают Беларусь наследницей Великого Княжества Литовского (ВКЛ) и Белорусской Народной Республики (БНР), другие ориентируются на «партизанскую» БССР периода Великой Отечественной войны. Соответственно, они признают две разные группы выдающихся деятелей, две принципиально различные идеологии и разные символы. Далеко не случайно и то, что большинство сторонников первого из этих «лагерей» относится к числу верующих, большинство других — к числу атеистов.

Так мы далеко не уедем. Надо, чтобы история нашей страны (как и христианская вера) объединяла нас, а не разделяла.

Хорошее знание прошлого поможет избежать многих ошибок на пути в будущее. Например, история ВКЛ, которое все 550 лет

своего существования было демократическим (пусть то была «шляхетская демократия»), полиэтническим и многоконфессиональным государством, дает нам прекрасные образцы самоуправления граждан, национальной и религиозной терпимости. А история советской Беларуси показывает много примеров героизма и самопожертвования в борьбе против внешних врагов.

Исторические мифы как форма идеологической диверсии

Нередко приходится слышать от чиновников разных уровней, руководителей трудовых коллективов, журналистов государственных средств массовой информации и даже от деятелей «культурного фронта» высказывания о «бедности» белорусской истории. Такие заявления — свидетельство невежества. Разобранной на части, нашей истории вполне хватает трем народам — полякам, летувисам и русским.

Но почему они так думают? Да потому, что двести последних лет белорусское историческое и культурное наследие замалчивали, искажали и «прихватизировали» наши соседи.

Например, летописи, способные пролить свет истины на наше далёкое прошлое были умышленно уничтожены, либо вывезены и до сих пор скрываются в секретных хранилищах России*. Первым об этом позаботился московский великий князь Иван IV. Сей душегуб, печально «прославившийся» истреблением десятков тысяч жителей своего государства, был умен и для своего времени неплохо образован. Он прекрасно понимал значение исторических документов. Поэтому, захватив в 1583 году Полоцк, немедленно распорядился увезти в Москву наиболее ценную часть архива и библиотеки из подвалов полоцкой Софии. А другую часть приказал сжечь вместе с нашей духовной святыней.

Если бы дела наших предков были постыдными, это давно бы использовали в своих интересах идеологи колониальных режимов России и Польши. Однако они либо молчат о событиях нашей древней истории, либо полностью искажают их. Между тем, при изучении летописей, написанных противниками наших

* В Государственном архиве Российской Федерации, где хранятся документы только досоветского периода истории, есть большой секретный отдел. Вот где спрятано множество документов, имеющих прямое отношение к нашей истории. Их вывезли российские захватчики в трагические моменты нашей истории — в 1583, 1655, 1795, 1919, 1941 годах.

предков (например, хронистами Тевтонского ордена), проступает образ сильного гордого народа. Вот почему в советской историографии изложение истории Беларуси всегда начиналось с образования БССР в 1919 году, как будто бы тысячу лет до этого здесь находилась какая-то «чёрная дыра».

У нас украли не только летописи. За пределами территории Беларуси сейчас находится 95% наших исторических и культурных ценностей*. Возвращать эти сокровища никто не собирается — хотя бы потому, что белорусское политическое руководство этого не требует.

Российские, польские и летувисские фальсификаторы уже давно направляют общественное мнение своих стран в обход многих важных событий, словно охотники гонят дичь между верёвками с флажками. Для этого они завышают значимость одних фактов и принижают другие. О многом просто молчат.

Например, Ледовое побоище в сочинениях русских историков и в советском кинематографе всегда изображалось колоссальной битвой. Чтобы понять её истинное значение, достаточно вспомнить, что число рыцарей исчислялось пятью десятками. Вместе с оруженосцами рыцарей и пехотой эстов на берегу Чудского озера в тот день было не более двух тысяч «немцев». Это была рядовая стычка между Господином Великим Новгородом и Тевтонским орденом, одна из множества. А сам Новгород в 1242 году являлся независимым государством словен и кривичей. Московский великий князь Иван III, дед Ивана IV, захватил его только в 1478 году — через 236 лет после сражения, якобы имевшего «судьбоносное» значение для «истории России».

Точно так же поляки полностью приписали своим предкам победу в битве с Тевтонским орденом на Грюнвальдском поле в 1410 году. Среди 93 воинских подразделений («хоругвей»), сразившихся в тот день с тевтонцами, собственно польских было только 38. А литвинских (беларуских) — 31, русинских (украинских) — 14, жамоитских (летувисских) — 3, прочих — 7. Но напрасно искать в книгах и статьях польских историков признание выдающегося вклада в победу этого большинства (55 отрядов из

* В 1994–96 гг. белорусские историки и архивисты опубликовали обширный список национальных ценностей, вывезенных в разные времена с территории Беларуси и в настоящее время остающихся за пределами нашей страны. Это три тома под общим названием «Вятанне». В сумме в них 780 страниц!

93). Если им верить, «союзники» не совершили ничего героического. Решающую роль сыграли, конечно же, поляки.

Ну, а историки Летувы еще в 20-е годы XX века «доказали» самим себе, что вовсе не литвины и русины (предки беларусов) создали Великое Княжество Литовское (ВКЛ), а ...жамоиты (предки нынешних летувисов). И хотя Жамойтия стала частью ВКЛ только в 1422 году, это их абсолютно не смущает. ВКЛ к тому моменту существовало около 170 лет и прекрасно обходилось без жамойтов! Чтобы свести концы с концами, они придумали какую-то «истинную Литву» (*Lithuania propria*) и еще многое другое. Вообще, сочинения историков-летувисов — это такая словесная эквилибристика, что когда читаешь, трудно удержаться от использования некоторых идиоматических оборотов русской лексики, не переводимых на другие языки.

Нам всем — и «кіраўнікам», и «идеологам», и «простым» гражданам следует хорошо понимать, что никто, кроме нас самих, не заинтересован в правдивом освещении истории беларуского народа и тех государственных образований, которые существовали на наших землях. Все, что происходило в Полоцком княжестве (и других древних княжествах — Туровском, Минском, Смоленском...), Великом Княжестве Литовском, Речи Посполитой, Северо-Западном крае Российской империи, в БНР и БССР, историки других государств всегда искажали и будут искажать, исполняя политические заказы своего руководства.

Существующая сегодня официальная история Российской империи (как и СССР) насквозь лжива. Ее «каркас» создал Н.М. Кармзин в своей 12-томной «Истории государства Российского», сам откровенно признавший наличие в этом сочинении большого «примеса лжи». Последующие российские историки (М.П. Погодин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, А.Д. Нечволодов и сотни других) лишь дополняли его идеи и уточняли детали. Главная цель официальной русской и советской историографии — оправдание захвата чужих земель и обоснование пресловутого «права Москвы» на «собирание земли русской» — то есть, на захват чужих земель, русификацию поработенных народов, навязывание им своей церкви, подавление национально-освободительного движения.

Наша история — не сплетни третьесортного уезда, претендующего на роль второсортной губернии. Великое Княжество Ли-

товское, Русское и Жамойтское было действительно великим, одним из самых крупных и мощных государств средневековой Европы. Оно весьма существенно влияло на общеевропейские исторические процессы.

Владения наших магнатов были крупнее некоторых европейских княжеств и герцогств. Образованная шляхта составляла 10–12% населения ВКЛ, тогда как дворянство в Московии — только 1%. Радзивиллы и Сапеги содержали театры с громадными даже по нынешним временам труппами в 60 артистов и 40 музыкантов, а в Московии театрами еще и не пахло.

Длительное игнорирование роли наших предков в истории Европы привело к современному состоянию исторической науки. Сегодня это два ничем не связанных массива — история Западной Европы и история Российской империи. Связующее звено между ними — история ВКЛ — полностью «выпало». Но теперь пришло время и ей выйти, наконец, из забвения.

Образ народа-неудачника

Российская и особенно советская историческая «наука» сыграла очень важную роль в воспитании комплекса неполноценности у белорусов. Созданные ею мифы настолько прочно вошли в сознание значительной части граждан, что наши давние и недавние предки видятся только в образах туповатых отсталых лапотников.

Все рассказы о нашей стране обычно начинаются либо с «великого октября 1917 года», либо с первых лет XX века. Вот, например, детская энциклопедия «Что такое. Кто такой», изданная в 1975 году. Тысячелетняя история Беларуси сжата в ней до нескольких абзацев. Доверчивому детскому воображению предлагается весьма мрачная картина:

«Это был один из самых нищих и отсталых краёв царской России. В деревнях, носивших горькие названия — Голодное, Бесхлебицы, Мохоеды, Короеды, виднелись покосившиеся, полуразвалившиеся домишки, а зачастую просто землянки. Лишь в некоторых местах дымились трубы маленьких заводиков. За годы Советской власти Белоруссия стала развитой промышленной республикой. Над ней поднялся новый лес — лес заводских и фабричных труб».

Просто какой-то «кошмар на улице Вязов»!

Воспитание комплекса неполноценности у подневольного народа является обязательным элементом колониальной политики любой державы. Колонии своими ресурсами питают метрополию, поэтому требуется как-то объяснять тяжелое положение их жителей. С этой целью создается образ глуповатого народа-неудачника, который давно совсем бы пропал, если бы не «помощь» колонизаторов.

В этой связи надо прямо сказать, что воспитанием комплекса неполноценности усердно занималась поощряемая и царизмом, и большевиками «крестьянско-пролетарская» беларуская литература. Она сосредоточилась на изображении всего самого неприглядного и убогого в народной жизни. Произведения в стиле «Пяць лыжак заціркі» считались «шедеврами» такой «литературы». Мы знаем, что в любой стране есть нищета. В жизни любого народа и каждого человека есть моменты, которыми не принято гордиться. Но беларусам слишком долго внушали мысль, что у них ВСЁ было только негативным.

Начиная с «Дудкі беларускай» (1891 г.) Франтишека Богушевича, беларуские литераторы культивировали образ многострадального народа. Почему многострадального? Да потому что он «отсталый» и «забитый» (читай — «недалёкий»). У человека даже со средним интеллектом такая «картинка» способна вызвать только отвращение. К сожалению, наши классики — Максим Горький, Якуб Колас — «стонали» о том же. Лишь Владимир Короткевич посмел нарушить эту мерзкую колониальную традицию!

Не только «чужие» историки и писатели, но и многие «свои» вот уже больше сотни лет «долдонят» беларусам о том, что они — «жертвы». Людям, выросшим на такой «истории» и такой «литературе», трудно поверить, что их предки не были убогими.

Псевдобеларуское воспитание продолжается и сейчас. Например, в школах детей учат делать так называемые «беларуские хатки», основные атрибуты которых — прялка, лучина и лапти. Уместно спросить: почему там не делают макет крепости в Ляховичах, одной из сильнейших в Европе XVII века? Крепости, спроектированной и построенной нашими предками, единственной, устоявшей перед ордами московских завоевателей во время войны 1654—67 гг. Лапти уместны на артистах фольклорных ансамблей, но не как символ нации.

Статистика, на основе которой можно сделать выводы о негативном влиянии России на Беларусь, всегда скрывалась. Например, данные о соотношении количества зерна, собиравшегося до и после коллективизации, не публикуются даже сейчас. Конечно, в БССР появилось много фабрик и заводов. Но в сопоставимых по территории и населению европейских странах, где удалось скрутить местных большевиков, их построили намного больше.

При любой власти люди пахут и сеют, рожают и растят детей. Это заслуга природы, а не властей. Оценить качество политического строя можно, только сравнивая соотношение положительных и отрицательных факторов, влияющих на естественный ход жизни. Не так уж давно (в 2002 г.) в Гродно праздновали 200-летие учреждения Гродненской губернии. Как сообщали официальные источники, это «эпохальное» событие «способствовало развитию» Гродненщины. Почему же тогда Гродненщина из передового воеводства Речи Посполитой, где находилась ставка короля Стефана Батория, где жил король Станислав Понятовский, превратилась в «один из самых нищих и отсталых краёв царской России»?

Между тем, не так уж трудно найти причину, объясняющую экономическую деградацию белорусских губерний во времена царизма. По указу императрицы Екатерины от 1795 года, налоговые платежи в бюджет Российской империи разрешалось перечислять как монетами, так и ассигнациями. Но белорусам предписали делать это только монетами. Эта, казалось бы, второстепенная инструкция, регламентировавшая порядок использования платёжных инструментов, подорвала экономическое процветание белорусских земель. Если официальный курс обмена металлических денег на бумажные составлял 1:1, то реально за 22 рубля серебром давали 100 рублей ассигнациями. Таким образом, налоговая нагрузка на белорусские губернии оказалась почти в 5 раз выше, чем на российские! О каком развитии после этого могла идти речь?! Это поистине коварное изобретение вынуждало белорусских помещиков и купцов вкладывать деньги в развитие экономики России, а не своего края...

Сейчас уже нет белорусов, имевших сомнительное «счастье» своими глазами видеть коллективизацию 20–30-х годов. Зато рассказов очевидцев «исторических» преобразований в селениях Западной Беларуси в 50-е годы XX века еще достаточно. Они

помнят, как до осени 1939 года читали всей деревней исчерканные советскими цензорами письма от родни, жившей в БССР: «...живём мы так хорошо, что на обед едим даже брюкву». Над сельчанином, поверившим в реальность такого обеда, смеялась вся родня. После воссоединения и коллективизации уже не смеялись. Брюкву стали есть сами.

Внедряя «коллективные принципы хозяйствования» в белорусские деревни Москва прислала «двадцатипяти...» и прочих «тысячников» — лодырей, пьяниц и самодуров со всей России. Именно эти ничтожества учили белорусов «жить по-новому». Трудно услышать хоть один положительный отзыв об их «помощи», зато отрицательные — только записывай. Люди непутевые даже по российским меркам, они спаивали и деморализовали белорусскую деревню. Последствия их деятельности и сегодня можно увидеть в любом ближайшем колхозе.

3. Христианская религия

Христианство живет уже две тысячи лет. Разве можно сказать то же самое о тысячах общественно-политических теорий и учений, возникших за это время? Подавляющее большинство их давно исчезло, оставив слабый след в виде упоминаний в научной литературе. Только христианское учение по-прежнему обладает огромной жизненной силой. Перефразируя марксистов, можно сказать, что «учение Христа всесильно и бессмертно, ибо оно истинно!»

Беларусы — христиане с давних времен. Традиции христианства на нашей земле древнее и глубже, чем у соседей. Оно пришло сюда из Великоморавского государства в последней четверти IX века. наших предков, живших по берегам Припяти и Случи, Березины и Днепра крестили ученики Святого Мефодия. Крещение Киевского княжества состоялось на 100 лет позже.

Но христианство разделено на конфессии. Как быть с этим фактом? Лично мне конфессиональные споры кажутся абсурдными. Ведь все христиане согласны с тем, что Бог — один. И что Он — всеведущ. Следовательно, Бог знает о каждом из миллиардов землян — верит конкретный человек в единого Бога или нет, стремится ли соблюдать в своей жизни заповеди Иисуса Христа, понимает ли свою земную жизнь как подготовку к Вечности?!

Если это так, то о чем споры? Оказывается — сугубо о земном. О числе прихожан, о принадлежности культовых сооружений, о поддержке со стороны государства, о финансовых льготах, о свободе своей пропаганды и т.д. То есть — о деньгах и власти. Бог здесь абсолютно не при чем! Так что не путайте веру с конфессией.

Что касается конкретной белорусской специфики, то о ней хорошо сказал наш философ Валентин Акудович:

«Мы вызрели как Нация без непосредственного участия Церкви. Когда на просторах нашей страны происходило огосударствление религии (ВКЛ, Речь Посполитая), Нация еще не вызрела. Когда Нация вызрела, уже не было ни *своего* Государства, ни *своей* Церкви»*.

Итак, белорусы — это христиане разных конфессий: православные и католики, протестанты и униаты.

Для того, чтобы преодолеть церковный раскол, всем нам следует понимать и учитывать то, о чем сказано выше: конфессиональное разделение — явление сугубо земное, а не божественное. Что бы ни утверждали на словах иерархи Римско-Католической и Русской Православной церквей, пресвитеры Евангельских христиан (баптистов), они следуют генеральной линии своего высшего руководства. А это руководство «сидит», соответственно, в Ватикане, Москве и США.

Но нам ради чего «петь и плясать» под «музыку» религиозных деятелей Западной и Восточной Европы, ведущих между собой борьбу уже тысячу лет? Ведь мы видим: пока они спорят между собой, во всей Европе традиционные христианские конфессии неуклонно вытесняются исламом, псевдовосточными и прочими сектами. Перед лицом этой очевидной угрозы православным, католикам и протестантам давно пора договориться между собой о единстве взглядов и действий.

Платформой для согласия должно стать признание того общего, что есть в вероучении (догматике) и культе этих конфессий, вместо безумных по сути заявлений о том, будто бы единственный обладатель истины — «наша Церковь», а не какая-либо другая. Я верю в то, что именно белорусы, всю свою историю живущие на пограничье не только географическом, но и духов-

* Акудович В. Код адсутнасці. Минск, 2007, с. 19.

ном, способны показать миру пример церковного примирения и согласия.

Правда, на пути к решению этого вопроса пока еще существует большое препятствие. Оно называется политика патриархии Русской православной церкви (РПЦ). Эта политика абсолютно неприемлема для патриотов Беларуси.

РПЦ изначально обслуживала интересы правящих группировок Московского государства, затем — Российской империи. Людей покоряли русские солдаты, потом попы внушали им мысль, что московский царь — от Бога, и что сопротивляться ему — значит, выступать против Бога.

Что изменилось сегодня? В независимой Беларуси православные священники официально объявили себя филиалом московской церкви и на разные лады призывают к «объединению» с Россией. Известно, каким способом: через отказ от независимости и вхождение в состав России в виде шести областей, или — в лучшем случае — автономией по типу Татарстана. И службы свои они служат (в отличие от католических ксендзов, униатских батюшек и евангельских пресвитеров) на русском языке, а не белоруском.

Кстати говоря, для РПЦ нет и белорусов как таковых. Еще в середине XIX века ее деятели объявили нас частью «великого русского народа», назвав «западными русскими»! Был такой мерзавец, звали его Михаил Коялович, он это первым выдумал и, начиная с 1856 года, 35 лет подряд распространял свои выдумки с кафедры православной духовной академии в Санкт-Петербурге.

Так что нынешний «Белорусский экзархат» РПЦ не союзник белоруским националистам. Он выступает за интересы России, а не нашей страны. Оно и понятно: иерархи этого экзархата в своем большинстве — россияне. Они там родились и выросли, там учились. Наша страна для них — чужая.

Взять, например, главу экзархата — митрополита Филарета. Его светское имя — Кирилл Вахромеев. Родился в Москве в 1935 году, в 1957 году окончил Московскую духовную семинарию, в 1961 — духовную академию. Пост митрополита Минского и Белорусского в первый раз занял в 1978 году, будучи зрелым 43-летним человеком, вторично — в 1989. Риторический вопрос: неужели он способен любить нашу Отчизну так, как любят ее сами белорусы?

Филарет и слышать не хочет о превращении экзархата в самостоятельную церковь. Для него принципиально важно, чтобы наша страна если не политически, то хотя бы в церковном отношении продолжала оставаться частью «единой неделимой России». Соответственно, он и его сподвижники преследуют деятелей Беларуской автокефальной православной церкви, существующей полулегально. Обвиняют их во всевозможных церковных и политических прегрешениях.

Думаю, что работу по сближению христианских церквей в Беларуси можно было бы начать с выработки единой терминологии на беларуском языке. Далее подготовить и издать каноническую литературу на «мове». Это — совершенно конкретное дело, практическое значение которого трудно переоценить.

Надо также убедить руководство «Белорусского экзархата» провозгласить «автокефальность» — то есть, независимость от Московской патриархии! Если убедить не удастся — заставить!

Что касается «рядовых» верующих, то хочу сказать им, что личную веру надо ставить выше интересов церковного руководства. Бог сам видит, веришь ли ты в Него, служишь ли Ему, и как именно. Это — небесное. А земное — борьба за подлинную независимость своей страны. Не позволяйте никому, в том числе священнослужителям, дурить нам головы в вопросах независимости и суверенитета. Наша столица — не Москва, не Варшава, не Ватикан, не Вашингтон, а Минск!

Граждане Беларуси наконец-то стали зарабатывать деньги. Они строят себе коттеджи и дачи, покупают квартиры, машины и массу других вещей, о которых раньше только мечтали. Вполне закономерно большинство жителей страны оказалось в плену материальных искушений, поскольку нет у них опыта материального благополучия. Более того, многочисленные искушения сферы потребления многие люди приняли за свободу, решив, что в мире вещей все возможно. Сегодня вектор культуры повернулся в сторону человека потребления. Это, безусловно, плохо, ибо «не хлебом единым жив человек».

Пусть каждый, кто читает эти строки, посмотрит на себя. Благодарите ли вы нашего Создателя каждый день за то, что он даровал счастье жить? Участвуете ли в мессе («имше») хотя бы раз

в месяц? Каетесь ли в своих грехах на исповеди хоть раз в год? Стараетесь ли в повседневной жизни соблюдать Десять Заповедей и заветы Иисуса Христа? А ведь Евангелие две тысячи лет назад дало ясный ответ на вопрос о том, как надо жить.

Может ли быть успешной жизнь человека, у которого в голове ералаш противоречивых стремлений и желаний? Настолько успешной, чтобы в старости, перед лицом приближающейся смерти, испытывать удовлетворение от пройденного пути и с радостным волнением ожидать встречи со Всевышним. Может ли достичь каких-то высот общество, блуждающее в потемках, состоящее из запутавшихся людей, чьи сердца закрыты для веры? Ответ ясен: никогда!

Да, Бог помогает. Но только тем, кто и сам старается. В этом смысле чудес не бывает. Что посеешь, то и пожнешь — при том условии, что в поте лица своего трудился телесно и духовно.

По моему мнению, именно религиозная идея является тем «паровозом», который способен потащить за собой все вагоны поезда национального возрождения.

В библейской «Книге Бытия» сказано: «В начале было слово, и слово было у Бога, и слово было Богом». Библия — неисчерпаемый источник вечных истин. Что означает на практике примат «Слова»?

Именно «слово истины» — основа успехов любой страны, любой экономики, любого общественного движения. Вот есть на свете такая страна — Япония. Она полностью лишена полезных ископаемых. Но занимает одно из первых мест в мире, например, по выплавке стали. Руду японцы привозят из Южной Америки, уголь из Канады, то и другое они везут через огромный Тихий океан. Выплавляют у себя в стране сталь, а потом продают ее в той же Канаде дешевле канадской!

Благодаря чему возможна такая фантастика? Благодаря японской идее. Она родилась в результате сплава народной религии Синто и заимствованного в Китае буддизма с достижениями мировой науки и техники. И вот результат: за 30 послевоенных лет усилия всей нации по реализации этой идеи превратили Японию в одного из мировых лидеров!

На какой почве мы можем вырастить свою национальную идею? Только на своей собственной! Беларуская национальная идея невозможна без учения Христа. Мне представляется, что сутью нашего «Слова» могла бы стать концепция Всеединства, подчеркивающая то общее, что есть в православии, католицизме и протестантизме, а не то, что их разделяет.

И последнее суждение в этом ряду. Мы все живем среди людей — в обществе. Хотим того или нет, но каким-то образом участвуем в общественной жизни — даже тогда, когда старательно этого избегаем. Есть ли в нашей стране хотя бы одно политическое движение, руководствующееся принципами христианства? К счастью, есть. Это партия Беларуская Христианская Демократия. Она уже сейчас объединяет христиан разных конфессий, а также атеистов, признающих значение христианских ценностей. Я не призываю всех читателей поголовно вступать в нее. Но обдумать этот вопрос не помешает.

4. Культура шляхетская и крестьянская

Фабиан Шантырь, первый нарком национальных дел Беларуси, заявил в 1919 году:

«Живой народ, имеющий под собой неизменные основы своего национального быта, не умрет, а рано или поздно возродится».

Но именно основы национального быта за последние 50 лет колоссально изменились. Беларуские историки и социологи утверждают, что Беларусь традиционно (т.е. с древности и вплоть до 70-х годов XX века) была преимущественно крестьянской страной (80 — 85 % населения). Крестьянство очень долго сохраняло традиционный уклад своего быта, свои обычаи, верования, фольклор и прочее. Но где оно сейчас?

Формально, в сельской местности еще живут 26 % граждан Беларуси. Однако то, во что превратилось крестьянство благодаря «неустанной заботе коммунистической партии и советского правительства» — общеизвестно. Поэтому рассчитывать на возрождение традиционных крестьянских ценностей — ненаучная фантастика.

Современные беларусы — это горожане (74 % населения). А горожанам уже во втором поколении, не говоря о третьем или

четвертом, непонятна и абсолютно чужда извечная крестьянская мечта о земле. По одной только этой причине огромный пласт традиционной народной культуры безвозвратно ушел из реальной жизни. Крестьянские обычаи, моральные нормы, житейские принципы, приметы, сказки, песни, танцы и прочие элементы повседневной жизни кажутся горожанам либо скучным примитивом, либо вообще чуждой. Оставляют их равнодушными и классические произведения отечественной литературы, посвященные проблемам «мужыкоў». Наглядный пример — степень нынешней «популярности» поэмы Якуба Коласа «Новая зямля», написанной ровно 100 лет тому назад.

Для крестьянина прошлых веков земля представляла абсолютную ценность. Все его мысли были о ней, о посевах и урожае, о покосах и скотине. Заморозки или ливни, гибель лошади либо коровы могли поставить его семью на грань голодной смерти. Верования, приметы и обычаи крестьян имели своим первоисточником культ земли, берущий начало во временах язычества. Но горожанину все это «по барабану». Сегодня ему фактически намного ближе образ жизни не крестьянства, а шляхты и мещанства.

Во-первых, у горожанина, как и у шляхтича, имеется так называемое «свободное время». У крестьянина его никогда не было, нет и сегодня.

Во-вторых, нынешний горожанин, как и шляхтич, не только грамотный, но и образованный. Среднее образование получают практически все (как минимум, в объеме 8 классов). Крестьяне же до 1860 года почти все были неграмотными, до 1950 года — малограмотными.

В-третьих, в плане наличия благоустроенного жилища, бытовых удобств, одежды и обуви, транспорта, средств связи и прочих технических устройств современный горожанин весьма значительно превосходит шляхту XIX века, тем более — тогдашних крестьян.

А образ жизни рождает соответствующий образ мыслей — это аксиома.

Но вдумайтесь в то, к чему нас призывают «нациянальна сьвядомыя адраджэнцы». К тому, чтобы морально-нравственным и эстетическим эталоном для нас оставались произведения крестьянских писателей и поэтов первой трети XX века, на все

лады голосивших «аб цяжкай сялянскай доле!»! Это смешно и глупо. Прежняя жизнь сегодня никому не интересна по той простой причине, что даже крестьяне живут и трудятся в совершенно иных условиях, не говоря о горожанах. От прежней жизни мы уехали далеко и навсегда.

По моему мнению, ошеломляющий успех произведений Владимира Короткевича был вызван в свое время именно тем обстоятельством, что они выступили убедительной альтернативой и «плачу» крестьянских литераторов 1900–30 годов, и «колхозному быту» писателей 1950–60-х годов.

В самом деле, о ком идет речь в его книгах «Седая легенда», «Дикая охота короля Стаха», «Кастусь Калиновский», «Христос приземлился в Гродно», «Колосья под серпом твоим», «Черный замок Ольшанский», «Колыбель четырех волшебниц», да и других тоже? Неужели о крестьянах? Прочитайте снова и вы увидите: его герои — шляхтичи, разночинцы, горожане! Наши литературоведы стыдливо затушевывают этот факт, тогда как он является фундаментальным для понимания творчества В.С. Короткевича.

Достаточно сравнить его книги с классическим «колхозным» романом Ивана Мележа «Люди на болоте» (1961 г.), включенным в школьную программу. Может ли кто-нибудь сказать — о чем он? В чем там интрига? Вообще, что происходит на страницах этого романа? «Іван пайшоў у стайню», «Ганна прынесла малака», «Мікола ўвесь дзень будаваў дах на сьвіране». Примерно в таком духе. Разумеется, при желании подобные тексты тоже можно считать литературой. Вот и считают..

Нашим идеологам, как официальным, так и оппозиционным, как признанным, так и неформальным, давно пора переориентироваться на ценности, нормы, традиции шляхетско-мещанской культуры.

Правда, нет ее вокруг. Ведь то была культура «панская», ненавистная «мужыкам» по определению. Невежественные революционеры, переполненные завистью и злобой (прежде такие настроения называли «классовой ненавистью»), эти «выходцы из народа» долго и старательно уничтожали ее. Истребили без остатка. А крестьянская культура умерла естественной смертью. В результате мы имеем то, что имеем — вакуум, активно и успешно заполняемый продуктами массовой культуры иностран-

ного производства, в первую очередь — с ярлыками «сделано в России» и «made in USA». Следовательно, когда мы говорим о «возрождении», под этим надо понимать нормы и ценности культуры образованных слоев населения ВКЛ и Северо-Западного края.

Отмечу в данной связи очень важный аспект. Для шляхты моральные ценности (личное достоинство, честь семьи, верность королю и магнату, честное слово) являлись мощными регуляторами поведения. Для крестьян же такие понятия просто не существовали. В этом смысле большинство нынешних горожан Беларуси до сих пор остается «крестьянами» — то есть, людьми лишенными чувства личного достоинства, уважения к самим себе. Власть любого уровня делает с ними что хочет, унижает повсюду, обманывает даже в мелочах — они все терпят, не смеют бунтовать. Их лозунг: «абы ціха!» Вот чиновники и топчут их в свое удовольствие.

А что касается «крестьянского короля Стаха», о котором писал Короткевич... Он, наконец, пришел. Хочется спросить у «адраджэнцаў»: что же вы не радуетесь ему? Ведь это — идеальный архетип белорусского крестьянина*. Такой же индивидуалист и хитрец. Такой же скупердяй и завистник. Так же неблагодарен и злопамятен. Столь же искренне презирает «навукі», «скубэнтов», специалистов-профессионалов. Аналогично ненавидит талантливых и ярких людей. Наконец, такой же трус... А уж «кіраваць» ему нравится до полного самозабвения.

Видимо, радости нет потому, что неприятно ежедневно в больших дозах видеть свои родные черты, гипертрофированно отраженные в зеркале средств массовой информации...

Смею думать, что в XXI веке нашим «королем» должен быть человек городского происхождения, верующий христианин, с хорошим гуманитарным образованием. Хватит с нас «крепких хозяйственников» и рачительных председателей колхозов.

Какой позитивный вывод можно сделать из очерченного выше «негатива»?

Очень простой. Каждому из нас (включая автора) надо заниматься самовоспитанием. Ежедневно работать над изменением

* Архетип (греч.) — первичная форма. В психологии под архетипом понимают изначальный, базовый образец, воспроизводимый людьми бессознательно и определяющий их поведение.

своего образа мыслей в духе завета великого Чехова: «по капле выдавливать из себя раба». Сознательно культивировать те качества, которые в своей совокупности образуют идеальный образ «благородного человека» — горячего патриота, смелого рыцаря, человека долга и чести. Любой нормальный человек, читавший книжки хотя бы в молодости, имеет представление обо всем этом.

Воспитывать свои моральные качества возможно только через поступки. Например — не позволять никому плевать на себя. Не прощать обман ни знакомым людям на уровне быта, ни государственным деятелям на уровне политики. Всегда держать свое слово. И многое другое в том же духе. В противном случае человек будет казаться «настоящим» только самому себе. И только тогда, когда остается один в комнате.

Конечно, говорить об этом намного легче, чем делать. Но в Библии сказано — «По делам вашим воздастся вам!» Иного пути нет.

5. «Адзіная мова» или двуязычие?

Яростные споры о роли языка в формировании национального самосознания (идентичности) белорусов идут давно. Оппоненты делятся на две основные группы.

Представители одной («адраджэнцы», или — по Акудовичу — «этнографически-языковые националисты») убеждены, что в случае полной утраты жителями Беларуси «матчынай мовы» не станет на свете ни белорусов, ни белорусского патриотизма, ни оригинальной культуры — ничего «своего» («адметнага»).

Другая группа (по Акудовичу, «общественно-гражданские националисты») мыслит в категориях современной культурологии. Они считают, что и при таком варианте развития белорусская нация не исчезнет, и с патриотизмом тоже все будет в порядке.

«Адраджэнцы» постоянно твердят встречным и поперечным, что «без белоруской мовы сучасная беларуская нацыя немагчыма»! Лично я убежден в обратном: вполне «магчыма». Примером тому служат многие бывшие колониальные нации, перешедшие на язык колонизаторов, но показывающие завидный для нас пример консолидации народа на платформе национальной идеологии. Один из самых ярких таких примеров — Ирландия.

Среди ее жителей «коренных» ирландцев — 94 %, но родным гэльским языком пользуются только 2 % населения, тогда как 98 % — английским. И это несмотря на то, что между гэльским и английским языками (принадлежащими к кельтской и германской лингвистическим группам) нет никакого сходства, в отличие от белорусского и русского.

В качестве примера «возрождения» языка «адраджэнцы» нередко ссылаются на Израиль, где якобы «полностью восстановлен язык древних иудеев — иврит». Увы, это сказка!

Во-первых, во всех учебных заведениях Израиля обязательно изучают английский язык. Уже — официальное двуязычие. Причина проста: иврит, вследствие своей древности, мало пригоден для использования в науке, технике, медицине, военном деле.

Во-вторых, евреи, приехавшие в Израиль из разных стран, в повседневной жизни пользуются еврейскими жаргонами прежних мест обитания — идиш, спаньоль, ладино. А миллион эмигрантов из бывшего СССР (25 % населения страны) вообще говорит, читает и думает исключительно на русском!

В-третьих, в процессе первичной ассимиляции (абсорбции) вновь прибывшие должны выучить лишь минимальный набор общеупотребительных слов и выражений на иврите — примерно тысячу языковых единиц. Если сравнить в этом плане жителей Беларуси с жителями Израиля, то средний белорус способен вспомнить намного больше белорусских слов и выражений!

Почти все «адраджэнцы» — представители белорускоязычной части интеллигентов-гуманитариев (литераторы, филологи, журналисты, историки, деятели искусств). За последние 20 лет стало ясно, что под «возрождением» они подразумевают в основном директивный (насильственный) перевод на белорусский язык всех сегментов социума: детских садов, школ и вузов, государственных предприятий и коммерческих фирм, общественных организаций, судов и милиции, вооруженных сил.

Нетрудно понять — почему. По той простой причине, что только таким образом они могут обеспечить СЕБЕ руководящие роли в структурах политической и общественной системы. Иными словами, «адраджэнцы» уже давно защищают не «мову», а свое место под солнцем. Ведь если у «мовы» нет перспектив, то и они никому не нужны.

Известно, что жители белорусских городов и местечек в XIX веке говорили, читали и думали на польском, еврейском, русском языках. Однако никто не ставит вопрос об их возрождении. О чем тогда речь? Именно о том, что надо *заставить* жителей городов, поселков и деревень Беларуси — всех поголовно — перейти с русского языка на белорусский. Несмотря на то, что единого языка для всех жителей страны никогда в нашей истории не было.

Между тем, большинство жителей Беларуси ни о чем подобном не мечтает. Результаты последних двух переписей населения наглядно это подтверждают. Напомню, если кто-то забыл. За 10 лет, прошедших с 1999 до 2009 года, число граждан, назвавших родным языком белорусский, сократилось с 73,6 % до 53,2 %, то есть на 20,4 % . Реально же пользуются «мовой» в повседневной жизни (разговаривают дома, в семье) уже не 37 %, а только 23 % людей. И это вопреки тому, что число тех, кто считает себя белорусами, увеличилось за тот же период с 81 до 83,7 %. При сохранении такой тенденции через следующие 10 лет «мову» назовут «родной» максимум 25 % населения, а в реальном ее «употреблении» признается не более десятой части граждан.

Казалось бы, что печальная судьба БНФ должна была убедить всех в бесперспективности выпячивания на первый план проблемы языка. Так нет же! И это еще больше усиливает мое убеждение, что дело не в «мове, а в самих ее защитниках.

Я категорически не согласен с мнением тех, кто искренне верит, что и сегодня вполне возможно возрождение белорусского языка в полном объеме. Возвращение «мовы» на те позиции, которые она занимала хотя бы в начале 1930-х годов — абсолютно нереально. И дело здесь далеко не в одном лишь желании или нежелании наших государственных деятелей.

Вследствие русификаторской политики царских (затем советских) властей белорусский язык в течение 200 лет фактически не развивался в научно-технической, медицинской, военной и общественно-политической сферах. Поэтому для того, чтобы он стал единственным средством коммуникации (чего никогда не было в нашей тысячелетней истории — даже во времена ВКЛ), требуется решить несколько задач, на практике не решаемых.

Во-первых, в силу своей архаичности современный белорусский язык закономерно проигрывает неофициальное соревнование с русским. Русский язык возник как средство общения пред-

ставителей разных этносов и до сих продолжает успешно играть эту роль. Весь мир вступил в период глобализации. Контакты между государственными органами, общественными организациями, коммерческими фирмами и частными лицами приобрели небывалую ранее интенсивность. Неужели белорусский язык способен заменить в этом плане русский?

Поскольку русский язык появился именно как «жаргон» межнационального общения («койне»), постольку обладает исключительной гибкостью, «терпит» без ущерба для себя лексические и синтаксические заимствования из самых разных языков. В этом плане белорусский язык даже близко не может сравниться с ним. В качестве средства выражения сложных идей и замысловатых концепций русский несравненно удобнее, что бы ни говорили на эту тему белорусские «філэлагі».

Например, чем восполнить многозначность весьма значительной части русской лексики? Это ведь касается даже самых простых слов. Например, «коса». О какой косе идет речь (женские волосы, орудие сельского хозяйства или узкая полоса суши, протянувшаяся от берега в глубь водоема) можно понять только из контекста. А вот в белорусском языке, как и во всяком другом архаическом наречии, подавляющее большинство слов имеет лишь одно значение. Это свидетельство бедности языка, отнюдь не богатства.

Вспомним знаменитую фразу лингвиста Щербы — «глокая куздра штеко будланула бокра и зачала кудрячить бокренка». Белорусский язык такого синтаксиса не выдерживает. Когда, например, эмигрант из бывшего СССР, проживающий на Брайтон-бич, говорит «чилдренята в скуле скачут через виндовку, а тичер не видит», это все еще русский язык. Попытки же строить таким образом фразы на «мове» превращают ее в бессмыслицу.

Во-вторых, на русском языке существует гигантский массив научной, технической и профессиональной литературы (монографии, учебники, пособия, рефераты, наставления, инструкции, статьи и т.п.) — МИЛЛИОНЫ публикаций. Чтобы перевести всю эту литературу на белорусский и издать, требуется очень большой коллектив переводчиков, работающий в непрерывном режиме лет так 100. Это немислимо и по экономическим соображениям, и в смысле «человеческого фактора» — нет у нас спе-

циалистов по всем отраслям знания, в совершенстве владеющих двумя языками.

К тому же в белорусском языке отсутствуют десятки тысяч специальных терминов и лексических конструкций. Их нет в юриспруденции и экономике, политологии и социологии, психологии и математике, астрономии и географии, медицине и спорте, военном деле и технике, информатике и логике, биологии и физиологии, химии и физике...

Неужели возможно такое, чтобы обладатели тысяч и тысяч профессий отбросили гигантский корпус учебной, служебной и научной литературы по своим специальностям и начали, что называется, «с чистого листа?» Это абсолютно исключено.

Вспомните, как в начале 90-х годов наши власти потребовали перевести на белорусский язык деловую документацию и служебную литературу для работы предприятий и учреждений. И что же? Самых упрямых хватило на два — три месяца. Потом они сдались.

Конечно, если мобилизовать ресурсы нашего небогатого государства и нанять сотни три переводчиков, то за несколько лет они придумают белорусские аналоги для всех специальных терминов. Вот только интересно было бы увидеть, как народ добровольно начнет запоминать и внедрять в повседневную речь — устную и письменную, деловую и личную — десятки тысяч искусственно придуманных терминов. Я уж не спрашиваю: ради чего?

Сегодня 99 процентов населения Беларуси говорит либо по-русски, либо на «трасянке». Владение «чистой мовай» — прерогатива крайне немногочисленной группы «нацыянальна сьвязаных» интеллигентов (по моим подсчетам, в Минске таковых не более 500 человек на 1,7 млн жителей — 0,03 %).

Эти люди самоуверенно считают самих себя «властителями дум» и законодателями «интеллектуальной моды». Они стараются «не замечать» научную, научно-популярную, общественно-политическую и, тем более, художественную литературу, выходящую на русском языке. Между тем, в Беларуси книги по экономике и социологии, психологии и политологии, биологии и медицине, математике и физике, информатике, химии, геологии и прочим предметам все 19 лет независимости в 99 % случа-

ев издаются на русском. Почему? Да хотя бы потому, что — как уже сказано — современная научная терминология на «мове» в этих дисциплинах отсутствует.

Например, в 2009 году вышло исследование Ярослава Романчука и Леонида Заики «Беларусь: транзитная зона» (768 страниц). В ней исчерпывающим образом рассмотрены все «извивы» и «изгибы» отечественной экономики. Поставлен диагноз, дан ясный прогноз на будущее. Но, поскольку книга издана на русском языке, «свядомые» не смогли разглядеть ее даже сквозь очки с толстыми стеклами.

И так — что ни возьми. Вот наглядное сравнение. Выход в свет сборника исторических статей Анатолия Грицкевича «Старонкі нашай мінуўшчыны» в апреле 2009 года «беларускамоўны» рецензент назвал «событием» в отечественной историографии, хотя сборник полностью состоит из ранее опубликованных работ профессора, а его тираж — всего лишь 500 экземпляров.

Зато издание в сентябре того же 2009 года трехтысячного тиража книги того же А.П. Грицкевича «Западный фронт РСФСР 1918—1920: Борьба за Белоруссию между Россией и Польшей» статуса «события» не получило. Книга совершенно новая и написана с точки зрения патриота Беларуси. Тем не менее, она не удостоилась ни одного отзыва ни в одной газете, выходящей на «мове», ни в одном электронном средстве информации! Причина исключительно в том, что издана на русском языке.

А ведь А.П. Грицкевич в свое время был одним из учредителей БНФ, затем возглавлял объединение «Бацькаўшчына». Однако «свядомые интеллектуалы» безжалостны: «калі нешта ў Беларусі друкуецца не на мове, дык гэта не існуе». Почти по Декарту — *cogito ergo sum*.

Это просто смешно. Стоит появиться в трех — четырех магазинах Минска какому-нибудь сочинению на «мове» тиражом 150 или 200 экземпляров, как пресловутая «негосударственная» пресса начинает дружно его хвалить. И тогда становится ясно, что к изданиям на белорусском языке неприменимы такие критерии, как способности автора, то, в какой мере он «владеет вопросом», просто — интересно ли его сочинение. Все прощается лишь за то, что «выдаў на мове». Между тем, многих из этих авторов следовало бы время от времени пороть ремнем по голой

заднице, приговаривая: не пиши, коль не умеешь. Не пиши ни на каком языке — беларуском, русском, монгольском...

В связи со сказанным кратко коснусь некоторых аспектов истории «мовы». Академик Российской Императорской Академии наук Ефим Карский (первый академик-беларус) еще в начале XX века утверждал:

«Все главнейшие особенности современных беларуских диалектов в большей или меньшей степени сложились не позже XIII столетия. В большинстве особенностей беларуский язык является прямым носителем общерусских черт»*.

Иначе говоря, пресловутый старобеларуский язык — это общий славянский («рюсский») язык жителей Галицкой, Киевской и Полоцкой Руси. Впервые он появился у древних антов, живших в III—VI веках на территории от Днепра до Днестра, от Припяти до Черного моря. Около тысячи лет «рюсский» язык являлся общим для жителей тех земель, что ныне разделены на Украину, Беларусь, Брянщину, Смоленщину, Новгородчину, Псковщину.

Убедиться в справедливости моих слов нетрудно. Возьмите и почитайте ту же «Библию» Скорины (1519 г.), или любой из трех «Статутов ВКЛ» (1529, 1566, 1588 гг.). Вот для примера фрагмент из Статута 1588 года:

«Артыкуль 5. О хоружих земьском, дворномъ и поветовыхъ.

Хоружьства во всех земляхъ и поветехъ великого князства где до того часу бывали, таким радомъ и способомъ мають быти захованы, ижъ мы, господарь, хоружихъ инакъшихъ не маемъ установляти, только людей зашныхъ, годных, ростропных, родичовъ властных того панства и оселыхъ в повете томъ. Ведь же того вряду хоружьства иначей давати не маемъ за обраньемъ на то певныхъ особъ черезъ обывателей кождое земли и повету тымъ порадькомъ, яко обиранье врядьниковъ судовых, земьскихъ в сем же статуте описано. А с тыхъ особъ, обраныхъ и намъ от становъ поданыхъ, кому се намъ с паны радами нашими напристойней видети будетъ, того мы зверхности наше, господарское, на тотъ врядъ преложимъ и привильемъ нашимъ потвердимъ»...

* Карский Е.Ф.. Белорусы. Введение в изучение языка и народной словесности. Вильно, 1904, с. 105.

Неужели это «беларуский» язык, пусть даже «старый»? Может быть все-таки просто славянский?

А вот цитата из церковной рукописной книги «Четьи-минеи», написанной в 1669 году на якобы «старобеларуском» языке:

«Сию книгу глаголемую житие святыхъ отецъ на монастырь Ку-теенский пань Иван Касабуцкій мещанин Шкловскій».

И это тоже беларуский язык?

Финско-тюркская Московия не имела никакого отношения к возникновению и развитию «рюсского» языка. Она сама усваивала его более 800 лет. Литературным он стал благодаря такому гению как Пушкин лишь в начале XIX века. Поэтому отвержение русского языка на том основании, что «гэта маскальская мова, якая не мае да нас ніякага дачынення» — глупость, основанная на невежестве.

События в прошлом развивались по следующей схеме. После объединения ВКЛ с Польшей правящие круги, шляхта и значительная часть мещанства Великого Княжества постепенно перешли с общеславянского языка на польский. После разделов Речи Посполитой — с польского на русский. Валентин Акудович объяснил феномен перехода беларуской элиты со славянского на польский и позже на русский язык следующим образом:

«Старобеларуский (русский) язык... с момента основания ВКЛ в XIV веке был... языком Власти (от политической и религиозной до финансовой и культурной). Поэтому на нем (независимо от этнической или племенной принадлежности) разговаривали, писали (или хотя бы его знали) все, кто был при власти или стремился занять определенное место в ее структурах. Но как только языком Власти стал делаться польский, так старобеларуский сразу пришел в упадок, ибо он был ценным не сам по себе (...); он был ценным только как коммуникационное средство отношений между разными властями и внутри каждой из них. И вытеснение беларуского языка польским не говорило ни о чем другом, кроме как о смене властвующих элит» («Код адсутнасці», с. 37).

А в крестьянской среде славянский язык существовал в виде местных диалектов («гаворак»). Лингвисты объединяют многочисленные «гаворкі» на территории Беларуси в четыре основные группы: северо-восточную, среднебеларускую, юго-западную, полесскую. Считается, что современный литературный бе-

ларуский язык был создан на базе среднебеларуских диалектов. Обратите внимание: создан искусственно, а не возник естественным путем!

После 1920 года, когда власть в БССР оказалась в руках беларускоязычной «номенклатуры», поголовно вышедшей из крестьян, этот литературный вариант беларуского языка на какое-то время приобрел «официальные права» в Беларуси. Но очень скоро его снова стал вытеснять русский язык.

И еще. Язык — в первую очередь средство общения! Но где содержание? Неужели наивные сказки об «умных мужиках» и «глупых панах», произведения «сельских пролетариев» прошлого века да заузные сочинения нынешних «оригиналов» (вроде Альгерда Бахаревича), пишущих для узкого круга «избранных», это и есть то, что мечтают читать в подлинниках современные беларусы?!

Но «філэлагі-адраджэнцы» думают именно таким образом. Поэтому вполне закономерно они оказались на обочине общественной и политической жизни Беларуси. Не один я так думаю. Вот еще два высказывания Валентина Акудовича, с которыми полностью солидарен:

«Языково-этнографическая форма... национального обустройства Беларуси уже не жизнеспособна и, значит, не пригодна для формирования вполне качественной нации» (с. 146–147).

«Необходимо прекратить невидимую войну двух беларуских национализмов — «языково-этнографического» и «общественно-гражданского». И первым просить о мире должен *этнонационализм*: и потому, что он побежден, и потому, что это он начал войну, и потому, что ему придется искать у победителя снисхождения и понимания, чтобы найти себе место и сохраниться в той конфигурации беларуского общества, которая исподволь формируется на концепте посполитого национализма» (с. 151).

Так что, в близком будущем нас ждет полная кончина «мобы»?

По моему мнению, решение данной проблемы следует разделить — условно говоря — на «программу-минимум» и «программу-максимум».

«Программа-минимум должна обрести четкое оформление в виде закона Республики Беларусь о защите национального языка. Насколько мне известно, Общество белорусского языка имени Фр. Скорины («Таварыства беларускай мовы імя Францішка Скарыны») проект такого закона то ли уже подготовило, то ли завершает его разработку.

При таком варианте дальнейших событий «чыстая мова» — скорее всего — повторит судьбу иврита древних евреев. Она (как и иврит) останется достоянием небольшого круга специалистов (филологов, лингвистов, литераторов). А народ будет по-прежнему говорить либо на «трасянке», либо на русском языке.

Программа-максимум — это мечта. Мечта о том, что хорошо бы лет за 15–20 перевести на белорусский язык те сегменты общественной жизни, которые выдержат такой перевод без потери качества. Это топонимика и гидронимика, торговля и реклама, церковь (все конфессии), радио и телевидение, органы государственного управления, милиция (лучше бы полиция), дошкольные учреждения, начальная и средняя школа.

Науку, технику, медицину и оборону не трогать ни в коем случае. Разве что поставить себе цель отбросить эти сферы общества в XIX столетие. Тогда, конечно, флаг в руки и полный вперед далеко назад!

В средней школе надо изучать русский язык как иностранный (на материале классических произведений русской литературы — без «советских творцов»). В высших и средних специальных учебных заведениях предметы общественно-политического и культурно-исторических циклов преподавать на белорусском языке, технические и естественнонаучные дисциплины — исключительно на русском. Не заниматься дурью под названием «беларусизация физики, химии, математики, биологии, психологии...».

Реально все это означает ДВУЯЗЫЧИЕ, с тем отличием от нынешнего положения вещей, что «первую скрипку» должна — теоретически — играть «мова», а не русский язык.

Почему теоретически? А вот почему. Во-первых, неизвестно, хочет ли вернуть «мову» наш народ (по мнению «адраджэнцаў» — «неправильно ориентированный» и «деморализованный», сначала коммунистами, а после них — «антинародным

режимом»). Лично я сильно сомневаюсь в наличии подобного желания. Данные переписи 2009 года говорят о том же.

Во-вторых, кто конкретно и на какие средства будет заниматься решением серьезнейших практических проблем, отмеченных выше? Таких специалистов крайне мало, а денег для достойной оплаты их труда найдется еще меньше.

Если же кто-то всерьез думает, что в скором будущем беларусы волшебным образом поголовно вернуться к своему родному языку, полностью отказавшись от русского, тот просто дурак.

И в заключение хочу сказать тем, кто ратует за немедленное «восстановление позиций» беларуского языка в обществе: если кто-то хочет уже сегодня всегда и везде говорить на беларуском языке, ему никто не мешает! Пусть говорит, его поймут. Подавляющее большинство беларусов не видит в двуязычии никакой проблемы.

6. «Коренные» и «пришлые»

На самом деле это — надуманная оппозиция. Она является завуалированным выражением многовековой ненависти деревни к городу, крестьян — к «панам», малограмотных — к образованным. И больше ничем.

В книге Юлии Чернявской «Белорусы: От «тутэйшых» к нации» вычитал следующее признание одного из блоггеров:

«Я родился здесь, вырос, мои деды тут похоронены. Да, я русский, но неужели я не могу быть полезен Беларуси? Мулявин, например, смог, хотя был русским, но совершил практически подвиг, став едва ли не апологетом культуры другой страны...»

Хочу сказать автору этих слов, укрывшемуся под псевдонимом: не комплексуй, парень! Не имеет значения, кто ты генетически («по крови»). Важно кто ты по своему сознанию. Ученые давно доказали, что главный признак этнической принадлежности (национальности) — не «кровь» (генетика), а самосознание.

Просто беда, что люди не знают прописных истин современной науки. Определяющим фактором национального самосознания является то, в духе какой культуры человек воспитан. Например, Пушкин «по крови» был эфиоп; Лермонтов — шотландец; Фонвизин, Герцен, Блок и Гиппиус — немцы; Даль — датчанин; Гоголь, Ахматова, Бунин, Короленко, Зощенко — ук-

раинцы; Достоевский, Булгарин, Соллогуб, Грин — беларусы; Надсон, Мандельштам, Пастернак, Маршак — евреи; Грибоедов и Мережковский — поляки. Но все они заслуженно считаются выдающимися русскими литераторами.

Продолжу эту мысль примером из нашей истории. Можно сколько угодно заявлять о том, что Костюшко и Немцевич, Ясинский и Малаховский, Огинский и Вавжецкий, Князевич и Траугут, Мицкевич и Монюшко, Киркор и Чечот, Борщевский и Сырокомля по своему этническому происхождению были беларусами. Принципиально важно иное — то, что сами они считали себя «польской шляхтой литовского происхождения», говорили, писали и ДУМАЛИ на польском языке.

Поэтому, если вырос в Беларуси и считаешь себя беларусом — значит, ты беларус. Не обращай внимания на ущербных типов, пытающихся делить наш народ на «карэнных» и «прышлых», «беларускамоўных» и «рускамоўных». Истинная мотивация тех, кто хочет резать по живому, находится в иной плоскости. Для них «коренные» — исключительно выходцы из деревень, то есть — они сами, их родня и земляки. Наша деревня всегда ненавидела город, а горожан, как отметил известный культуролог Николай Крюковский в одной из своих статей, всех скопом называла «жидами».

Эти «лузеры» по собственной воле засели в канаве возле шоссе, по которому наше общество движется в будущее. И оттуда пытаются удивлять своими глупостями проезжающих и проходящих мимо. Только никто их давно не слушает, кроме других таких же «лузеров».

Скажу для примера несколько слов о себе. Мои отец, дед и прадед были минчане, а мой род, принадлежавший до 1831 года к служилому сословию, существует не менее 300 лет (документальное свидетельство тому — грамота императрицы Екатерины II от 11 апреля 1785 года, подтверждающая шляхетское достоинство моих предков). Долгое время они пользовались польским языком, в XIX веке перешли на русский. Неужели я, минчанин в четвертом поколении, прямой потомок беларуской шляхты, буду обращать внимание на мнение вчерашней деревенщины «аб гараджанах і сялянах», «беларускамоўных» и «рускамоўных»?!

Ориентир для меня и множества моих единомышленников — высказывание выдающегося общественного деятеля дореволю-

ционной Беларуси, потомственного шляхтича и ревностного католика Эдварда Войниловича (1847—1928):

«Войниловичи не пришли ни с Востока, ни с Запада — они коренные, местные, кость от кости, кровь от крови того народа, который когда-то хоронил своих предков в этих курганах...».

7. Соседи и враги

Друзей у нас нет и никогда не было. Великий политик Уинстон Черчилль когда-то сформулировал этот принцип предельно четко: «В политике не может быть постоянных друзей. В политике могут быть только постоянные интересы».

К сожалению, данный принцип не относится к врагам. Враги у нас все те же, извечные. На востоке — Москва, на западе — Варшава.

Среди людей старших поколений, выросших в советские времена, до сих пор еще не умерла надежда на союз Беларуси с Россией. Они верят, что все наши проблемы решатся после объединения с Россией. В своем подавляющем большинстве те, кто хочет «объединяться», это пенсионеры. Их у нас более чем достаточно. Лица пенсионного возраста составляют более четверти населения — 26 %. Мягко говоря, они весьма наивны. Мол, у нас нет природных запасов энергоносителей, поэтому единственный выход — объединение с Россией. Но и в этом случае нефть и газ все равно придется покупать. Дарить никто ничего не собирается. В чем тогда смысл объединения? В более низких ценах на энергоносители? А за это платить жизнями наших сыновей в очередной колониальной войне России? Можно ли считать патриотами пенсионеров, призывающих к объединению с Россией, в результате чего беларуская молодежь станет заложницей политических авантюр Кремля!

В России полно своих проблем. Глупо думать, что наши вопросы Москва начнет решать раньше, чем застарелые беды всех 89 субъектов федерации. В России из-за долгов министерства обороны энергетики отключали от электричества даже ракетные комплексы. Тем более они не будут церемониться с нашими пенсионерами, не желающими полностью оплачивать коммунальные услуги.

Сравнительно малочисленная, но влиятельная часть белорусского общества, ратующая за соединение с Россией — чиновники. Однако они забывают о российских чиновниках, которых сейчас в два раза больше, чем было во всем СССР. Зачем российскому правительству еще и белорусские управленцы высшего и среднего эшелона власти? Внутри российской властвующей элиты идет жестокая борьба за контроль над финансовыми и товарными потоками. Неужели кто-то из ее представителей пустит на свое место белорусских чиновников в знак благодарности за сдачу суверенитета Беларуси? Да и зачем платить тем, от кого уже ничего не зависит?

Энергоносители, стратегическое сырье, продовольствие — вовсе не абсолютные ценности. В этой области всё зависит от того, как государство умеет распоряжаться тем, что имеет. Многие страны — экспортеры нефти и газа — сотрясаются в результате внутренних конфликтов. Фактически, ими манипулируют из-за рубежа.

Для российских политиков Беларусь — это стратегическая, «буферная», «бамперная» или ещё какая-нибудь другая «зона». А для нас это Родина, и она у нас одна. Несмотря на многочисленные речи о братстве и дружбе, российские политики всегда проводили четкую границу: это белорусы, а это — они (вспомните слова В.В. Путина о «мухах и котлетах»). Исходя из данного принципа, они строят экономические и политические отношения с нами.

Нигде на свете мы никому не нужны. И тот факт, что население в нашем государстве в 15 раз меньше, чем в Российской Федерации, означает лишь то, что мы в 15 раз сильнее должны любить свою Беларусь.

Вооружённый нейтралитет — единственно приемлемая военная доктрина для Беларуси. Участие и в антироссийских, и в антизападных коалициях не соответствует нашим интересам. Российские политики традиционно стремятся заслониться белорусами от возможного столкновения с Европой. Наш народ уже много раз оказывался под огнем с двух сторон. Неужели требуются новые эксперименты в этом направлении? Амбиции всех российских генералов, вместе взятых, не стоят жизни ни одного белорусского солдата, милиционера, сотрудника спецслужб.

Российские политики до сих пор не оставили мысль о том, чтобы усадить депутатов от «Северо-Западного края» в Совете Федерации между представителями Башкирии и Бурятии. Если такое когда-нибудь случится, это станет трагедией для белорусского народа, потому что никакую личную ответственность нельзя сопоставить с утратой государственной независимости.

Конечно, российские империалисты будут продолжать травливать одну часть белорусского народа на другую, чтобы им легче было проглотить Беларусь. Президентские выборы 2010 года показали это очень наглядно. Но, «товарищи» и «господа», такая политическая игра небезопасна для стабильности самой России. Например, численность населения во всей Чечне в полтора раза меньше, чем в одном только Минске. Российским политологам, всем этим Павловским, Марковым и Леонтьевым, следует напомнить, какой национальности был народоволец Гриневицкий, бросивший бомбу в царя Александра II, в каком городе проходил Первый съезд РСДРП, разрушившей Российскую империю, и на территории какой страны был подписан документ, покончивший с существованием СССР.

Русские для нас в прошлом — завоеватели и колонизаторы, уничтожившие наше древнее государство — Великое Княжество Литовское, существовавшее 550 лет. Ныне — просто соседи. И хотя это соседи высокомерные, алчные и наглые, с ними надо жить в мире, ибо другого выбора у нас просто нет.

А что касается Польши...

Во-первых, хочу напомнить тем, кто склонен восторгаться Республикой обоих народов (т.е. Речью Посполитой), что конец ей положили не русские, а поляки. По конституции 3 мая 1791 года Речь Посполитая превратилась в унитарное государство, автономия ВКЛ подлежала ликвидации. Другое дело, что российская оккупация последовала так быстро, что это положение конституции не успели провести в жизнь.

Единственным языком государственных учреждений, а также образовательных заведений всех типов задолго до 1791 года стал польский. Католическая церковь занимала привилегированное положение в обществе и государстве по сравнению с униатской, православной и протестантской Церквями.

Поэтому, если бы 2-й и 3-й разделы Речи Посполитой не состоялись, то примерно за 100 лет все население Беларуси было бы полностью полонизировано и окатоличено (пусть в форме униатства). На этот счет не должно быть никаких иллюзий. Привилегированное сословие (магнаты и шляхта) к тому времени и так уже ополячилось. Вслед за ним быстро ополячивалось городское население, затем пришел бы черед крестьянства. Тем, кто сомневается, рекомендую детально ознакомиться с национальной политикой Варшавы на «крэсах восточных» в 1930-е годы. Очень поучительно!

Во «второй» Речи Посполитой (1918—1939 гг.) все 20 лет независимости каждое новое правительство, независимо от своей политической окраски, упорно и последовательно проводило один и тот же курс — на полонизацию всех неполяков. Например, к 1939 году в Западной Беларуси не осталось ни одного учебного заведения с белорусским языком обучения.

Во-вторых, хочу напомнить, что ровно через 128 лет после 3 мая 1791 года, а именно — 2 мая 1919 года, депутаты сейма только что возродившегося польского государства одобрили так называемую Виленскую декларацию. В ней однозначно сказано: «Отечество Костюшко, Мицкевича и Траугута /т.е. Беларусь — *Авт.*/ принадлежит Польше как неделимая часть!» До сих пор никто в Польше не заявлял об отказе от этого принципиального тезиса. Между тем с того дня прошел 91 год, можно было бы уже и признать право белорусов на свое суверенное государство.

Надо прямо говорить об этом нашим сторонникам открытия границы с Польшей. Нынешние польские идеологи и политики по отношению к белорусам действуют поистине как «волки в овечьей шкуре». Иногда довольно успешно.

В качестве примера сошлюсь на деятельность группы гродненских историков, финансируемой польскими фондами. Посмотрите в библиотеке по каталогам, чему посвящены их исследования. Исключительно доказательству прогрессивного польского влияния — во все времена — на темных отсталых белорусов*. В этом ряду и иезуиты с базилианами, и польский костёл в целом, и Виленский университет, и пресловутые «краёв-

* Я составил список, убедительно подтверждающий этот тезис. Но не называю гродненских авторов по фамилиям и не привожу перечень их работ, чтобы избежать заявлений о «клевете» и судебных исков с целью возмещения «морального ущерба».

цы», и даже «богатэры» (в смысле — «герои») Армии Краёвой, отважно сражавшиеся с нацистами и коммунистами.

Кстати о бойцах АК. Множество документов 1940-х годов неопровержимо доказывают, что они лютой ненавистью ненавидели беларусов именно за то, что беларусы хотели быть самими собой. Польские «богатэры» безжалостно убивали беларуских женщин и детей, скитавшихся по Западной Беларуси в поисках пропитания лишь на том основании, что эти несчастные говорили на беларуском, а не польском языке, и на шее у них висел православный, а не католический крестик! О беларуских учителях, агрономах и председателях колхозов лучше вообще не вспоминать.

Партизаны АК категорически не желали признавать беларуские земли — беларускими. Они упрямо считали их польскими. В Польше и сегодня очень многие так думают. Почитайте, например, мемуары Чеслава Милоша, выдающегося польского поэта, лауреата Нобелевской премии. Сей высокообразованный и талантливый литератор, родившийся на Виленщине, до конца своей жизни был убежден в том что «крэсы» — окраина именно Польши, а не какая-то Беларусь. Для этого «вроде бы гуманиста» мы так и остались туземцами, в принципе неспособными развиться до уровня «эўропейчыков», то бишь — поляков!

В заключение этой печальной главы я призываю: «Беларусы! Не ждите никакого сочувствия со стороны. Мы нужны только самим себе! А любые подарки нам всегда оказываются сыром в мышеловке».

8. О власти и оппозиции

В начале 1990-х годов представители беларуского крестьянства на короткое время взяли власть. Но затем выпустили ее из рук. Да не просто выпустили, сами отдали!

Ах, как они себя любили в этой власти, с каким увлечением делили должности и деньги, вещали стране и миру о своих смутных идеях. Например, «аб Адраджэнні». Возрождению чего? «Сялянскай гаворкі»? А кроме нее еще чего? Это так и осталось неизвестным.

Когда произошли события, о которых ныне помнят только историки и политические пенсионеры, когда председатель Верховного совета Республики Беларусь Семен Шарецкий вопреки

собственному желанию вдруг оказался не у дел, что он предпринял? Призвал народ на баррикады? Или стал раздавать оружие своим сторонникам, как это делал в августе 1991 года покойный Егор Гайдар? Потребовал от руководства какой-нибудь силовой структуры (например, МВД) арестовать главных виновников узурпации власти? Может быть, попытался объявить в стране чрезвычайное положение?

Нет, он стал... жаловаться! Жаловаться ближнему и дальнему свету через газеты, радио, телевидение. Видимо всерьез надеялся, что в ответ на жалобное нытье «шаноўнага старшыні» вдруг кто-то придет, то ли из Брюсселя, то ли из Москвы, надерет задницу «узурпаторам» и на вышитом полотенце вернет власть «правильным хлопцам»!

Но в политике так не бывает. Политика — это война. В ней сражаются насмерть. А кто не может драться — тот не политик. Вот я и говорю: наши оппозиционеры — не политики. В своем большинстве — фантазеры и эгоисты. Они сторонники не какой-то величественной идеи, а исключительно своих мечтаний «аб уладзе». Поэтому у них нет перспектив. В лучшем случае эти барашки когда-нибудь создадут свою фракцию в Верховном совете (пусть даже его переименуют в «Сойм») и будут долго объяснять волкам «як будаваць нацыянальную дзяржаву». Впрочем, сами они имеют туманное представление об этом предмете. В действительности, главное их стремление — чтобы волки барашков не кушали, дали возможность спокойно питаться импортной «зеленью» на политической лужайке.

Нынешнюю правящую группировку неизбежно сменит новое поколение («молодые волки»), поголовно состоящее из горожан и столь же поголовно русифицированное. Заранее прошу «нацыянальна сьведомых адрадэжэнцаў» не волноваться по этому поводу — вы лишние на этом празднике жизни.

Кого я имею в виду под лишними? Например, Беларуский Народный Фронт.

Во-первых, лидеры БНФ напугали преобладающую часть населения своими обещаниями заставить всех изучать не просто «мову», а «правильный» ее вариант — «тарашкевицу» вместо «наркомовки». Некоторые считают это безумием. Я предпочитаю термин «глупость», потому что так поступили не сумасшедшие, а обыкновенные сельские дураки.

Во-вторых, они не сделали надлежащего вывода из уроков истории. Ведь и в 1917–1921 годы большевики легко обыгрывали беларуских национал-демократов, всех этих полуобразованных крестьянских социалистов за счет того, что рисовали наивным селянам гораздо более заманчивые перспективы. А после победы над политическими оппонентами тут же отказывались от своих обещаний. Мало того, в 30-е годы еще и уничтожили их физически.

Между тем, большинство «нацыянальна сьвядомых» интеллигентов до сих пор продолжает восхищаться деятелями БНР. Непонятно только, в чем причина восторга? В том, что «бацькі Беларускай Народнай Рэспублікі» ни в 1917, ни в 1918 году не посмели взять власть силой? Или в том, что с упорством сектантов-идеалистов отстаивали безумный тезис «все отнять и поделить»? Или в том, что их микроскопические партии и группы непрерывно грызлись между собой (точно так же как грызутся сегодня их идейные наследники)?

«Основатели БНР» превыше всего ставили социальную революцию, причем непонятно, от имени кого выступали, потому что беларуский народ в своем подавляющем большинстве (на 85 %) состоял тогда из крестьян, был консервативен и монархически настроен.

Некоторые исследователи говорят, что «бацькі» опирались как раз на крестьянство. Вовсе нет. Они вдохновлялись идеей «крестьянского равенства», придуманной российскими народо-вольцами. Почитайте программу Беларускай Социалистической Громады кануна Первой мировой войны — это просто ужас! Отобрать у людей землю, потом сдавать ее в аренду, никакой частной собственности — разве могли крестьяне воевать за такую бредятину?!

Короче, для беларуских «народных интеллигентов» на первом месте было социальное, а не национальное. То же самое мы видим сегодня: «колбаса» и «кіраўніцтва» (то есть, приоритет материальных благ и монополия на власть для себя) в сознании «беларускамоўных» идеологов гораздо важнее «флага» (консолидирующей общенациональной идеи) и «храма» (веры в Бога).

Почему? Да потому, что «нацыянальна сьвядомая» публика в своем большинстве состоит из вчерашних крестьян. А крестьянство — как общественный класс — никогда не мыслит в поня-

тиях исторического процесса или в категориях национально-государственного строительства*.

Наши оппозиционеры плохо понимают реальное состояние общества, если понимают вообще. Достаточно напомнить их недавние надежды на то, что в связи с мировым экономическим кризисом «народ выйдет на улицы». Не вышел. Вообще, ни один политический прогноз лидеров оппозиционных партий за последние 15 лет не сбился. Ни один! Так разве они не фантазеры?!

Реформы, которые предлагают оппозиционные деятели, пугают народ. Народ не сомневается в том, что все связанные с переменами тяготы, лишения и страдания (пресловутая «шоковая терапия» экономики) выпадут именно на его долю. И категорически этого не хочет!

«Шаноўнае спадарства» мечтает ездить в Страсбург и Брюссель, мельтешить на официальных приемах и пресс-конференциях, разъезжать в роскошных лимузинах, заседать в огромных кабинетах, произносить речи и раздавать интервью... А «простые люди» боятся потерять работу вместе с закрытием нерентабельных предприятий (таких — третья часть от всех), боятся дикого роста цен в связи с неизбежной инфляцией, боятся перевода жилищно-коммунальной сферы на самоокупаемость, боятся всего того, что неизбежно принесут радикальные экономические реформы. Народ хочет просто жить, вместо того, чтобы своими телами прокладывать путь в Белый Дом для «нацыянальна сьвядомых» интеллигентов.

Сколько у нас в наличии микроскопических партий и движений, столько же имеется кандидатов в «спасителей нации». Но когда в Беларуси произойдет смена первых лиц (это неизбежно случится хотя бы потому, что все люди смертны), нынешних оппозиционеров никто никуда не пригласит. Как я уже сказал, «капитанский мостик» займут «молодые волки», они подросли, топчутся на лужайке целой стаей. Решительные, энергичные, образованные, безжалостные, циничные. Валентин Акудович правильно пишет:

«С XX столетием закончилась и великая эпоха «бури и натиска», в результате которой возникла независимая Беларусь. Дальше нача-

* Кстати говоря, именно поэтому трудно переоценить значение исторического образования и просвещения, осуществляемого с позиций белорусского патриотизма.

лось нечто целиком иное, но никак не похожее на то, о чем грезились и мечтались в начале 90-х годов. Мы попали совсем не туда, куда стремились...» (с. 7).

Мой вывод сводится вот к чему. «Шаноўныя спадары!» Спуститесь с облаков на землю. Попытайтесь понять, что ваша основная задача на много лет вперед — терпеливое просвещение народа. Это значит:

1) пропаганда в широких массах отечественной истории (преимущественно на положительных примерах);

2) пропаганда христианского мировоззрения и христианских ценностей (с подчеркиванием того общего, что имеется у разных конфессий);

3) пропаганда традиций и норм шляхетской и городской культуры (пусть даже не реальной, а идеальной).

То есть, ежедневная работа — будничная и неблагодарная. Надо спокойно делать ее, не думая о наградах, должностях и общественном признании. Это и есть служение идее.

Российский телеканал РБК сообщил: чистая прибыль транснациональной корпорации «Мак-Дональдс» за первые 6 месяцев 2010 года составила 2,31 млрд долларов США. И это несмотря на мировой экономический кризис! Поневоле пришлось снова задуматься о значении частной инициативы и личного интереса. Кое-кто не так уж давно обещал беларусам создать обширную сеть «своих» предприятий общественного питания — закусочных, где людей будут кормить блюдами славянской кухни (например, пирожками) и которые превзойдут «забегаловки» МД во всех отношениях. Где она?!

В этом частном вопросе как в капле воды отразилась фундаментальная истина. Чиновники любого постсоветского государства дро сих пор не считают себя частью общества. Фактически они ставят себя вне его. И потому не стремятся делать что-то хорошее для людей. Любому из них легче повеситься, чем дать возможность кому-то обогащаться, создавать что-то новое, вообще радоваться жизни независимо от чиновничьего племени. Всегда, везде, во всем они ищут свой корыстный интерес (только это, и ничего больше!) и ради него «топят в болоте» лучшие намерения граждан. Чиновников на этом свете интересуется исключи-

тельно личное благополучие, а о «том свете» они никогда не думают.

Поэтому общество тем больше способно к развитию экономики и росту материального благополучия граждан, чем больше в нем самоуправления на всех уровнях и чем меньше в нем чиновников. Внимательно посмотрев на Беларусь, мы увидим, что в нашей стране (как и в России) все с точностью наоборот.

Есть ли на свете нечто, способное заставить чиновников хотя бы часть своего времени и энергии направлять на служение благу соотечественников? По моему убеждению, фактором такого рода способен выступать только национализм. Ибо он выше разделения общества на начальников и подчиненных, богатых и бедных, верующих и атеистов, горожан и селян, либералов и консерваторов...

9. Выводы

Мне кажется, что вопрос о «конструировании» национальной идеи надо решать следующим образом.

1) Что такое человек без памяти? Двуногое животное! Что такое народ без памяти? Стадо двуногих скотов! Именно в таких скотов стремились превратить нас российские завоеватели. Во многом им эта затея удалась. У нас сегодня есть население, но нет нации. Одна из важнейших причин такого положения вещей заключается в незнании нашей подлинной истории, в навязывании нам вместо нее истории Московского царства, Российской империи и СССР.

Значит, во главу угла обсуждаемой «конструкции» надо ставить изучение и популяризацию истории Отечества с целью возрождения исторической памяти народа. И делать это надо не только на «мове», но и на том языке, которым реально пользуется подавляющее большинство жителей нашей страны — на русском.

2) Что принципиально отличает человека от животного? Наличие идеальных потребностей — в истине, добре, красоте, сострадании, любви. В совокупности эти потребности означают духовность. Сверхличностным источником духовности является христианская религия — независимо от конфессий. А художественные, публицистические и даже философские произведе-

ния разных самовлюбленных личностей — это антипод духовности. Значит, «вторая компонента» национальной идеи — религия.

3) Что делает из примитивного индивида (малого ребенка, жителя убогой деревни) человека цивилизованного? Воспитание в нормах и традициях высокоразвитой культуры!

Поэтому «третья компонента» — возрождение культуры образованных слоев населения Великого Княжества Литовского и Северо-Западного края — шляхты и мешанства. Только они и обладали культурой в широком смысле слова — интеллектуальной, эстетической, бытовой. Как в свое время правильно заявляли большевики, у трудового народа не было ни времени, ни средств для получения образования и овладения достижениями культуры.

Ответ на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, достаточно прост. Быть беларусом сегодня, в этом сложном и безжалостном мире, — значит быть националистом.

Националист — патриот своей Отчизны.

Националист верит в Бога и воплощает свою веру в конкретных поступках.

Националист следует нормам и традициям «высокой» национальной культуры.

Националист является профессионалом в избранном деле.

Националист, как верующий человек, следующий традициям предков, это образцовый семьянин.

Содержание

<i>Предисловие: СУТЬ ПРОБЛЕМЫ</i>	3
---	---

Часть I

ХРИСТИАНСТВО И БЕЛАРУСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ <i>(Алексей Шеин)</i>	7
КОНЦЕПЦИЯ БЕЛАРУСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ <i>(Олег Кравцов)</i>	19
1. Происхождение беларусов	19
2. Духовные и геополитические бренды беларусов	24
3. Основные реформы, необходимые беларускому национальному государству	38
О ФОРМЕ И СОДЕРЖАНИИ БЕЛАРУСКОЙ ИДЕИ <i>(Дмитрий Сосновский)</i>	49

Часть 2

ГЕНЕАЛОГИЯ БЕЛАРУСКОЙ ИДЕИ <i>(Игорь Бобков)</i>	62
1. Беларуская идентичность	62
2. Проекты беларуской идентичности	71
3. Беларуское Возрождение: народ и его пробудители	80
4. Время креолов	92
СОЦИОЛОГИЯ БЕЛАРУСКОЙ ИДЕИ <i>(Николай Кацук)</i>	101
Неопределенность нации	101
Воплощения Беларуси	105
Новейшая программа нациотворения	110
Борьба за языковую реальность	113
ЗАПАДНОРУСИЗМ ВМЕСТО БЕЛАРУСКОЙ ИДЕИ <i>(Павел Бич)</i>	117
«Западнорусист» Иван Солоневич	117
О мифе данности	118
Концепции и прогнозы западнорусистов	121
Западнорусизм и судьба нашего народа	128
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСКОЙ НАЦИИ <i>(Захар Шибeko)</i>	133
1. Неразвязанные узлы	133
2. Причины нынешнего положения	137
3. Путь в будущее	144

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИЙ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ КОЛОНИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**
(*Тарас Кузё*).....147

1. Советская национальная политика: роль исторической памяти ...147

2. История и национальное самоопределение на постсоветском
пространстве.....153

3. Национальная идентичность на постсоветском пространстве:
исторический аспект159

Выводы165

ПОСЛЕ КОММУНИЗМА — НАЦИОНАЛИЗМ
(*Роман Шпорлюк*)167

1. После коммунизма167

2. От традиционных культур к национализму и нациям170

3. Русомарксизм171

4. Советский эксперимент174

5. Нации и национализм в посткоммунистический период178

6. Выводы185

**ИМПЕРСКИЙ ДИСКУРС РОССИИ СТИМУЛ
ДЛЯ НАЦИОНАЛИЗМА В БЫВШИХ КОЛОНИЯХ**
(*Александр Грицанов*)201

Старая песня на новый лад201

Имперская мифология202

Стимул — реакция207

Заключение: ЧТО ЗНАЧИТ «БЫТЬ БЕЛАРУСОМ»
(*Анатолий Тарас*)196

1. Порознь или вместе?196

2. Знание истории Отечества199

3. Христианская религия206

4. Культура шляхетская и крестьянская211

5. «Адзіная мова» или двуязычие?215

6. «Коренные» и «пришлые»225

7. Соседи и враги227

8. О власти и оппозиции231

9. Выводы236

Научно-популярное издание

**БЕЛАРУСЬ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО!
(О НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЛАРУСКОЙ ИДЕЕ)**

Составитель, переводчик и научный редактор
Тарас Анатолий Ефимович

Подписано в печать 17.01.2011. Формат 60 × 90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,4. Уч.-изд. л. 15,0.
Тираж 300 экз.

Книжный клуб «Посох»
214001, г. Смоленск, ул. Свердлова, 24

Отпечатано со слайдов заказчика
в типографии «Белгородская полиграфия»
180481, г. Белгород, ул. Восточная, 19

Идеология любого национального государства должна базироваться на четко сформулированной национальной идее. Этот тезис чрезвычайно актуален для Беларуси, где титульная нация составляет 80 % населения. Несмотря на обретение независимости около 20 лет назад концепция национальной идеи здесь не выработана. Причиной тому являются популярность идей социалистического типа, господство крестьянской психологии, значительная русифицированность белорусов, энергетическая зависимость страны от России, и ряд других факторов.

Авторы сборника рассматривают принципы и содержание национальной идеи под разными углами зрения и дают ответы на ключевые вопросы. В своей совокупности эти ответы представляют развернутое изложение белорусской национальной идеи, адекватной современному периоду.

БЕЛАРУСЬ ПРЭБЫЛІШЕ БОЦЕГО
АТЛІВІЯ